

Астафьевские (малые) чтения

С ЕГО РУССКОМ ЧУЖДОСТЬЮ
И ЛЮБОВЬЮ К НОВОМУ С ЕГО
ЧЕЛОВЕЧНОСТЬЮ

Мемориальный центр
истории политических репрессий
«Пермь-36»

Астафьевские (малые) чтения

Выпуск первый

17–18 апреля 2006 г.

СОВРЕМЕННЫЙ МИР
И КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССИЯ:
ЧИТАЕМ В. П. АСТАФЬЕВА

Пермь 2006

УДК 821.0
ББК 83.3(2Рос-Рус)6-8
А91

**Издание осуществлено за счет средств
Министерства образования Пермского края
и департамента культуры,
спорта и молодежной политики
администрации города Перми.**

В сборник вошли материалы Астафьевских (малых) чтений, которые состоялись в Перми и Чусовом в апреле 2006 года и были посвящены теме «Современный мир и крестьянская Россия: читаем В. П. Астафьева». В рамках чтений работа прошла по трем секциям: «Современная русская литература и В. П. Астафьев: читаем, размышляем, пишем», «Крестьянская Россия: история и современность», «История человека проходит через его дом, род, край». Было подготовлено более 60 докладов, авторы которых, школьники и студенты, представляли город Пермь и 16 территорий Пермского края.

Сборник рассчитан на широкий круг читателей: преподавателей, библиотекарей, студентов и школьников, а также всех тех, кто интересуется жизнью и творчеством В. П. Астафьева, кто неравнодушен к историческим судьбам России и мнению об этом подрастающего поколения.

ISBN 5-88345-097-0

© Составление. Мемориальный
центр истории политических
репрессий «Пермь-36», 2006
© Оригинал-макет. Издательство
«Курсив», 2005

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Астафьев — навсегда

С небольшим двадцать лет тому назад один из писателей, тогда еще не разработавший своей «золотой жилы», в разговоре об Астафьеве сказал мне на ухо, что Астафьев-то ведь пишет брюхом.

Помню, как обидно стало мне от этих брезгливо произнесенных слов, которые были приговором, по сути, всем писателям, чьи судьбы хоть сколько-то были схожи с астафьевской по происхождению и образованию.

Очень я понимал того писателя с его «ветеринарной» характеристикой. Ну как же, вот он, культурный человек, получивший блестящее образование и утонченное воспитание, безупречно знающий русский язык с его грамматикой, стилистикой, синтаксисом, пунктуацией, литературным произношением... А тут мужик, с грубым лицом, грубым разговором, по мнению писателя того, совершенно необразованный. Мужик, и происхождения мужицкого. И вдруг такая силища, слава, такая известность, такой успех, каждая книжка — событие, подобное извержению вулкана, притягивающее внимание и читателей, и критики.

Но в отличие от нашего «алмазного» писателя, Виктор Петрович был самородком, ограненным самой судьбой. Невозможно не изумляться мощности астафьевского характера, настоящего, коренного русского характера ломоносовского типа: он упорно преодолел все на пути своего восхождения и сделал свою судьбу, как говорится, собственными руками, наполнил ее своей душой, пусть иногда с заблуждениями, ошибками, но — своей.

Конечно, не все однозначно в этой судьбе. Но для меня одно несомненно: Астафьев ввел в литературу тот мир, который породил его самого, ту эпоху, в которой он жил. И сегодня мы видим, какой это сложный, огромный и богатый мир, представленный и осмысленный писателем крестьянского, коренного мироощущения. Из поэтов наших дней показать этот крестьянский космос во всем его многообразии, духовном богатстве и трагическом величии исчезновения сумел разве что Анатолий Гребнев

в своем творчестве, и особенно в эпическом по глубине содержания полотне «На берегу пустом». Но это требует отдельного разговора...

Не было бы Астафьева, не появился он в литературе — литература русская и не заметила бы этого. Но теперь, когда он есть, попробуйте хотя бы мысленно изъять его из литературы — сразу узрите гигантскую черную пустоту.

Очень хорошо, что нынешние Астафьевские (малые) чтения были посвящены крестьянскому миру. Мы знаем из творчества Виктора Петровича, как у него болела, как страдала душа за крестьянский мир, за всегда непростую и нелегкую судьбу человека того мира, за то, что он унижен, презрен, обманут, обобран, обречен на каторжный труд, который не приносит ни признания, ни богатства, но только лишь коверкает и без того нередко изуродованные судьбы.

Виктор Петрович, как редко кто, понимал, сознавал и чувствовал значение крестьянского мира для государства. Осознавал он и то, что само государство после 1917 года по причинам идеологическим, ушербного мировоззрения напрочь утратило способность понимать этот мир и все годы только качало и отсасывало безжалостно и враждебно все, что можно было из этого мира откачать.

Астафьев стоит в ряду тех немногих писателей, чье творчество позволяет говорить о самых важных вопросах существования народа: о крестьянстве — кормильце народном, о независимости России.

Творчество В. П. Астафьева неохватно, тут многие поколения ученых (если жизнь на Земле не пресечется) будут обречены на долгую и кропотливую работу. Но я коснусь здесь одного пронзительного для меня рассказа Виктора Петровича, который поразил меня еще в годы студенчества, — «Мальчик в белой рубашке». По силе выразительности, тонким ассоциативным связям этот, на первый взгляд простенький, рассказ стоит для меня в одном ряду с лучшими рассказами А. Чехова и И. Бунина. Ведь по сути-то это рассказ-метафора, перекликающийся с евангельской истиной о том, что одна душа дороже всех сокро-виш мира сего. А тут к тому же погублена невинная душа младенца! «Петеньке и трех еще не минуло». Погублена не ради всех сокро-виш мира, а ради сомнительных результатов каторжного крестьянского труда советской деревни тридцать третьего

года... Рассказ, на мой взгляд, можно трактовать как приговор той каторжной системе, горбатясь на которую мать теряет дитя свое бесценное, и вся дальнейшая жизнь у нее проходит без ведома покоя для души. «Сорок с лишним лет минуло, а все слышит мать ночами легкие босые шажки, протягивает руки. Зовет и не может дозваться маленького сына...»

А результат системы — вот он: вымершие деревни, заброшенные поля, равные одичавшей площадью уже целой Европе, в битве против нашествия которой (1941–1945 годы) и полегло более 70 процентов мужиков тех вымерших деревень. Астафьева Господь сохранил в мясорубке войны, и благодаря его творчеству теперь и мы задумываемся о судьбе крестьянства. Не поздно ли? «Нет мне ответа», — повторим вслед за Виктором Петровичем.

Заброшенные поля, площадью равные Европе?! Иначе как преступлением системы перед народом это невозможно назвать и оценить. И творчество В. П. Астафьева, повторяю, приговор этой системе.

На дискуссионном столе Астафьевских (малых) чтений поразила меня степень зрелости суждений и понимания проблемы (крестьянского вопроса) некоторыми учащимися, причем девочками, мыслящими очень даже по-государственному. И подумалось невольно и с горечью о том, что государственным мужам, решающим способом «оптимизации» судьбу нынешней деревни, а по сути — добывающим ее, не мешало бы не просто прислушаться к мнению этих девочек, а поучиться у них подлинно патристическому в высшем понимании отношении к своему Отечеству.

Увы, для них, государственных-то мужей, подобные рассуждения, похоже, как и для того писателя, с которого я начал свои размышления, — не более чем «от брюха».

Но хочется верить, что когда-нибудь созреет понимание, что крестьянство — это ноги государства, на которых оно стоит (а на крепких ногах возможно и стоять крепко), что крестьянство здоровое — это продовольственная независимость и безопасность государства, то есть народа нашего, преданным сыном которого был и Виктор Астафьев.

И Астафьевские (малые) чтения (спасибо их организаторам!), на мой взгляд, есть серьезный, осмысленный шаг в сторону понимания значения крестьянского мира в судьбе государства, есть

возможность сказать об острейшей проблеме вслух, чтобы нашлись люди, способные разработать мудрую комплексную и долгосрочную программу возрождения земледельческого крестьянства.

Виталий Богомолов

28 июня 2006 года

г. Пермь

Литературная секция
«В. П. Астафьев
и современная русская литература:
читаем, размышляем, пишем»

Мария Парфенова

**Диалектная лексика
в повести В. П. Астафьева
«Последний поклон»**

Родные, знакомые с детства слова
Уходят из обихода:
В полях поляши — тетерева,
Летятина — дичь,
Пересмешки — молва,
Залавок — подобье комода.
...Нас к этим словам привадила мать,
Милы они с самого детства,
И я ничего не хочу уступать
Из вверенного наследства.

А. Яшин

Русский язык — один из богатейших языков мира по своему словарному запасу. Его словарь — великое множество самых разнообразных слов. Известно, что среди огромного количества слов русского языка, употребляемых народом, есть и такие, которые используются не повсеместно, а лишь в той или иной местности, обычно сельской. Это диалектные слова, или диалектизмы. «Словарь пермских говоров», например, описывает лексику современных говоров Прикамья, в нем есть ссылки и на слова, записанные в нашем Частинском районе.

Как относился Виктор Петрович Астафьев к народной речи, к ее особенностям? Он очень не любил «заемных» слов, всей этой иностранщины, засоряющей русскую речь, стремился соблюдать чистоту народного говора. Может быть, еще и поэтому многие его произведения остаются любимыми, читаются взахлеб. Они нужны нам, как жаждущему — глоток живительной воды.

Я прочитала в газете об одном случае, о котором сам Астафьев рассказывал с улыбкой. В 1980 году в Стокгольме на шведском языке издали его повесть «Последний поклон». Обратный перевод биографической справки писателя гласил, что Виктор Астафьев «родился на вилле Овсянка», «ушел на фронт волонтером». Конечно, назвать глухую таежную деревушку виллой

странно, да и к восемнадцатилетнему сибиряку, ушедшему осенью 1942 года на фронт добровольно, мало подходит определение «волонтер».

«Последний поклон» Астафьева — поэтическое свидетельство писателя о собственном детстве и одновременно о детстве своего поколения. Эта книга интересна современным школьникам, потому что проблемы своего времени автор увидел глазами подростка. Астафьев назвал «Последний поклон», который писался в течение долгих 20 лет, своей «самой сокровенной книгой».

Особенно интересен образ бабушки Катерины Петровны, простой деревенской женщины с огромным любящим сердцем. Он проходит через всю книгу. Перед читателем проходят и другие герои «Последнего поклона»: дедушка Илья, Санька, левонтьевские ребята — Мишка, Вася-поляк, Кольча-младший, Алешка, дядя Левонтий, Танька.

Немало страниц в повести посвящено описанию родной реки — Енисея. Мы узнаем о жизни и быте сибирских крестьян. Это трудолюбивые люди, сеющие хлеб, охотящиеся в сибирской тайге. Они выращивают овощи, ловят рыбу, собирают ягоды, грибы, орехи. Автор восхищается суровой сибирской природой, характерами своих земляков, размышляет о судьбе своей родины, о собственной судьбе.

Исследователи творчества Астафьева отмечают, что в «Последнем поклоне» есть попытка приблизить письменное слово к устному, сохранить живую интонацию устной речи. Речь передана как современная, так и старинная.

Я провела небольшое исследование, составила словарь диалектных слов из повести «Последний поклон» и сопоставила их со «Словарем пермских говоров» (Пермь, «Книжный мир», 2000).

Бадоба — палка, дубина, трость.

Бастриг — жердь, которую кладут поверх воза для сдерживания сена, соломы и т. п.

Бучить — прогревать горячей водой, паром.

Вехотка — мочалка.

Вилон — качан капусты.

Гасник — шнурок, бечевка для подвязывания чего-либо.

Горница — более чистая, светлая часть крестьянской избы.

Дурнина — сорная трава.

Задворка — подворотня.

Заганивать — загонять.

Заимка — избушка и участок земли за пределами села.
Зимник — зимний период, зима.
Зыбка — колыбель для ребенка.
Караулка — место в лесу, где охотники ждут зверя, засада.
Камешник — камешки на дне реки.
Катанки — валенки.
Куделя — кудель.
Колотушка — деревенская кувалда.
Куржак — иней.
Межа — граница между двумя участками земли.
Миска — кастрюля.
Мякина — картофельная ботва.
Паленина — подгоревшее мясо.
Пластать — рвать одежду.
Плюшка — гороховый стручок.
Прясло — часть огорода.
Расхабарить — открыть дверь настежь.
Увал — высокое место, холм.

Многие писатели используют в художественных произведениях местные особенности речи. В повести В. Астафьева «Последний поклон» диалектные слова употребляются в речи героев, служат средством их характеристики; они встречаются и в авторском повествовании, помогая Астафьеву создать образ своей малой родины.

Евгений Витохин

«Чусовской рабочий» — больная любовь моя

Значение личности Виктора Петровича Астафьева, его творчества в российской литературе очень велико. Его произведения являются «глазком» в двери времени, через который мы можем рассмотреть минувшую эпоху. Виктор Петрович был непосредственным участником событий противоречивого и трагического века — двадцатого. Он на себе перенес многие тяготы той эпохи. В своих произведениях он отразил жизнь такой, какой она виделась рядовому солдату на войне, жителю промышленного городка, писателю с мировым именем. По этому поводу я хочу приве-

сти выдержку из статьи директора музея Астафьева В. Маслянка «...Это нужно живым»: «...он и о Чусовом написал так, каким его видел и знал, ничего не утаив... Не забыв ничего: ни дыма с грязью, ни туберкулеза с абортами, ни поножовщины... В капле воды можно узреть океан, этой самой каплей-линзой для Астафьева, через которую он в начале писательства долгое время смотрел на мир, был Чусовой, по нему он судил о всей России».

Период становления Виктора Петровича как писателя пришелся как раз на то время, когда он начал работать в газете «Чусовской рабочий». Газета во многом этому способствовала. Парадокс, но, с другой стороны, она же этому и препятствовала. И все же первое свое произведение он написал благодаря газете и напечатал в ней же. Здесь он впервые познакомился с журналистской работой и коллективом, способствовавшим разжиганию его творческого запала, проявлению писательской жилки.

С недавнего времени я беру пахнувшие типографской краской листы с трепетом: не будь газеты — возможно, могло бы не быть у мира писателя Астафьева. Интересно, осознает ли это кто-нибудь из людей, создающих эту газету сейчас?

В 1951 году в «Чусовской рабочий» принес свой материал молодой Виктор Астафьев, ночной сторож колбасного цеха. Это был его первый рассказ, написанный в подвале на улице Фрунзе, 38, на страницах вахтенного журнала. Позже Астафьев становится литературным сотрудником газеты. И работает до той поры, пока не станет собственным корреспондентом областного радио, из Чусового передающим репортажи о тружениках села, лесозаготовителях и металлургах в Пермь.

С ним работало много достойных журналистов, таких как Виктор Волхонский, умерший в 1956 году прямо за рабочим столом от инфаркта, Геннадий Блинов, Сергей Балахонов, Владимир Певнев, Аркадий Никольский, Вилорий Глухов. Виктор Федорович Волхонский имел уже некоторый стаж корреспондентской работы, когда Виктор Петрович пришел в газету. По этой причине Волхонский стал неким наставником Астафьева в первое время его работы в газете. Возможно, именно Виктор Федорович явился тем человеком, кто заложил творческую основу в Астафьеве. Он был старше многих по возрасту, журналистскому стажу и в чем-то был им учителем. Эту мысль подтверждают слова из некролога, написанного его коллегами: «Как старый, опытный журналист, он учил молодых товарищей газетному делу».

Шли годы, газета жила. Приходили все новые люди. Газета существует и по сей день, хотя нет в ней журналистов, которые трудились бы и прославляли ее, как те, что были в середине прошлого века. Сегодня «Чусовской рабочий» переживает не лучшие времена. Одни журналисты уходят в бизнес, другие в политику. Газета выходит всего два раза в неделю. Несмотря на это, в ней еще появляются материалы, которые служат культурному просвещению горожан. Слава литературного Чусового продолжается и по сей день в книгах таких авторов, как С. В. Старков, Т. А. Ищенко, А. В. Копысова, Ю. С. Ахметзянов и Иван Непомнящий. Молодым авторам помогает выйти в свет журналист газеты «Чусовской рабочий» Иван Иванович Хомяков, по инициативе которого и при содействии редакции в настоящее время при ЦГБ, где готовится к открытию Центр В. П. Астафьева, возрождается литературный кружок. Таким образом, связь времен не прервалась: как и в пятидесятых, газета помогает молодым авторам выйти к читателю.

В 1950 году в газете «Чусовской рабочий» вышла статья. Ее автор — фронтовик. Это был рассказ, в котором война предстала парадной и торжественной прогулкой советских войск по территории, захваченной гитлеровцами. Виктор Петрович очень возмутился, прочитав сие творение. Из воспоминаний бывшего литсотрудника газеты «Чусовской рабочий» Сергея Балахонова: «Первого декабря 1950 года Виктор собственной персоной заявился в редакцию на первое заседание только что созданного литературного кружка. Собрались тогда в кабинете редактора Г. И. Пепеляева более 10 человек — рабочие и служащие ЧМЗ, железнодорожного узла, учреждений города. После вступительного слова редактора, поведавшего о целях и задачах кружка, был избран «штаб». И когда один из членов кружка прочитал свой рассказ на военную тему, вызвавший бурное обсуждение, Астафьев твердо сказал:

— Так на фронте не бывает.

— Вот и напиши, как бывает, — предложил ему замредактора А. М. Толстиков».

Далее приведены воспоминания о тех событиях самого Виктора Петровича: «После занятия того литкружка, не заходя домой, явился я на колбасный заводик, принял смену и уселся на всю ночь в маленькой комнатухе с одной отопительной батареей, с одной лампочкой, с одним столом, с журналом дежурств и чернильницей на этом столе».

Так в подвале дома № 38 по улице Фрунзе на тридцати страницах вахтенного журнала, захватанного жирными руками, в ночь с 1 на 2 декабря и родился его литературный первенец. Рассказ был предан гласности на очередном заседании литкружка через две недели, а в феврале — марте его опубликовали в семи номерах «ЧР», органа горкома КПСС. Кстати, там же была предпринята попытка прекратить публикацию, едва она дошла до середины. И если бы не просьбы-звонки читателей и не сильный характер и воля В. П. Астафьева, неизвестно, как бы повернулась его судьба.

С редактором газеты было связано много забавных историй. Виктор Петрович с коллегами называли его «фюрер». Несмотря на это, Г. И. Пепеляев — редактор газеты в то время — не держал обиды на Виктора Петровича за его выходки, хотя, как мы видим, они были довольно жесткими и могли послужить поводом для увольнения сотрудника. Но этого не произошло. Видимо, редактор понимал, что Виктор Петрович — талантливый писатель с большим будущим. Это обстоятельство подчеркивает и особую роль Г. И. Пепеляева в судьбе Астафьева-писателя.

Журналист Астафьев был исключительно общительным, веселым и задорным. В компании с ним никогда не было скучно. Об этом первым делом вспоминают все, кто лично общался с Виктором Петровичем: В. С. Хорошавцев, пермский писатель Р. П. Белов, Г. А. Блинов и многие другие. Секлетины Савватеевна Опарина запомнила Виктора Петровича как человека, который переносил все спокойно, хорошо относился к людям, к тому же был очень ответственным работником. Эти свидетельства помогают нам составить портрет Астафьева — писателя, журналиста, фронтовика, человека. Может, в этом портрете мы сможем увидеть секрет гениальности прозаика, его творчество в абсолютно новом свете.

Астафьев больше всего был нетерпим к несправедливости. Боролся с ней и с помощью пера. Не обходил острых углов. Статьи его по этому поводу отличались жесткостью и прямотой.

Нелегко приходилось Виктору Петровичу. Несколько раз хотел даже бросить газету, но жена, Мария Семеновна, поддерживала его и не давала этого сделать. Астафьев считал, что писательскую струнку сложно совместить с газетной работой. Журналистика «съедала» человека и не оставляла возможностей для творчества. Особенно если учесть реалии того времени, когда

каждое печатное слово было под строгим контролем партии. Была жесткая цензура. Но, несмотря на все эти обстоятельства, у Астафьева до конца жизни осталась «больная», но искренняя любовь к «Чусовскому рабочему». Об этом свидетельствует его переписка с Геннадием Вершининым. Да и слова, вынесенные в название работы, являются астафьевскими.

Виктор Петрович любил подготовленных журналистов. Ему не нравились обыденные, общие вопросы. Он любил «хитрые», с секретом. Его возмущали вопросы из разряда «расскажите что-нибудь о себе». Однажды к нему из столицы приехал молодой корреспондент, поставил перед ним диктофон — дескать, вы сами знаете, что сказать, вы ведь писатель. Виктор же Петрович любил живое общение, ему интересно было поспорить с собеседником, он ждал от репортера взаимности и участия в дискуссии.

В журналистском деле у Астафьева замечательно получались очерки о людях, о лесе. В них он создавал точнейшие портретные зарисовки, писал без прикрас — точь-в-точь как было в жизни. Из некоторых очерков вырастали полноценные литературные рассказы. Маленькие, дежурные заметки давались ему тяжело. Мария Семеновна помогала ему писать их. Об этом рассказывала няня Секлетиныя Савватеевна Опарина.

Большой человек и большой писатель, Виктор Астафьев, конечно, не мог избежать всех испытаний судьбы, и жизнь его порой превращалась в сплошную, неразрывную цепь таких испытаний. Одним из них стал его писательский дар.

Он писал страницу за страницей далеко не каллиграфическим почерком, да еще и каждая начатая строка к концу опускалась до уровня ниже следующей. «Потом вдруг вскакивал, отбрасывал в бешенстве ручку, остервенело матерясь, метался по малюсенькой комнатке, два-три дня, а то и неделю не брался за рукопись. Это хорошо, что женой его была Мария Семеновна. Ходит за ним, как за малым дитем, уговаривает: «Витенька, Витенька, сядь, хоть несколько строчек напиши!» И ведь соглашался, садился, писал. Тогда, если бы не она, не стал бы он писателем, никем бы не стал», — вспоминает Секлета Опарина.

Статьи В. П. Астафьева, мною прочитанные, я бы условно разделил на три типа: живые описания тружеников; очерки, проблемные статьи; дежурные заметки. Обычные на первый взгляд статьи о людях труда, которых в промышленном городке немало, увлека-

ют так, что не можешь оторваться от пожелтевших газетных страниц и создается ощущение, будто читаешь интересное художественное произведение. Именно в этих статьях явно проступает писательский дар Астафьева, данный ему Богом. Ведь это творения журналиста, у которого учеба на Высших литературных курсах еще впереди.

Подводя итоги своему исследованию, я понял, что газета «Чусовской рабочий» занимала главенствующее положение в жизни Астафьева-писателя. Действительно, если бы не журналистский опыт, то, возможно, мы бы не увидели произведений великого прозаика.

Источники и литература:

Балахонов С. Н. Неизвестный еще Астафьев // Литературная Пермь. 2000. № 2.

Материалы фонда ГОУК «Литературный музей В. П. Астафьева» (г. Чусовой).

Жанна Саркисян

Спутница жизни

Чусовой — небольшой промышленный город, далекий от центра России. Живут в нем люди удивительные, к жизни неравнодушные. Тем более странно, что часто не знаем мы своих знаменитых земляков. Мария Семеновна Корякина — одна из них. Верная спутница и жена известного не только у нас, но и за пределами России писателя со своим, совершенно неповторимым стилем — Виктора Петровича Астафьева. С будущим мужем Мария Семеновна познакомилась в 1945 году. После окончания войны они приехали в Чусовой, на ее родину, где прожили до отъезда в город Пермь 18 лет.

Мария Семеновна Корякина родилась 22 августа 1920 года в городе Чусовом. Выросла в большой семье, где была пятой из девяти детей. Отец, Семен Агафонович, всю жизнь проработал составителем поездов на железной дороге. Мать, Пелагея Андреевна, занималась хозяйством. После успешного окончания семилетней школы в 1933 году будущая писательница поступила в Лысьвенский механико-металлургический техникум, на отделение химии.

Когда началась Великая Отечественная война, в городе открылись курсы военных медсестер. Молоденькая лаборантка поступила на них и обучилась всем медицинским премудростям: сестра в медицине — не последний человек. В Чусовом к тому времени уже начали появляться эвакогоспитали, поэтому медсестры требовались. После окончания курсов Мария Семеновна была призвана работать медсестрой в городской госпиталь.

Третьего марта 1943 года Мария Корякина ушла добровольцем на фронт. Сначала ее часть была на Северо-Западном фронте, потом на 1-м Украинском, Закарпатском, 2-м Белорусском, в Польше...

Судьба хранила ее и подарила к победному маю встречу с веселым солдатом Виктором Астафьевым. И победу будущие супруги встретили в селе Станиславчик, в восьмидесяти километрах от города Жмеринки Винницкой области, где они познакомились. А поводом для знакомства Марии и Виктора в далеком 1945 году стали... книги из чусовской библиотеки! Через всю жизнь Мария Семеновна пронесла любовь к чтению. Связь ее с Центральной библиотекой имени А. С. Пушкина не прерывалась даже во время войны: для бойцов Мария Семеновна организовывала передвижные библиотеки. И надо же было судьбе так распорядиться, что в то же село Станиславчик был направлен с другими нестроевиками после госпиталя рядовой Виктор Астафьев, бывший фронтовой связист, чтобы возить на почту мешки с письмами. Как-то раз Виктор поинтересовался, действительно ли Мария получает книги, и если так, то можно ли зайти посмотреть. Потом они стали встречаться чаще, и теперь уже поводом не всегда были книги. Свое знакомство с будущим мужем описывает Мария Семеновна в повести «Знаки жизни».

После демобилизации Астафьева они зарегистрировали брак в местном загсе. Марию из армии тоже отпустили, и поехали они, два победителя, на Урал. Осенью 1945 года молодая семья обосновалась в Чусовом. После приезда в Чусовой Виктор Петрович работал на станции Чусовская. Сначала жили в родительском доме, потом построили свой. Жили как могли, трудно, голодно, но сумели выстоять, выдержать. Трех детей родила Мария Семеновна. Лидочка умерла от голода, Ирина, вторая дочь, ушла молодой (сказались болезни). Сын Андрей живет сейчас в Вологде. Трое взрослых внуков. Жизнь идет своим чередом.

В 2001 году ушел из жизни Виктор Петрович Астафьев. Не стало самого близкого друга, любимого человека. Марии Семеновне в 2005 году исполнилось 85 лет. Сегодня она не оставляет работу по созданию архива Астафьева, помогает создавать музей в квартире, где прожито столько счастливых лет, отданных творчеству и служению любимому человеку.

Будучи помощницей В. П. Астафьева, Мария Семеновна сама ощутила потребность поделиться с людьми своими жизненными наблюдениями, высказать наболевшее. И оказалось, что у нее есть к литературному труду и призвание, и способности. За 20 лет у М. С. Корякиной вышло 11 книг прозы. Хочется назвать каждую.

Корякина М. С. Анфиса: Рассказы. Повесть. — М.: «Современник», 1974. 192 с.

Корякина М. С. Липа вековая: Повести, рассказы, миниатюры. — М.: Современник, 1987. 347 с.

Корякина М. С. Надежда горькая, как дым: Рассказы. — М.: Мол. гвардия, 1989. 269 с.

Корякина М. С. Нужны трехцветные кошки: Сборник. — Красноярск: Кн. изд-во, 1991. 269 с.

Корякина М. С. Отец: Повести. — Пермь: Кн. изд-во, 1968. 163 с.

Корякина М. С. Отец. Данька Елохов: Повести. — Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1971. 240 с.

Корякина М. С. Отец: Повесть. — 2-е изд., доп. и перераб. — М.: Дет. лит., 1988. 222 с.

Корякина М. С. Пешком с войны: Рассказы, повести. — М.: Современник, 1982. 335 с.

Корякина М. С. Сколько лет, сколько зим: Рассказы. — Красноярск: Кн. изд-во, 1981. 302 с.

Корякина М. С. Шум далеких поездов: Повести, рассказы. — Красноярск: Кн. изд-во, 1984. 264 с.

Корякина М. С. Знаки жизни: Повествование. — Красноярск: Кн. изд-во, 1994. 384 с.

Первая книга М. С. Корякиной-Астафьевой «Отец» вышла в 1968 году. В своих книгах она пишет о родословной своей семьи, о жизни и творческой деятельности В. П. Астафьева, о женской судьбе с ее горестями и радостями. В ее произведениях мы узнаем знакомые фамилии и родной город — Чусовой.

Мария Семеновна восстановила родословную своей семьи. Материал приходилось собирать с большими трудностями: по

воспоминаниям, письмам, из разговоров с близкими людьми. Эту книгу уже сейчас можно считать библиографической редкостью, так как издана она была тиражом всего в тысячу экземпляров.

Наибольшее признание получили повести «Отец», «Данька Елохов», «Анфиса». В повести «Пешком с войны» Корякина исследует сложный и сильный женский характер. Санитарка госпиталя, немолодая женщина Тоня, не сломалась под ударами судьбы, потеряв мужа и сына, вышла из жизненных испытаний не огрубевшей и усталой, а сильной и душевно щедрой к людям.

В 1991 году в Красноярском книжном издательстве вышла книга «Нужны трехцветные кошки». В книгу вошли повесть «Отец», рассказы «Собака — друг человека», «А результат не засчитали», «Нужны трехцветные кошки», «Атаман», «Нюсский зяблик», «Филя». Все они учат истинным духовным ценностям, воспитывают у читателя умение чувствовать доброту, уважительное отношение к людям.

Из трех глав — «Урал», «Вологда», «Сибирь» — состоит книга «Знаки жизни» — документально-художественное повествование о жизни и творческой деятельности Виктора Петровича Астафьева, о семье, родственниках и друзьях. Именно в этой книге рассказывает Мария Семеновна о своем знакомстве с Астафьевым, обо всех сложностях жизни в послевоенные годы.

«Надежда горькая, как дым» — другое произведение. У многих читателей старшего поколения было трудное детство, так как оно пришлось на военные годы, и, читая эти рассказы, многие узнают среди героев и себя. В книге автор рассказывает и о тревожном времени жизни своей семьи в Чусовом.

Все книги Корякиной полностью автобиографичны, все имена сохранены. В них — полная летопись жизни и творческого пути и Марии Семеновны, и Виктора Петровича Астафьева. Писательница не таится перед читателем, не приукрашивает окружающую ее действительность. Путешествуя в прошлое своей семьи, к истокам воспоминаний, Мария Семеновна заново переживает былое. И в зеркале ее памяти встают удивительные по яркости картины, переживая воскрешение в ее книгах, рассказывающих о родословной семьи, о фронтовых товарищах, о жизни и творческой деятельности В. П. Астафьева, о судьбе простой женщины, ее надеждах и мечтах.

Вот как позже сказал о своей верной спутнице и первой помощнице знаменитый русский писатель: «В 1945 году, после

госпиталя, женился на женщине родом из Чусового Пермской области. Так «очусовел» на 18 лет». Все книги Виктора Петровича она первая печатала, вносила правки, ловко разбирая весьма своеобразный почерк своего мужа, отвечала на письма, занималась перепечатыванием. Например, повесть «Пастух и пастушка» ей пришлось перепечатывать четырнадцать раз! Как тут не вспомнишь жену Льва Толстого, Софью Андреевну, переписавшую «Войну и мир» семь раз.

Хозяйство тоже было на Марье Семеновне. Как эта хрупкая женщина умудрялась нести не одно десятилетие такой физический и нравственный груз? Житейские невзгоды, болезни, неурядицы, горькие минуты потерь — все это ложилось на ее плечи, однако не сломило. Зарубки на сердце остались — верно. Но душа по-прежнему кристально чиста, умеет любить и прощать. И как бы между делом Мария Семеновна — вот ведь труженица! — написала и издала столько своих книг.

Виктор Петрович окончил вечернюю школу, стал заниматься в литературном кружке. Вот лишь короткий перечень его литературной деятельности чусовского периода. В 1951 году Астафьев за одну ночь написал рассказ «Гражданский человек», впоследствии названный «Сибиряк», который был впервые опубликован в газете «Чусовской рабочий» в том же году. С 1951-го по 1955 год Астафьев работает сотрудником газеты «Чусовской рабочий». В 1953 году в Перми выходит его первая книга рассказов «До будущей весны», а в 1955-м — вторая — рассказы для детей «Огоньки». В 1955–1957 годах он пишет роман «Тают снега», издает еще две книги для детей — «Васюткино озеро» (1956) и «Дядя Кузя, куры, лиса и кот» (1957), печатает очерки и рассказы в альманахе «Прикамье», журнале «Смена», сборниках «Охотничьи были» и «Приметы времени», становится спецкором Пермского областного радио. В 1958 году выходит в свет его роман «Тают снега». В. П. Астафьева принимают в Союз писателей РСФСР. Повести «Перевал» (1958–1959), «Стародуб» (1960), «Звездопад» (1960), написанный на одном дыхании, всего за несколько дней, приносят ему широкую известность.

Именно Мария Семеновна Корякина была первым и самым внимательным слушателем Виктора Петровича. Даже если бы она осталась просто женой талантливого писателя и только его помощницей, то и тогда ее роль можно было бы назвать значительной и центральной.

Сегодня Мария Семеновна — замечательный прозаик, член Союза писателей России. И лучше, чем сам Виктор Петрович, о ней не скажешь: «Мария Семеновна — великая женщина. Это я знаю, как никто другой. Великая женщина!»

Алена Григоряк

Проблемы экологии в произведениях Виктора Астафьева

Печальную картину представляет собой заброшенный дом: стены в грязных подтеках, выбитые стекла, сломанные двери. Но во много раз страшнее бесхозяйственность и запустение в жилище, где нет стен и окон, а есть задымленное тысячами заводских труб небо, варварски вырубленные леса, мутные, отравленные ядовитыми стоками воды рек и озер. Этим и занята наука, которую неслучайно называли экологией: по-гречески «ойкае» означает дом, жилище, местопребывание; «логос» — понятие, учение.

Один за другим исчезают на земле целые виды животных, птиц, растений. Испорчены реки, озера, степи, луга, даже моря. Духовная, эмоциональная неразвитость, наряду с экологической необразованностью, является одной из причин равнодушного и варварского отношения к природе.

Формирование чувства родины и воспитание любви к родной природе как ее части — одна из важнейших задач литературы, благодаря которой экологическая тревога обретает особое общественное звучание. Против утраты людьми чувства слитности с природой, против хищнического отношения к ней выступают современные писатели. Среди них — выдающийся художник нашего времени В. П. Астафьев. Он призывает нас к действиям в пределах разумного: не покорять природу, а помогать ей приспособляться к новым условиям. Рассмотрим с этих позиций его рассказ «Людочка» и роман «Печальный детектив».

Рассказ написан в 1987 году. Закончив школу, главная героиня приехала в город. Она зашла в парикмахерскую, привела себя в городской вид, оформилась на работу учеником парикмахера. С работы Людочка ездила на трамвае, а потом шла через поги-

бающий парк Вэпвэрзэ: «Парк выглядел словно бы после бомбежки. <...> Всегда тут... стояла вонь, потому что в канаву бросали шенят, котят,дохлых поросят... крик вороний оглашал окрестности. <...> Из грязной канавы... торчали бутылки разных мастей...» В таком «роскошном» месте, как этот парк, и «нечистые» водились: пили они тут, играли в карты, дрались и резались насмерть, особенно с городской шпаной, которую не могло не потянуть в фартовое место, а также «имели они тут девок». Становится страшно: на фоне такого пейзажа не может происходить прекрасное.

Здесь и произошла трагедия с Людочкой. И не к кому оказалось прислониться астафьевской героине: ни к матери, ни к старой Гавриловне. Никому она была не нужна, не от кого было ждать защиты. В этом парке она отыскала тополь с корявым суком... Так оборвалась жизнь. Заступается отчим: стрекача, надругавшегося над Людочкой, бросает в горячую зловонную речку. Но поздно... Людочки нет.

Главный герой романа «Печальный детектив» Леонид Викентьевич Сошнин — сорокадвухлетний бывший оперуполномоченный, вышедший на пенсию из-за ранения. Однажды в детстве он раз и навсегда решил для себя бороться с преступностью: «...клялся про себя беспощадно бороться». Леонид Сошнин много лет проработал в милиции: «Однажды... Сошнин дежурил с нарядом милиции за железнодорожным мостом, где шло массовое гулянье по случаю Дня железнодорожника... Во дни гуляний, или как их тут именовали — «питинков», загаживали прибрежные кустарники, ближние деревья сжигали в кострах... Глядь-поглядь, от ближнего озера, из кустов, идет женщина в драном ситцевом платье, косынку за угол по отаве ташит, волосья у нее сбиты, растрепаны, чулки упали на шиколотки, парафиновые туфли в грязи, да и сама женщина чем-то очень и очень знакомая, вся в зеленовато-грязной тине...»

Вот как реагирует тетя Граня на то, что посадили трех ее сильников: «Молодые жизни погубили... Такие сроки им не выдержать. Выдержат, уж седыми мужчинами сделаются... А у их, у двоих-то, у Генки и у Васьки, — дети... Один-то у Генки уж после суда родился...»

Со стороны тети Грани мы видим всепрощенчество. Но правильно ли? Прощает тетя Граня, другая, третья, вот и становится подобных васек и генок все больше.

На первый взгляд В. П. Астафьев написал антиинтеллигентский, антиинтеллектуальный роман. Во всем горьком он винит интеллигенцию. А где верхи города Вейска? Вместо того чтобы сосредоточить гнев на них, Астафьев направляет свою ярость на интеллектуалов, рисуя их в карикатурном, отталкивающем виде. Но в том-то и дело, что В. П. Астафьев со злостью изобразил не интеллигентов и интеллектуалов, а тех «избранных», которые, как он пишет, сами зачислили себя в избранные. Интеллигент у него как раз Сошнин. Жена и называет его все время «интеллигентом». Называет иронически, но мысль Астафьева ясна: интеллигент именно Сошнин, «потому что у него есть идея и идеал».

Так почему же печален этот «Печальный детектив»? Писателю печально оттого, что рушатся устои, на которых извечно держалась доброта человека, рвутся связи, требующие чувства ответственности, совести. Родители бросают своих детей дома или отдают бабушкам на воспитание.

В романе мы видим любовь тети Грани к чужим детям (у нее самой их никогда не было) и безразличие к собственным детям молодых. Да и откуда в них будут доброта и ответственность за чужую судьбу, если сами они с малых лет обделены теплом и лаской?

Печаль писателя вызвана также экологией города. Недаром он почти все действия описывает на фоне природы.

В. П. Астафьев в своем произведении задел больной нерв общества. Надо искать корни самого зла. Автор ссылается на Ницше и Достоевского, полагая, что столетие назад «почти достали до гнилой утробы человека», но, по его мнению, смещение нравственных критериев произошло в наше время: «Беззаконие и закон для некоторых мудрецов размыли дамбу. Было не положено — стало положено, быть нельзя — стало можно».

Роман каждой страницей держит в напряжении, ни на минуту не дает расслабиться. Вопросов в нем больше, чем ответов. Он озадачивает, заставляет спросить себя, не причастен ли каждый из нас к тому, что происходит в Вейске?

Источники и литература:

Астафьев В. П. Людочка // Плач по несбывшейся любви: Повести. Рассказы. — Пенза, 1999.

Астафьев В. П. Печальный детектив: Роман, рассказы, повести, очерки. — Л.: Лениздат, 1989.

Юлия Плотникова

Природа трагического в рассказе В. П. Астафьева «Пролетный гусь»

Я порой думаю, неужели тяжкие времена и страшные беды нас, русский народ, ничему не научили? Новой смуты нам не пережить, не хватит на это наших рядов, поврежденного, если не надорванного российского здоровья. Не поддавайтесь, русские люди. Постарайтесь жить по справедливости, быть милосердными друг к другу и нетерпимыми ко злу, разрушающему души.

В. П. Астафьев

Последняя прижизненная книга В. П. Астафьева — «Пролетный гусь». Личностью автора проникнуты буквально все ее страницы. Личностью яркой, темпераментной, сердцем впитывающей боли и тревоги мира, умудренной жизнью, умеющей с поразительной художественной силой и жизнь эту, и свой пронзительно-острый взгляд на нее выразить.

Кисть В. П. Астафьева особенно размашиста, абсолютно бесстрашна в рассказе «Пролетный гусь», давшем название всей книге. Никаких своих чувств автор не скрывает, никаких полутонov и знать не хочет. Он словно говорит: «Хотите — читайте, не хотите — бросьте, но было так, и никого из вас, читателей, шадить я не буду. Так относились к фронтовикам, и уже почти никто из исчезнувшего поколения фронтовиков за меня — и за них — этого не расскажет». Это не просто человечность. Это страстное, трепещущее выражение жалости к тем, кто защитил Отечество, но теперь не может защитить от него себя, и ненависти к мерзавцам. Это крик боли от сознания чудовищности произошедшего с миллионами безжалостно брошенных в мясорубку, убитых и в бою, и мирным временем. Человечность рассказа в том, что за трагедией Данилы Солодовникова и его семьи, очень личной, абсолютно понятной, встает трагедия чуть ли не всего «потерянного поколения».

«Нельзя сказать, что первая послевоенная зима была для молодых очень трудная, она была, как у многих людей в стране, просто трудная и холодная, ремонтники мерзли от железа на

холоде, часто болели». Так пишет Астафьев о послевоенной жизни людей в Чуфырино. А сколько по всей России было таких городков и деревень?

Писатель показывает, как в атмосфере великой лжи расцветают самые отвратительные пороки, формируется целое сословие паразитов и откровенных негодяев. «Зверина, — говорит автор, — рождается чаще всего покорностью нашей, безответственностью, безалаберностью». Простота, доброта, душевная искренность простого русского человека сталкиваются с жестокостью, насилием, зверством, оголтелым хамством, наглым сумасбродством, подлым самодовольством.

Данила Солодовников и Марина, оба молодые и неприкаянные, только что пришли с войны. Марина не любила Данилу, но соблазнила его в поезде, чтобы одной не остаться, зацепиться за мужчину. За роковую эту ошибку жизнь карает по всей строгости своих законов. Жизнь Солодовниковых, на мой взгляд, и жизнью-то назвать нельзя. Как можно прожить семье, глава которой получает двести рублей, если булка хлеба стоит пятьсот? Астафьев пишет о людях, которые воевали за свое государство, лишились родных и отчего дома, а в награду получили равнодушие и забвение. Молодая семья, совершенно случайно сложившаяся в послевоенном поезде, несчастна. Но, возможно, все бы сложилось в конце концов благополучно, если б здоровье их первенца не слабело день ото дня. В конце концов смерть сына сильно подкосила родителей. От прогрессирующего туберкулеза, подхваченного на войне, умирает Данила. Отчаявшись, Марина решается на самоубийство.

А рядом развивалась и набирала уверенность жизнь второй семьи — Мукомоловых, мужа-политотдельца и его вальяжной жены. «Политотделы во второй половине войны набрались боевого опыта и ближе двадцати километров к боевым позициям не приближались. Вдруг важные бумаги во фронтовом огне сгорят». Проходимцы, разжиревшие на войне и удобно пристроившиеся в мирное время, не могут ужиться под одной крышей даже с собственной матерью.

Больше всего мне запомнился эпизод, когда в доме Виталии Гордеевны Мукомоловой собрались гости по поводу приезда ее сына с супругой. Сидя за столом, Мукомолов видит на груди Данилы медали и интересуется, за что они. Услышав в ответ полностью противоположное своему мнению о военных действиях и начальстве, Мукомолов усмехается над Данилой, издевается над

ним. Марина не может стерпеть этих насмешек и вмешивается в разговор. В стороне не остается и жена Мукомолова, которая была полностью на стороне мужа. С этой беседы, перешедшей в ссору, началась в доме Мукомоловых тихая, никому не ведомая война.

Почему же в послевоенном Советском Союзе простые, бесхитростные люди, прошедшие войну и едва после нее вставшие на ноги, вытеснялись из жизни, в то время как мерзкие партийные карьеристы торжествовали? Над этим вопросом невольно задумываешься, читая книгу.

Огромную роль в произведении играет мать Мукомолова, Виталия Гордеевна. Эта женщина стала для чужих ей людей самой родной и близкой. Данила и Марина относились к ней как к собственной матери. И это абсолютно понятно. Приехав в чужой город и прожив два дня на вокзале, Солодовниковы не знали, что им делать дальше. Эта женщина не только приютила их в своем доме, но и помогла устроиться в новом для них месте: «Строгая хозяйка Виталия Гордеевна порой бывала даже сурова, поскольку сопротивления от квартирантов нигде и ни в чем не встречала, но скоро помягчала нравом».

Совсем другое отношение у этой женщины к собственному сыну: «Сын домой возвращается с женою, и, боюсь, жизнь наша мирная круто изменится». Владимир Федорович Мукомолов работал в политотделе, занимал там весьма высокую должность. Но большие деньги и крупные посты портили людей во все времена: «Гнетущее впечатление произвел на маму родной сын. Своей вальяжностью, беспрекословностью в суждениях, даже походкой, как бы все перед собой стаптывающей, он подавлял, морально властвовал над всеми».

Казалось бы, все должно быть наоборот: никто не может быть дороже собственного сына, тем более какие-то совершенно чужие люди. И только прочитав рассказ, можно понять, что осуждать эту женщину никто не имеет права. Помочь чужим безвозмездно, бескорыстно сможет не каждый. Жаль, что не взял пример с матери ее сын, имевший много денег и положение в обществе.

Согласно «Словарю русского языка» С. И. Ожегова слово «пролетный» имеет три значения: 1) пролетный — появляющийся при пролете, перелете; 2) пролететь — летя, передвинуться на какое-нибудь расстояние; летя, миновать что-нибудь; быстро про-

ехать, пройти, миновать; пронестись; 3) перелетный — перелетающий на зиму в теплые страны. На мой взгляд, наиболее точно подходит первое значение. Неслучайно, я думаю, Виталия Гордеевна называла Солодовниковых «залетными птицами». Оказалось, наши герои, как и птицы, появились и исчезли.

«Пролетный гусь» — рассказ о «войне» людей после войны. Почему именно это название взял Астафьев? Что он имел в виду? Прочитав рассказ, можно понять, что есть общее между пролетным гусем и судьбой главных героев.

Данила и Марина, как два чахлах деревца, не успевшие набрать рост и силу, не смогли противостоять ледяному ветру послевоенного лихолетья. Но автор всем ходом повествования дает понять, что смяли героев не только семейные трудности, но и отношения с Мукомоловыми. Рассказ называется «Пролетный (то есть перелетный) гусь». На него охотился Данила, чтобы поддержать тающие силы больного сына. Нельзя остаться равнодушным, читая этот эпизод: «...Данила искал и искал, уже заплетающимися ногами колесил по давно ему знакомой местности. Глядя на запрудье, Данила вдруг рухнул на колени и шепотом вытолкнул мольбу сквозь сведенные холодом губы: «Господи, помоги еще раз! Не мне, отроку малому. Мне уж никто ничем не поможет...» Подстрелив гуся, но потеряв его из виду, «он бежал, спотыкался, раза два упал, он почти пробежал елочку, остановился, медленно повернул шею... гусь смиренно лежал кверху серым пузцом. Данила схватил гуся обеими руками и, не отнимая от мокрого лица, пошлепал к пруду...» Читая эти строки, невольно хочется положить книгу и пойти искать этого гуся вместе с Данилой. В надежде, что он поможет маленькому больному Аркаше. В этот момент забываешь о своих проблемах, и кажется, что нет ничего важнее, чем этот гусь.

Ошибся критик В. Курбатов, когда утверждал в послесловии к книге «Пролетный гусь», что для Астафьева она стала «очередной». Не «очередной», а, к глубочайшей скорби читателей и читателей могучего астафьевского таланта, при его жизни последней: всего немногим более года пережил ее автор. И хотя книга действительно «не декларирует гордых задач, не норовит стать выше себя в обобщениях, не подводит итогов», именно ей выпала честь завершить творческий путь писателя. И не только потому, что она фактически увенчала растянувшееся на десятилетия астафьевское сочинение «о жизни вокруг», а и потому еще, что

в ней писатель как бы возвращается на круги своя, к любимым им и хорошо знакомым нам темам и героям — к войне, природе, дорогим и близким людям, — возвращается, как теперь уже совершенно очевидно, с «последним поклоном» и прощальным, особенно пристальным, мудрым и печальным взглядом.

(Печатается в сокращении)

Источники и литература:

Астафьев В. П. Пролетный гусь: Рассказы, затеси, воспоминания / Послесл. В. Курбатова. 2-е изд., доп. — Иркутск: Издатель Сапронов; изд-во «Эфлакс», 2002.

Анастасия Иванова

Бабушка Виктора Петровича Астафьева

Воспитанием будущего писателя Виктора Петровича Астафьева, маленького Вити, в основном занималась бабушка, поэтому в биографии и во многих своих произведениях Виктор Петрович часто упоминает об этом очень близком и родном ему человеке. Пример тому — повесть «Последний поклон». В этой же повести писатель упоминает о своей утонувшей маме: ее образ он пытается воспроизвести по рассказам бабушки. Я поняла, что Екатерина Петровна заменила маленькому Вите маму, с детства воспитывая в нем все его самые лучшие черты.

С раннего возраста мальчик был приучен любить и защищать окружающий его мир. Во многих своих рассказах Астафьев показывает, как природа связывает людей между собой. Например, в рассказе «Деревья растут для всех» писатель вновь упоминает о своей бабушке. Вспоминает, как вместе с нею посадил маленькую лиственницу. Вот как он описывает это дерево: «Дерево было с цыпленка величиной, охваченное желтым куржаком хвои. Казалось, оно вот-вот зачивкает, соскочит с платка и побежит».

Как я уже отмечала, все добрые черты характера закрепляются с детства. Значит, произведения Виктора Петровича учат не только нас, детей, но и взрослых, которые тоже когда-то были детьми и, я думаю, читали эти рассказы. Эти рассказы учат взрослых тому, как воспитать в детях любовь, умение заботиться не только о себе, но и об окружающем мире.

Композиция повести «Последний поклон» необычна: книга состоит из отдельных рассказов, каждый из них может восприниматься как самостоятельное произведение («Далекая и близкая сказка», «Осенние грусти и радости», «Пир после победы» и т. д.). Вместе с тем все эти рассказы включены в одну композиционную структуру и являются частью единого целого — замечательной повести, смысл которой заключен в ее названии.

Почему повесть так названа? Название произведения обычно отражает его главную мысль, то, что особенно дорого автору. Основная тема повести — благодарность земле русской. В книге тема конкретизируется: олицетворением этой земли является образ бабушки Катерины Петровны, воплощающий все самое доброе, самое прекрасное.

Памятью о бабушке, любовью к ней, желанием загладить перед ней невольную вину — ту вину, которую несет в себе каждый человек перед своими близкими, — были вызваны последние главы книги, написанные еще в шестидесятые годы (впервые повесть была опубликована в 1967 году, новые главы печатались в 1974-м, 1978-м и в последующие годы).

Для Астафьева память — это основа нравственности. Трепетно звучат такие слова писателя: «Память моя, сотвори еще раз чудо, сними с души тревогу... И воскреси... во мне мальчика, дай успокоиться и очиститься возле него... Озари же, память, мальчика до каждой веснушки, до каждой царапинки...» Нельзя без волнения читать эти строки.

Хотя память автора сохранила многое, но можно с уверенностью сказать, что центральный образ книги, к которому обращена неизменная любовь писателя, — это образ бабушки. Именно ей, «Катерине Петровне, труженице, кормилице, хранительнице семьи, защитнице детства», в первую очередь «бьет» благодарный поклон автор книги.

Рассмотрим это на примере рассказа «Конь с розовой гривой». Сколько же воспоминаний о бабушке оставил в жизни писателя этот прекрасный пряник! Вот как описывает его нам Астафьев: «Пряник конем! Это ж мечта всех деревенских малышей. Он белый-белый, этот конь. А грива у него розовая, хвост розовый, глаза розовые, копыта тоже розовые».

Мне кажется, что больше маленькому Вите запомнился не пряник, а поступок, который он совершил. Я думаю, что мальчик получил хороший урок и запомнил его на всю дальнейшую жизнь.

Он соврал бабушке, которая очень переживала за судьбу внука, хотела, чтобы он вырос воспитанным и честным человеком. Вот поэтому-то она так «срамила его и обличала» за обман с ягодами. Бабушка рассказывала о поступке Вити почти каждому, с кем она была знакома. Например, на кухне бабушка кому-то очень обстоятельно излагала: «...культурная дамочка, в шляпке. «Я вот эти ягоды все куплю». Пожалуйста, милости прошу. Ягодки-то, говорю, сиротинушка горемычный собирал...»

Бабушка тем самым учила мальчика быть честным. Она и сама была очень ответственной, честной, доброй и строгой; умела управляться со всеми делами по дому, помимо этого успевала руководить всеми не только домашними, но и знакомыми, воспитывала и учила всех — неслучайно ее называли «генералом». Вот тому пример: «Своих вечно потачил! — гремела бабушка. — Теперь этого! А он уж мошенничат! Че потом из него будет? Жиган будет! Вечный арестант! Я вот еще левоньевских, пятнай их, в оборот возьму!..» Из этого эпизода можно увидеть, насколько бабушка переживает за внука и его судьбу. Своими причитаниями бабушка добивалась того, чтобы мальчик прочувствовал свою вину. И она этого, как мне кажется, добилась. Вите стало стыдно: «Тут я провалился сквозь землю вместе с бабушкой и уже не мог и не желал разбирать, что говорила она дальше, потому что закрылся полушубком, забился в него, чтобы поскорее помереть».

Я думаю, что пряник запомнился В. П. Астафьеву не из-за того, что был редкостью в то время, а потому, что с ним связаны уроки доброты, данные автору его бабушкой. В памяти писателя, я думаю, на всю жизнь остался и этот поступок, и этот урок, и, конечно же, этот пряник. Вот как писатель говорит об этом в своем произведении: «Сколько лет с тех пор прошло! Сколько событий минуло. Нет в живых дедушки, нет и бабушки, да и моя жизнь клонится к закату, а я все не могу забыть бабушкиного пряника — того коня с розовой гривой».

Перечитав еще раз повесть В. П. Астафьева «Последний поклон» и узнав его биографию, я пришла к выводу, что главный герой повести способен откликаться на чужую боль, чужие страдания именно потому, что в детские годы с ним была бабушка, которая учила его быть добрым, любить природу. Виктор Петрович показывает, где, как и в какое время бабушка давала уроки, советы. Повесть учит и нас только всему самому лучшему.

(Печатается в сокращении)

Источники и литература:

Астафьев В. П. Собрание сочинений. В 4-х томах Т. 3. Последний поклон. Повесть. — М.: Мол. гвардия, 1980.

Марина Ершова
Людмила Бойченко

**Неизвестные страницы из жизни
В. П. Астафьева
(по материалам, записанным авторами
в Теплой Горе)**

В капле воды можно узреть океан. Этой самой каплей-линзой для В. П. Астафьева стал город Чусовой. У Виктора Петровича есть такое высказывание о Чусовом: «Книгу «Печальный детектив» написал только потому, что не мог носить все это в себе. И хотя городов пятнадцать уже узнало себя по книге, но это «не про них», а про Чусовой. Городок, в котором прошли мои лучшие годы».

Имя В. П. Астафьева, вне сомнений, и будет бессмертно, и уже бессмертно. Но должен ли стоять в стороне от понимания этого факта город Чусовой, где «заболел» Виктор Петрович писательством, а «благодарный» город сделал его своим почетным гражданином?

В одном из покосившихся, выросших с годами в землю домиков живет наша героиня, Марина Алексеевна Зюзина. Эта добрая, совсем еще не старая женщина, смушаясь, встретила нас, с трудом открыв покосившиеся от старости и тяжести снега оградные двери. Она пригласила нас в дом, попутно извиняясь и предупреждая, чтоб не испугались. Ей казалось, что мы, городские жители, которых привела к ней в дом ее внучка Любаша, можем ужаснуться при виде того, что есть ее привычная жизнь.

А в доме действительно было необычно: в единственной небольшой комнате, где уже двенадцать лет лежит ее безногий муж, Марина Алексеевна держит еще и маленького козленочка, захворавшего в хлеву в зимние холода. Хозяйка выхаживает его с особой теплотой, накопившейся в ней за последние годы. Раньше все

свое тепло и доброту она отдавала своим сыновьям (их было двое), потом — внукам, осиротевшим без матери, а теперь, когда внуки выросли и ей осталось только изредка встречать их с правнуками, она заботится о муже и держит для него хозяйство. Хозяйство-то немудреное — две козы да три козленочка, а внимания требует немало, и сил для него надо много. Марина Алексеевна с благодарностью рассказывает о соседях: с их помощью ей удалось расширить огород, где она теперь сама накашивает для коз сенца. А огород-то у нее на зависть многим односельчанам — ни травиночки, удобрен и урожай дает хороший. Да и не только огород: в доме Марина Алексеевна вырастила уже две высокие, в наш рост, розы. Стебель тяжесть листвы не выдерживает, и хозяйка заботливо подвязала его к потолку. «Рашу да дарю людям. Забирайте, увозите с собой», — щедро предлагает она, попутно делясь хитростями выращивания.

И по сей день точно помнит Марина Алексеевна дату, когда приехала в Чусовой. Было это 8 июня 1948 года. В августе тетя Фая Зыбина привела девчушку (взрослой-то девушкой ее назвать было трудно — махонькая больно была) к своей подруге. Марина Алексеевна и сегодня называет хозяйку дома, в который тогда попала, тетей Машей: «Уж очень хотела бы я ее еще увидеть. Очень добрая была тетя Маша. Ко мне относилась, как и к своим детям». Только мы сегодня не имеем права называть ее так, как Марина Алексеевна, ибо женщина эта, Мария Семеновна Корякина, — дважды великая и известная. Писательница, чье имя знают не только в Чусовом и Лысьве (где она когда-то училась на медсестру), не только у нас в Прикамье, но и по всей России. Она не только автор многих повестей и романов о настоящей, непритуманной жизни простых, добрых и мудрых людей, но и жена великого писателя земли русской Виктора Петровича Астафьева.

Рассказывает Марина Алексеевна Зюзина: «Мне шел семнадцатый год. Дядя Витя работал слесарем на колбасном заводе. А тетя Маша была бухгалтером в пимокатной. Уставали очень, работали тогда много.

Тетя Маша мастерица была. У нее я многому научилась. Научилась стежить одеяла. Дядя Витя делает нам пальца — аккуратно так делал, умело, гладенько. Тетя Маша где-то ситец доставала. Она и рисунок делала. Все умела. И мы шили по этому рисунку. Вручную шили, машинок-то не было. А потом, помнится, продавали — жить нечем было.

Но голодать не голодали. Огородик у них был. Я когда пришла к ним, помню, мы картошку копали. Огород такой глинистый был, какой-то в гору. Всю землю-то, видать, смывало. Но урожай, видать, хороший был — картошки хватало. У них свой был огородик. А выше-то был загорожен общий сад-огород. Внизу — домик ихний. Не ихний и был: они у какого-то старичка снимали домик, на квартире у него жили.

Все помню в этом домике. Как наша же вот одна комнатка и была. Небольшой. И помню, пол был очень чистый. Мы его с тетей Машей ножом скоблили. Была разруха, краски не было. Да и зачем его красить? Он такой беленький. И дядя Витя аккуратный был. Мы моем пол, и чтоб от него были какие следы — никогда! Нам казалось тогда, что все такие люди и должны быть. Других нету. Он нас никогда не обижал. И мы от него плохого слова никогда не слышали...

Уж потом я встретила его через восемь лет на рыбалке. Он рыбак был, дядя Витя-то. И Валера мой — рыбак. На заторе на рыбалке дело-то было. У дяди Вити тогда рыбина сорвалась, вот и кроши слова... Мне дивно было.

Он тогда стал уже знатным. Был уже 1957 год. Я не посмела к нему подойти, а он меня не узнал. Но я всегда следила за его работой. Тогда я уже была замужем, окончила школу рабочей молодежи. Выучилась на шофера. До этого работала в столовой № 4, в химцехе, на аглофабрике. От металлургического завода цех-то был...

А все помнила, как весь день сидела с Ириночкой и Андрюшенькой — играла, кормила. А готовила-то сама тетя Маша. А варили мы, помогала я ей, одно и то же. Не могу ошибиться. Это было даже шикарно, хорошо: картошка, тушенная с салом. И это уже богато. Это же сытно. Самая хорошая, здоровая пища. Дядя Витя приносил с работы всякие обрезки. (Виктор Петрович работал тогда на колбасном заводе, время было жестокое, можно представить, какие это были «обрезки», насколько съедобны были они. — М. Е., Л. Б.) В то время это была самая хорошая, сытная, богатая пища. И соль всегда была. Из-за соли мы не страдали...

А он с работы всегда приходил веселый. Играл в гармошку и пел, а мы плясали — я, Ириночка и Андрюшенька. Гармошечка-двухрядка, которую дяде Вите дал кум (видно, когда детей крестили), но не дядька какой-то. Начнет играть — мы плясать.

И песню пел: «Как пошли наши подружки в лес по ягоды гулять...» Весело пел, задорно. Такого да не полюбить?

Они и встретились на фронте. Тетя Маша была медсестрой. Он был тяжело ранен, и она в госпитале за ним ухаживала. Как он сирота был. Так они и вернулись в Чусовой вместе...

А праздников в доме никогда не было. Не помню. Не заведено было это в старое время: ни дни рождения, ни праздники не справляли. И гости к ним не приходили. Трудное было время. Однако, помню, справляли Новый год. Была елочка. Большая. Мне все тогда казалось большим. Игрушку помню только одну — большой желтый шар. А другие делали сами: цепочки из бумаги, из яичка Петрушку...

А потом тетя Маша добилась садика. Она ведь грамотная была. (Говоря «грамотная», пожилые люди имеют в виду образованность. Дядя Витя в представлении девочки из многодетной крестьянской семьи был рабочим, «неграмотным» — «образование-то 7 классов было у него». А бухгалтер тетя Маша — «грамотная», то есть образованная. — М. Е., Л. Б.)

Мебели у них, я запомнила, было мало: кровать — на ней тетя Маша с дядей Витей спали, стол да детская кровать, одна на двоих. А я за печкой спала, на куфайке: заползу на ночь, а утром выползаю. Один-то угол в комнате свободный был — мы там пальца раскладывали и одеяла стежили с тетей Машей. А потом они стали жить получше — тетя Маша шляпку купила с перышком...»

Завершая повествование сегодня, мы не ставим точку: у нас есть еще над чем потрудиться. В ходе поисков мы обнаружили другие неизвестные страницы, которые нам тоже показались интересными, так как они связаны с людьми, чьи судьбы пересеклись с судьбой Виктора Петровича Астафьева (более того, им пришлось, пусть недолго, идти одними дорожками-тропинками). И это — предмет нашей поисковой работы на будущее. А кроме того, нам еще предстоят встречи с людьми в Чусовом, знавшими писателя. Мечтаем списаться с Овсянкой, чтобы побольше узнать о Марии Семеновне Корякиной. Одним словом, поиск продолжается.

Источники и литература:

Астафьев В. П. С Надеждой и Верой // Ленинец. 1983. 15 января.

Екатерина Зяблицева

Литературотерапия В. П. Астафьевым (по рассказу «Захарка»)

Когда я смотрю на приметы и образы нашего времени, мне становится безрадостно и тяжело. Старушки с протянутыми руками. Дети, живущие на вокзалах, в подвалах. Подростки, умирающие от наркотиков. Девочки, торгующие собой. Младенцы, брошенные матерями...

Жизнь настала какая-то облегченная. При такой облегченности чувствуешь себя неприятно, без твердости и надежности. Неуверенность исподтишка точит и точит сердце.

И вдруг из этой темноты возник образ писателя Виктора Петровича Астафьева, врачующего своими произведениями, своей любовью, своим милосердием, поворачивающего меня в сторону спасительных в силу своей высокой нравственности отечественных традиций, к духовным истокам. Вся жизнь писателя — это пример устойчивости, способности сберечь живое и глубокое чувство совести, мечту о праведности и святости, острое чувство правды. До последнего дня, до последнего слова своего он ни разу не покривил душой. Все, что написано им, он видел, знал и пережил сам. Он умный и внимательный наблюдатель нашей жизни.

Астафьев — прекрасный рассказчик, способный погрузить читателя в атмосферу происходящего. Подчиняясь магии его слов, я ощущала себя свидетелем происходящего.

Знакомство мое с Виктором Астафьевым началось рано, с удивительного рассказа «Захарка», открывшего мне его творчество. Автор словно бы сам пригласил меня совершить небольшую прогулку в его художественный мир, в котором живет мальчик Захарка. В мир, где находился дух исцеляющего смирения, где порядочность важнее власти денег, где ценилась в человеке душевность и божья искра. Тогда я была еще ребенком и видение мое было избирательно: оно выхватывало из тысячи окружающих мелочей понятное и что-то особенно близкое.

...Большая семья. Пятеро детей. Отец погиб на войне. Захарка остался за главного. Маленькое селение Агапитово, всего пять домов. Голод. Захарка работал у пекаря, который вовсе его заездил, а плату положил парнишке одну — кусок хлеба. Все стерпел тот.

Я горько плакала над тяжелой участью Захарки. Но рассказ таил в себе силу, помогавшую преодолеть земные тяготы. Он донес до меня мысли о вечности сострадания и соучастия в чужой беде. Автор заставил меня переосмыслить всю жизнь, просветить ум, чувства. Рассказ звал прислушаться к сердцу, пробуждал совесть.

И я создала для себя некий психологический настрой. Фразы из рассказа «Захарка» чередовала со своими. Получился своеобразный диалог:

- Захарка ловил зимой куропаток, заплутал, чуть не замерз.
- Я очень сильная, твердо уверенная в себе.
- К весне очень трудно стало. Еды не было.
- Я все смогу преодолеть.
- Все стерпел Захарка.
- И я все смогу. Вместе нас не сломить.

И вот уже ослабевали и уходили куда-то неприятные ощущения, тоскливая напряженность. И я верила, что нет горестей непоправимых, неодолимых. Свет Захарки, просветляя, делал меня доброй, терпеливой, неsgiбаемой.

Изучая биографию Виктора Астафьева, я заметила, что его судьба очень схожа с Захаркиной. Голодное сиротское детство, раннее взросление, школа ФЗО, фронт, тяжелое ранение, проживание в нашем крае — в Чусовом, работа грузчиком, чернорабочим, бригадиром. Именно здесь начинался писатель Астафьев.

Да, конечно, Захарка — это он! И переживания Захарки — его переживания. Муку своего сердца автор переплавил в Захаркину, вылил в самостоятельный рассказ, светлый, чистый, горький, красивый.

И я стала «переводить» свои страдания в стихи, в рисунки, чтобы смягчить жизненные трудности. Как хорошо, что Астафьев подсказал и помог мне!

Когда меня охватывало острое чувство одиночества и обиды, когда душа готова была слезами выплеснуться наружу, я думала: от чьего же участия мне станет легче? или, может, лишь только добавится чувство вины за тяжесть, перекладываемую на добрых родителей или близкую подругу? Недовольная собой, я засыпала. И однажды мне приснился астафьевский Захарка, двенадцатилетний мальчик, чуть кривоногий, коренастый, в телогрейке, под которую поддета шерстяная кофта матери, в латаных ватных штанах и сапогах с калошами. Посмотрел он на меня строго и сказал: «А мне, думаешь, легко? Живя, умеи все пережить!»

С того самого сна Захарка стал моим источником какой-то огромной духовной силы. Благодаря ему удалось обрести покой и уверенность в себе. Стоило мне только подумать о плохом поступке, как сразу ощущала присутствие Захарки, и он, заряжая своей природной нетерпимостью к безнравственности, шептал мне: «Катя, не смей походить на пекаря, который встретился на моем пути и мазнул сажей по моему детству, отяжелил его, и без того нелегкое». Захарка являлся постоянным напоминанием, упреком, пламенем небесным для меня, соборной душой народа.

Вспоминаю такой случай. Шла я однажды одетая не по погоде, во всем модном. Ветер насквозь продувал. А мне — нипочем. Пусть, думаю, все видят, какая я красивая. А вечером поднялась температура. Я заболела надолго. Не могла есть, совсем ослабла. И вдруг вспомнился мне эпизод, как Захарка на охоте четырех гусей добыл и уток штук двенадцать. Несет тяжеленный мешок. Пришел домой, супу наварил, ребят накормил. Вообразила, будто и я с ними улетаю вкусный, наваристый суп. И такое было ощущение, что Захарка олицетворял во мне все самое привычное, слившись с теплом, светом, домом и подарив покой, безопасность, неуязвимость, здоровье. Я уже не воспринимала болезнь как что-то непоправимое, неизлечимое, и она отступила.

Постоянно ощущая человеческую доброту и заботу со стороны родителей, единственный в семье, заласканный, эгоистичный ребенок, я не всегда успевала ответить тем же, действительно не умела отозваться душой, познать ценность бытия. Всему этому меня научил мальчик Захарка.

Подробно, не упуская ничего, ни одной детали, внимательно перечитываю эпизод на охоте.

Мать упросила пекаря взять Захарку на охоту. Пекарь в те годные годы пользовался большим авторитетом и жил по поговорке «Сыт, пьян и нос в табаке». Власть у него в округе была полная. Захочет хлеб отпустить — отпустит, не захочет — не отпустит. К охоте Захарка относился серьезно: это была работа, дающая пищу, жизнь. Он подстрелил гуся, но пекарь наскочил на него с кулаками: «Ты что за моей птицей гоняешься!» И забрал гуся себе. Видел Захарка: врет пекарь.

— Как тебе не стыдно! — сказал он, переходя на «ты». — Детишек голодишь...

Пекарь захлебнулся от таких речей, он привык к почтению.

— Крохобор! — презрительно прищурился Захарка.

Пекарь потребовал разделить всю добычу, стыдно было перед людьми осрамиться.

— А насчет дележа охлони и рот не разевай. У меня детишки и мать.

На другой день мать сказала: «Чем ты пекарю-то досадил? Зверем на меня смотрит и говорит, что с сего дня никаких льгот нам не будет». На характере можно продержаться. Захарка давно уже на нем держался.

Схватка пекаря и мальчика обнажила внутренний мир каждого. С пекарем в жизнь Захарки ворвался мир, несущий горечь, злобу, жадность, жлобство. Он вселял в мальчика ненависть, страх и в то же время готовность защищаться от него. Захаркино детское горе не знало границ, но нравственные и моральные болезни, эпидемия бездуховности не посмели его одолеть.

Каждый из героев рассказа сам назначил себе судьбу. Пекаря посадили: подмешивал он что-то в хлеб. Бесследно никакое злодейство не проходит. Пекарь никогда не заглядывал в свою душу, злую, алчную, черную. Не был он способен к покаянию, изживал в себе чувство стыда, избавлялся от совести, жировал за чужой счет, по-хамски обращался с людьми. Совершая выбор в пользу зла, мы нарушаем, как пекарь, всеобщие духовно-нравственные законы жизни, тем самым разрушая себя и обрекая на болезни.

Я смогла оценить силу духа Захарки. Буду трудиться над тем, чтобы обрести духовность, чтобы сделать красивой, чистой душу, и тогда особым светом, особой красотой озарятся и лицо, и поступки, и вся моя жизнь. И болезни отступят. Рассказ стал прочной основой моей духовной высоты.

Произведение ушло из моего детства дальше в жизнь. И я двигалась вместе с ним. Сейчас я десятиклассница. Стал бригадиром, отцом троих детей Захар.

Все живое имеет начало, свои истоки. Есть теперь они и у меня. Благодаря этим истокам я становлюсь мудрой, праведной. Вот и сейчас вижу, как Захар сидит на опрокинутой лодке, смотрит на меня и говорит словами поэта:

До конца,
До тихого креста,
Пусть душа твоя
Останется чиста.

Алексей Коротин
Александр Гусев

Человек и природа (по творчеству В. П. Астафьева)

Через несколько дней дети вырастут,
станут бить меня, горевать.

А. Денисенко

Человек и природа, природа и человек... Кто она? И кто мы? Она — мать, родительница, та, которая дает жизнь. Мы — ее частичка, ее дети. Она дает нам все, что имеет сама, дарит нам свою любовь и нежность, спасает нас в трудную минуту. Мы в ответ должны ей платить тем же: любить, беречь от всех потрясений и невзгод, от всех метелей и выюг. Но к сожалению, мы слишком эгоистичны, мы привыкли брать все без отдачи, не задумываясь над судьбой той, которая дала нам жизнь.

Пока человек естества не пытал
Горнилом, весами и мерой,
Но-детски вешаньям природы внимал,
Ловил ее знаменья с верой;
Покуда природу любил он, она
Любовью ему отвечала...
Но чувство презрев, он доверил уму;
Вдался в суету изысканий...
И сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний.

Е. Баратынский

Да, чем старше и умнее становимся мы, дети, дети Земли, тем быстрее мы рвем ту ниточку, которая связывает нас с природой. Воздействие на окружающий мир и планету в целом вооруженного новейшей техникой человечества по силе во много раз превосходит то, на какое люди способны были во все предшествующие эпохи истории. Современная цивилизация приводит к быстрому потреблению ресурсов природы, вызывает уродливое изменение природной среды: свалки в окрестностях промышленных предприятий, высохшие леса, тундра, изборожденная гусеницами

тракторов, которые сорвали растительный покров и оголили вечномерзлую почву, пустыня, ставшая еще пустыжнее, так как люди ради беззаботной забавы — браконьерской охоты на джейранов и сайгаков — повредили машинами поверхность и ветер выдувает из этих ран на теле земли соленую пыль и разносит ее на сотни километров.

Тускнеет твой венеч алмазный,
Не зыкнет с посвистом жених...
Все больше пятен нефти грязной,
Плевки Горынычей стальных...

А. Ширяевец

Губя природу, мы не задумываемся над тем, что губим самое дорогое, что у нас есть, а значит, губим и себя, губим не только физически, но и морально, ведь мы — ее дети. Может быть, поэтому в нашем обществе нравственные ценности ушли на задний план. Нарушишь одно — исчезнет другое. Еще Ф. М. Достоевский писал: «Кто не любит природу, тот не любит и человека, тот не гражданин». Эту мысль продолжил в своем творчестве и В. П. Астафьев. В его произведениях экологические и нравственные проблемы общества всегда тесно переплетены.

Когда-то человек провозгласил себя царем природы, и к каким плачевным результатам это привело, показывает нам писатель в рассказе «Людочка»: «С годами к канаве приползло и разрослось, как ему хотелось, всякое дурнолесье и дурнотравье: бузина, малинник, тальник, волчатник, одичалый смородник, не рожавший ягод, и всюду развесистая полынь, жизнерадостные лопухи и колючки. Кое-где дурнину эту непролазную пробивало кривоствольными черемухами; две-три вербы, одна почерневшая береза росла, и, отпрянув сажень на десять, вежливо пошумливая листьями, цвели в середине лета кособокие липы». Сама среда стала враждебной человеку. В городском парке люди выкопали канаву и проложили по ней трубу, а вот закопать забыли: «Черная, с кривыми коленами, будто растоптанный скотом уж, лежала труба в распаренной глине, шипела, парила, бурлила горячей бурдой. Деревья над канавой заболели, сникли... Всегда тут, в парке, стояла вонь». В эту обстановку и попадает главная героиня произведения. Тяжело Людочке, приехавшей из деревни в город, с ее чистой душой, приспособиться к окружающей жизни, при-

выкнута к городской действительности. И эта девушка, хрупкая и болезненная, сохранившая в кошмарном мире свою душу, вызывает только уважение и жалость. Астафьев, рассказывая о судьбе Людочки, говорит не только об экологии природы, но и об экологии души. Автор призывает людей остановиться, оглянуться и увидеть, что они сделали с природой и собой.

Героя повести «Царь-рыба» писатель называет «хозяином». Действительно, Игнатьич умеет все и лучше, и быстрее других. Его отличает бережливость и аккуратность. Никто ему не завидовал, кроме младшего брата Командора. А Командор не скрывал своей неприязни к брату, показывая ее при каждом удобном случае. Игнатьич старался не обращать на это внимания. Но до идеала главному герою далеко: он жаден и потребительски относится к природе.

Автор сводит главного героя один на один с природой. За все его грехи перед ней она «преподносит» Игнатьичу суровое испытание: он отправляется рыбачить на Енисей и, не довольствуясь мелкой рыбой, ждет осетра. «И в этот миг заявила о себе рыба, пошла в сторону, зашелкали о железо крючки, голубые искорки из борта лодки высекала. За кормой взбурлило грузное тело рыбыны, вертанулось, забунтовало, разбрасывая воду, словно лохмотья горелого, черного тряпья». В этот момент Игнатьич увидел рыбу у самого борта лодки. «Увидел и опешил: что-то редкостное, первобытное было не только в величине рыбы, но и в формах ее тела — на доисторического ящера походила она...» Рыба сразу показалась ему зловещей. Душа героя как бы раздвоилась: одна половина ее подсказывала отпустить рыбу и тем самым сохранить себя, но другая ни в какую не хотела упускать такую добычу, ведь царь-рыба попадает раз в жизни. Страсть рыбака берет верх над благоразумием. Игнатьич решает во что бы то ни стало выловить осетра. Но по неосторожности оказывается в воде, на крючке собственной снасти. Он чувствует, что тонет, что рыба тянет его на дно, а он ничего не может сделать для своего спасения. Перед лицом смерти рыба становится для него некой тварью. Герой, не верующий в Бога, в этот миг обращается к нему за помощью. Он вспоминает то, о чем пытался забыть в течение всей жизни: опозоренную девушку, обреченную на вечные страдания. Выходит, что природа, тоже в какой-то степени женщина, мстит ему за причиненное зло. Мстит жестоко. Игнатьич, «не владея ртом, но все же надеясь, что хоть кто-нибудь его услышит, прерывисто и изорванно засипел: «Гла-а-а-ша-а, прости-и-и...» И когда рыба от-

пускает Игнатыча, он чувствует, что душа его освобождается от греха, который давил на него всю жизнь. Природа выполнила задачу Бога: призвала грешника к покаянию и отпустила ему грехи.

Писатель оставляет надежду на жизнь без греха не только своему герою, но и всем нам, потому что никто на земле не застрахован от конфликтов с природой, а значит, с собственной душой. В своих произведениях Виктор Астафьев обращается к каждому из нас. Следует помнить, что человек и природа — понятия, неотделимые друг от друга. Убивая природу, человек обрекает на гибель себя. Рушатся связи человека не только с природой, но и с себе подобными.

Вспомним слова героя Б. Васильева из романа «Не стреляйте в белых лебедей», которые созвучны идеям В. Астафьева: «Сиротиночки мы: с землей-матушкой в разладе, с лесом-батюшкой в ссоре, с речкой-сестричкой в разлуке горькой. И стоять не на чем, и прислониться не к чему, и освежиться нечем».

Люди должны помнить, что они в ответе перед теми, кто жил на этой земле, а еще больше — перед теми, кто будет жить после них, ведь природа — это наше наследство, которое перешло к нам от наших отцов и которое мы передадим нашим детям. И пусть, получив его, они увидят зеленые деревья, реку под закатными лучами, вольных птиц, полет бабочки над ручьем, всполохи красной рябины, а не черную пустыню, где нет ничего живого.

Чтобы себя и мир спасти,
Нам нужно, не теряя годы,
Забуть все культы
И ввести
Неповторимый
Култ природы.

В. Федоров

И пусть в наших сердцах всегда звучит музыка любви к природе, к родному краю и окружающим людям. И пусть она будет такой же нежной и волнующей, как звуки скрипки.

Доверие птиц умею ценить,
Бывает легко на душе, когда
Случайно удастся жизнь сохранить
Птенцу, упавшему из гнезда.

Себя самого узнать не могу,
Осинки в лесу зазря не срублю,
В корнях родничок, что клад берегу,
На муравейник не наступлю, —
Люблю все живое,
Живых люблю.

А. Яшин

Источники и литература:

Савина Л. Н. «Экология природы» и «экология души» в современной литературе // Уроки литературы в 11 классе. — Волгоград: «Братя Гринины», 1999.

Астафьев В. П. Повести. — М., 1990.

Астафьев В. П. Царь-рыба. — М.: Современник, 1983.

Васильев Б. Л. Не стреляйте в белых лебедей. — М.: Просвещение, 1986.

Александр Алешин

Виктор Петрович Астафьев: «заметки памяти»

Крупнейший русский писатель двадцатого столетия Виктор Петрович Астафьев недавно ушел из жизни. Человек военного поколения, он оставил читателям замечательное наследие — произведения самой разнообразной тематики. Знаменитым сделали автора книги о войне, природе, современном обществе, русской деревне, книги о любви. О чем бы ни писал Астафьев, в центре его внимания всегда были вопросы нравственности.

Цель моей работы — обратиться к «Затесям», малому жанру, «заметкам памяти», где особенно отчетливо звучит голос самого автора, лирика и философа, оставившего нам мудрость в наследство.

Цикл «Затесей» впервые выкристаллизовался в 1965 году, но создавался он всю жизнь, от 1950-х годов до самого последнего времени, и не является столь же устойчивым по составу, как цикл рассказов о детстве.

Лиризм пронизывает все произведения Виктора Астафьева, а эти «короткие рассказы», или «затеси», по своей природе не могут быть нелиричными. Здесь есть откровенные признания в любви

к родным местам, к русской поэзии, к народным преданиям, к Лермонтову, есть восхищение перед величием духа русских людей и от общения с ними. Здесь открытая боль за унижение человеческого счастья и гнев, вызванный равнодушием, эгоизмом, бесхозяйственностью. То есть все то, что следует назвать лирической публицистикой.

В предисловии к журнальной публикации 1970 года Астафьев писал: «Поход начинается с песни. Дорога — с «затесей», — так говорят в народе. Много лет я пишу эти «затеси», то, что видел когда-то, что запало в душу, оставило в ней зарубку. Ни рассказами, ни очерками, ни этюдами я их не называю. Это свободные, не скованные литературными условностями, рамками жанра заметки памяти».

И в самом деле, жанр произведений, вошедших в книгу «Затеси» (1972), часто бывает трудно определить. Что это — короткий рассказ, зарисовка, этюд или стихотворение в прозе? Вероятнее всего и то, и другое, и третье. Суть в том, что в их основании лежат именно «заметки памяти», то есть подлинные события и факты, пережитые автором.

Тематически невозможно объединить рассказы «Гудки издалека», «Постскриптум», «Игра». Они о разном. Сближает их идейный смысл, вывод о том нравственном уроке, который получил автор и который он преподносит читателю как ценность, рассчитывая на понимание: «... жизнь не письмо, в ней постскриптума не бывает... хотя бы себе помогите!»

Здесь и военные истории, и не столько о войне. «Макароны», «Как лечили богиню» — именно «заметки памяти». Не стертые временем, они имеют продолжение в жизни современной, как корешки елочки, питаются, соединяя отжившее и молодое (рассказ «И прахом своим»).

«Затеси» — выход автора и к другим, нередко злободневным темам и проблемам, что органично перекликается у него с детством и с войной. «Слякотная осень» — короткий рассказ о послевоенной деревне, где долго еще, как и в войну, все беды, одна другой горше, несли на своих плечах женщины-солдатки, оставшиеся одиночками. Теперь это страница нашей истории, которую мы ни при каких обстоятельствах не имеем права забывать.

«Весной было велено запахать под кукурузу заливные луга по излучине реки и вокруг Пашкинских озер, луга, от веку кормившие выдринский скот, а значит, и выдринцев» — так начинается «Сля-

котная осень». Ко многим и всяким бедам притерпелись колхозницы из уральской деревни Выдрино, но в этом случае и «они зароптали, а потом испуганно замерли, когда заливные луга пошли под плуг и на верхних пашнях клевера порушили, приготовив землю под какие-то бобово-чечевичные культуры». Заморские бобы на каменистой и песчаной уральской почве вообще не взошли, а кукуруза, хотя и проклюнулась, но никакого урожая не дала. А тут еще пожар, гибель осоки, которую с огромным трудом заготавливали по льду, бескормица... Тяжкая и горькая страница. Государство было виновато перед этими женщинами из-за своей неумелости и беспечности. Но прежде всего виноваты фашисты, развязавшие мировую войну. И читаешь сегодня «Слякотную осень» как неоспоримое свидетельство о русских женщинах-труженицах, которые по праву должны жить в памяти грядущих поколений.

Модной литературе, далекой от жизни простого народа, может показаться устаревшей или надоевшей эта тема. Но не Виктору Петровичу. Деревню и народ он знал отлично, а на жизнь моды не бывает.

«Звезды и елочки» — «затесь» об обычаях и обрядах, что распространены на Вологодчине. «Какие только обычаи и обряды, — пишет полемически Астафьев, — не навязывали досужие творцы нашему народу, особенно деревенскому, забывая, что народ сам рождает обычаи в зависимости от жизни». И далее уважительно и благодарно рассказывается о самом народе, особенно о женщинах Вологодчины, которые, «несмотря ни на какие невзгоды, сохраняют и несут по жизни распахнутую и неунывающую душу» и творят обычаи, украшающие и возвышающие их.

По всему чувствуется, что и старина для писателя не случайное увлечение, не предмет бездумного созерцания. Она для него выражение мудрости, накопленной человечеством, олицетворение самой красоты, одухотворенной творчеством, свидетельство нетленности человеческого сердца, охваченного любовью к людям.

Прелестна его Песнопевница, дочка бакенщика. Как вышла она из детства, с рекой, песней, отцом, сладкими снами, так и живет, умея мечтать, быть терпеливой. Милая и добрая ее душа еще никому не открыта, не всякий и поймет такую. Но настоящее глаза не режет. Хочется верить: разглядят.

В «Затесях» перед нами чаще всего предстает чистая натура во всей ее непосредственности, а еще — открытая для всех искренняя душа писателя.

Короткие рассказы отличаются большой плотностью смысла. Некоторые «затеси» всего на полстранички, а прочитаешь, к примеру, «Кладбище» или «Весенний остров» — и задумаешься о жизни, своей ли, общей человеческой, об уме и безумии людском, о самой природе жизни. Событий в них чаще всего нет, а глубинного смысла на большую книгу хватит.

«Как воссоединить простоту смысла жизни со страшной явью бытия?» — спрашивает писатель в философском этюде «Падение листа». Как и в «Летящей звезде», мысли о неумолимом времени не ведут к выводу о бесполезности краткой жизни. «Жизнь нельзя пропустить», то есть нельзя бездумно потратить.

Астафьев не перестает удивляться чуду природы, пишет ли он о деревьях, о хлебном поле, об огороде или о животных. Из этого удивления и рождаются новые мысли, искренние чувства, необычные образы. Здесь нет анализа явлений и фактов действительности, но, зорко и ярко запечатленные писателем, они часто говорят нашему сердцу и разуму больше, чем самые пространные, но неодухотворенные описания и выкладки. Кроме того, в них есть прелесть присутствия автора, прелесть неукоснительной достоверности, столь любимой современным читателем, не признающим поэзии вымысла. Видимо, этим и отличаются «затеси» от обычных, объективированных и отчужденных от автора рассказов.

«Затеси» — это прямое выражение гражданской позиции писателя, непосредственная и активная защита его веры и правды. Виктор Петрович добр к человеку, добр требовательной добротой. Он страстно ненавидит скудоумие, зло, бездумность и бездушие. Об этом его «Печальный детектив», «Царь-рыба», главная, как он сам считал, книга «Последний поклон» и другие произведения, образы и мысли которых выросли из таких «затесей», как «Долбят гору», «Дуда», «Послание во вселенную».

«Загляни во время и пространство», «снося красоту, незаметно и себя снесешь под корень», «услышь прекрасную песнь Родины» — звучит призывный голос писателя.

Русские писатели издавна знали емкость мимолетного впечатления, закрепленного в слове, значительность обыденной сценки, в которой точно расставлены акценты, факт становится образом, влекущим к мысли и чувству. Так было у Тургенева и Бунина. Жанрового открытия в «затесах» нет, но их лирическое, философское, гражданское звучание дает почувствовать талант настоящего патриота, Виктора Петровича Астафьева.

Источники и литература:

Астафьев В. П. Повести и рассказы. — М.: Советский писатель, 1984.

Астафьев В. П. Дослушать и понять все песни // Советская культура. 1977. 25 ноября.

Астафьев В. П. Стержневой корень // Красноярский рабочий. 1975. 10 июня.

Ксения Тихонова
Мария Шитова
Василий Викторов

Диалектный словарь повести В. П. Астафьева «Последний поклон»

В. П. Астафьев не писал о сегодняшней юности. Один из литературоведов признавался, что и представить не может Виктора Петровича пишущим о молодежи и для молодежи. Мы считаем, что это не так. Прочитв «Звездопад», «Царь-рыбу», «Печальный детектив», «Последний поклон», мы решили составить диалектный словарь повести «Последний поклон».

Удивителен язык этого произведения! Слово крепкое, звучащее, точное, эмоциональное, образное. Им в совершенстве владели бабушка Катерина Петровна, тетка Августа, дядя Коля, дядя Филипп и многие другие деревенские жители. Слово могло быть и ласковым, и горьким, и хлестким.

Мальчик из сибирской глубинки запомнил этот язык на всю жизнь, дорожил им, хранил в своих книгах. На этом языке говорила память, говорил истинно русский человек. Этот язык, вопреки существующему мнению, не оставил равнодушными и нас, молодых. Поэтому мы составили по повести свой словарь.

Бадogi — палки.

Бастриг — жердь, которую кладут поперек воза.

Батюшко — отец.

Брякнуть — молвить неожиданно.

Бухать — кашлять, работать с напряжением.

Буянить — бушевать, забиячить.

Варево — кушанье, приготовляемое на один раз.

Глянуться — нравиться.

Голик — веник без листьев.

Догляд — присмотр, уход.

Дозорить — внимательно наблюдать, следить.

Домовина — гроб.

Домовничать — сидеть дома, заниматься домашним хозяйством.

Драчена — картошка, запеченная с молоком и маслом.

Дрыхнуть — спать.

Ельцы — орудие вроде граблей.

Занавеска — полотнище или сшивная холстина, привешиваемая различным образом.

Запашистый — с приятным запахом, ароматный.

Зарод — стог сена.

Заширкать — зашаркать, заскрести.

Зыбать — производить энергичные колебательные и ритмичные действия.

Изувечить — искалечить.

Изурочить — сглазить.

Катанки — валенки.

Кибася — камни в бересте или обогнутые вицею.

Колотиться — биться.

Кулага — тестообразное кушанье из ржаной муки и хмеля.

Куржак — иней.

Кухта — косматый иней на деревьях.

Лешак — леший.

Лиственка — лиственница (ласковое).

Матушка — мать.

Мыркать — молоть пустяки, нести вздор, нелепицу.

Надсадиться — надорваться.

Надсажать — надрывать.

Наробиться — наработаться.

Обротъ — недоуздок, конская узда с одним поводом.

Обутки — башмаки, чирки.

Опорок — испод, низ одежды, подкладка, с чего спорот верх.

По (сено) — за (сеном).

Подманить — приманить.

Подыматься — подниматься.

Пойло — питье для скота.

- Поло — открыто, свободно, чисто, пусто.
Положить в домовину — похоронить.
Помело — пук мочал или тряпья, ветоши или хвойнику.
Поскотина — пастбище, выгон, поле.
Посудина — большой домашний обиходный сосуд.
Протаптывать целик — протаптывать занесенную снегом дорогу.
Пыжиться — надуваться, силиться.
Робить — работать.
Рукомойник — посудина для подачи воды на лицо, на руки.
Сбрындить — соскочить, сорваться своею силою, отступиться.
Срам — стыд.
Страмина — неопрятный, грязный человек.
Стряпка — стряпуха, работница, повариха, кухарка, вообще неученая, привыкшая готовить простые кушанья.
Студень — холодец.
Стужа — холод.
Стукотня — частый, продолжительный, докучливый стук.
Сулить — обещать.
Таскать — носить.
Толковать — рассуждать, разбирать дело, беседовать.
Торная — наезженная.
Тошно, тошнехонько — плохо.
Увал — южный склон горы.
Угнездиться — вселиться.
Улизнуть — ускользнуть, уйти скрытно.
Умаяться — устать.
Упреждать — предупреждать.
Упреть — вспотеть.
Урос — упрямец, строптивец.
Харч — съестной припас, пища, еда, продовольствие.
Худо — плохо.
Худой — плохой.
Чалдон — коренной житель Сибири.
Чуять — чувствовать.
Шарг — мелкий сор.
Шевяк — помет скота.
Шивера — речной порог, брод.
Шмутки — домашние вещи.
Ядреной — холодный, свежий, сочный, бодрый, невялый.
Яманы — дикие козы.

Пласт народной речи Сибири интересен сам по себе. А еще потому, что на этом языке говорит история, трогает душу, заставляя сопереживать, соотносить свою жизнь с тем, о чем читаешь. Значит, В. П. Астафьев писал и для нас. Ведь он справедливо считал, что «все, чего коснулась... душа, — настоящее».

Виктория Леонтьева

Жанровое своеобразие «Затесей» В. П. Астафьева

Материалом для нашего исследования послужило произведение «Затеси», вышедшее в 2004 году и включившее в себя около 300 миниатюр, написанных в разные годы. Первая из «затесей» датируется 1965 годом, последние — выходят в 2000-м, когда Виктор Петрович Астафьев уже тяжело болел. Отдельными циклами они издавались в разные годы, но только после смерти Астафьева были изданы целиком, и это позволяет выявить творческое кредо писателя, эволюцию взглядов мастера, позволяет говорить о философской направленности его прозы последних лет.

В предисловии к журнальной публикации «Затесей» сам Виктор Петрович писал в 1970 году: «Поход начинается с песни. Дорога — с «затесей» — так говорят в народе. Много лет я пишу эти «затеси», то, что видел или слышал когда-то, что запало в душу, оставило в ней зарубку. Ни рассказами, ни очерками, ни этюдами я их не называю. Это свободные, не скованные литературными условностями, рамками жанра заметки памяти». Тем не менее единого мнения по поводу жанра у литературоведов нет. У каждого своя точка зрения на это произведение.

Например, Люция Барташевич в журнале «Москва» (№ 12, 1999 год) пишет: «Не считайте, что это «отходы» основного писательского процесса! Причина появления подобных миниатюр — естественная, внутренняя творческая потребность, одна из возможностей не стеснять себя идейно-тематическими рамками». И я полностью согласна, что «Затеси» — это не то, что не вошло в другие произведения Виктора Петровича, а самоценное художественное произведение.

По моему мнению, «Затеси» с их необычным жанром, образной системой и языком являются результатом поиска творческого «я» писателем, стремившимся уйти от однолинейной трактовки, штампованности тем, языка произведения, жанра. Жанр «Затесей» интересен именно своей сложностью, поскольку вбирает в себя как лирические, так и эпические черты. Мы можем причислить «Затеси» к лирико-философским миниатюрам.

Действительно, «Затеси» по форме, по объему соответствуют жанру миниатюры. Самая маленькая «затесь» — «Строка» — это три предложения, немногословно, но емко отразившие состояние человека: «Опять пришла зима. Холодно. Эта строка приснилась мне теплой летней ночью». Самая большая миниатюра — «Одинокий парус» — содержит 470 строк. Эта история любви генерала Симонсито и девушки из Лимы, похожей на героиню «Алых парусов», драматично заканчивается их расставанием и смертью Освободителя, которого пытались лишить самого дорогого — Родины. На наш взгляд, эта миниатюра несколько отличается от всех остальных тем, что место действия в ней перенесено в далекую Южную Америку, что в героях подчеркнуто типическое, а не индивидуальное (у девушки из Лимы мы так и не узнаем имени), что образ автора сменяется образом повествователя, то есть неперсонифицированным носителем повествования. Название сразу обращает нас к романтической символике, ведь парус — символ одиночества, отверженности. Оно изначально задает лирически взволнованный тон.

Размер миниатюры не влияет на лирико-исповедальный тон повествования: во всех «затесях» сильно психологическое воздействие на читателя. Также малый размер не уменьшает смысловую насыщенности и многомерности миниатюр. В произведении отдается предпочтение философским темам жизни и смерти («И прахом своим...», «Смерть охотника»), смысла жизни («Окно», «Печаль веков»), нравственности («Как лечили богиню»), человеческой судьбы («Развращенец», «Цена искусства»), хотя тематический охват «Затесей» очень широк и каждую миниатюру отличает множественность проблематики.

Различные жизненные ситуации дают почву для масштабных обобщений, для раскрытия вечных законов жизни, поиска ответов на философские вопросы: как воссоединить простоту и величие смысла жизни со страшной явью бытия, какова истина бытия и др.

Например, на размышления такого рода автора натолкнула прогулка по сибирскому лесу в предосеннюю пору и увиденное там падение листа. Наблюдение совершенно обыденное и мимолетное, однако в неожиданных метафорах лист сравнивается с бабочкой, гривенником, обрывком искуренной бумажки. Но главное — лист становится символом времени, человеческой жизни: люди как листья в таежном лесу, «шумящие под мирскими ветрами и в назначенный час, по велению того, что зовется судьбою, одиноко и тихо опадающие на землю». Так проявляется глубоко философский взгляд В. П. Астафьева на окружающую действительность.

Несомненно, философия Астафьева — не в отвлеченных умозаключениях, она основывается на фактах действительности. Так проявляется эпическая составляющая жанра.

В миниатюрах присутствует сюжет, хотя бы и в редуцированной форме, что также свидетельствует о тяготении к эпосу. Каждая «затесь» является эпизодом, выхваченным из жизненного потока, «высвеченным прожектором памяти».

Однако миниатюры не строятся строго по законам эпического произведения. Мы редко видим сюжет в его логическом развитии: с завязкой, кульминацией, развязкой. Как правило, автор резюмирует эпизод, нарушает последовательность событий, оставляя лишь самое важное для раскрытия собственной философии и мировоззрения. Остальное он предоставляет читательской фантазии и интуиции.

«Лина уже полмесяца жила в Москве. Жила? Нет, не жила, доживала» — так начинается повествование о главной героине, борющейся со смертельной болезнью и не желающей умирать, в миниатюре «Гимн жизни». Далее, используя прием ретроспекции, или обращения к прошлому, Астафьев рассказывает о родителях Лины и о том, как она оказалась в Москве. Бесспорно, знать время собственной смерти — это ужасно. Но героиня, несмотря на обстоятельства, не озлобилась на мир, а, наоборот, захотела крикнуть: «Люди, звезды, небо — я люблю вас!» Такие перемены произошли в Лине, когда она услышала музыку Чайковского и увидела звезды, пусть на куполе планетария, которые на мгновение стали ее духовной опорой. Развязки этой драматичной истории мы не видим, но она и не нужна. Автор оставляет читателю право надеяться на чудо, которое совершит жизнеутверждающая сила музыки.

Поэтизацию действительности мы видим и в картинах жизни крестьянства, которые рисует Астафьев. В миниатюре «Крестья-

нин» создается эпический образ истинного труженика земли. Молодой крестьянин красив не только внешне: «с мужицким раскрытием плеч, с прямым доверительным взглядом и достоинством в каждом движении, в слове и в улыбке», но и внутренне: он ничем не запятнал «свою жизнь во многих поколениях», не дрогнул в лихолетье, уверен в себе и в той пользе, какую он несет миру и людям. Но главное, в чем проявляются и чем проверяются астафьевские герои, — это отношение к природе. Портрету крестьянина предшествует описание многоцветия сибирской природы, которое не может не приводить в восторг. Парень становится похожим на сказочного героя, которого уносит в нарождающееся лето, к солнцу белая-белая лошадь с серебряно сверкающими копытами. Для создания образа автор использует гротеск, сравнивая руку крестьянина по величине с совковой лопатой, что добавляет образу масштабности, величия и одновременно «бытийности».

Астафьев далек от идеализации и чрезмерной героизации. О войне он пишет объективно, правдиво, без прикрас, используя поэтику натурализма и детализацию. Для рядового связиста из автобиографичной миниатюры «Мелодия Чайковского» война — это сложная работа в тяжелейших условиях. «...У меня прохудились ботинки, подошва на одном вовсе отстала. Я подвязал ее телефонным проводом... Меня бьет кашель, течет из носа, рукавом грязной шинели я растер под носом верхнюю губу до ожога. Усов у меня еще нет, еще не растут, палит, будто перцем, подносье и нос. Меня знобит, чувствую температуру, матерюсь по телефону с дежурным на батареях...»

Повествование почти всегда ведется от первого лица. Когда появляется образ рассказчика, которым может стать продавец ларька, деревенская женщина, автор поясняет это в заглавии. Он сохраняет живую речь, делая образы предельно реалистичными.

Таким образом, эпичность миниатюр стоит рассматривать как отражение масштабности их идей и образов. Каждая миниатюра содержит образы широкого обобщения или яркой характеристики. К примеру, одним из самых масштабных, как нам кажется, является образ «кормящей матери-земли». Используя олицетворение, автор подчеркивает ее родительское начало: «колосок, воспрявший на груди еще молодой матери-земли», земля «дышит спелостью трав и лесов». Кормит она человека, «будто слобный каравай, вынутый из русской печи». Все описания пронизаны авторским трепетом и благоговением.

Сюжеты миниатюр либо пережиты Астафьевым, либо хотя бы прочувствованы и переосмыслены им. Поэтому субъективное преобладает в повествовании над объективным, что сближает «Затеси» с философской лирикой.

Корни лирики Астафьева, по его собственному признанию, лежат в литературе XIX века. После сравнительного анализа мы нашли много общего в лирической прозе Астафьева и Тургенева. Лирические герои Тургенева и Астафьева выражают собственные мысли и чувства с помощью внутреннего монолога с элементами самоанализа, то есть герои наблюдают за рождением собственных мыслей и чувств, их жизнью и развитием, воплощением в реальность и исчезновением. Значит, центром лирической прозы является жизнь сознания героя. Для лирических циклов Астафьева и Тургенева характерна исповедальность, но астафьевскую лирику отличает крайний автобиографизм, то есть прямое или косвенное описание жизни автора, и смысловая насыщенность.

Итак, «Затеси» — сложный жанровый сплав, в котором отражается лирическое восприятие мира, осязаемы лирические интонации, но по сути своей это философское обобщение на основе многочисленных бытовых ситуаций, поступков, пейзажных наблюдений, ситуативных ассоциаций, облеченное в форму лирического дневника.

Сложный жанровый сплав лирико-философской миниатюры потребовал от писателя и особой композиции.

С помощью антитезы в композиционной и пространственно-временной организации текста Астафьев показывает бренность, быстротечность человеческой жизни, когда в суете утрачивается истина бытия.

В качестве композиционного приема, на наш взгляд, можно рассматривать авторскую декларативность (открытая позиция) или урок-мораль, высказанный в аллегорической форме.

Цельность создается и цикличным построением всего произведения. «Затеси» разделены на восемь циклов, которые именуются «тетрадами». Это определение может подчеркивать как рабочее состояние произведения, так и предельную откровенность, дневниковую исповедальность. Сами названия «тетрадей» образуют композиционно-смысловое единство: «Падение листа», «Видение», «Вздых», «Игра», «Древнее, вечное», «Последняя народная симфония», «Рукою согретый хлеб», «Благоговение».

Лейтмотивом произведения, связующим отдельные композиционные ступени, является тема памяти. Память по Астафьеву — это очень важная категория, основа человеческого бытия. Она связывает прошлое, настоящее и будущее. Прошлое для Астафьева — это «босоное детство», молодость; настоящее — «себя поедающий», во многом изменившийся, ставший жестоким мир. В будущее Виктор Петрович смотрит с сомнением: «Неужели вам мало места, люди? Неужели ради огородного участка нужно сносить леса, горы, всю святую красоту? Так ведь незаметно и себя под корень снесем».

Система образов расширяется за счет одушевления природных объектов. Такие природные объекты, как небо, солнце, земля, звезды, река, травы, также знаки вечного. Они одушевлены, оживают в метафорических аналогиях: «небо зажмурилось», «умытый и довольный лик солнца», цветы «с желтыми зрачками», «пушистый хвост молнии». По характеру аналогий природа взята автором в моменты естественного самопроявления и показана в абсолютной неотделимости от человеческого.

В пейзажных зарисовках Астафьев предстает настоящим художником, мастером слова, прекрасно чувствующим состояние родной природы и создающим многоцветные ее картины, запечатлевшие все времена года и суток. Именно в природном проявляется человек. Поэтому Астафьев видит человека через природу, а природу — через человека. Человеческая жизнь, включающая молодость, зрелость, мудрость, — это тот же круг, который приводится в движение временем: «...еще один кем-то означенный круг жизни, который совершаем мы вместе с нашей землей, с этими горами, лесами...» («Падение листа»). Цикличность природного «круга» и человеческой жизни подчеркнута цикличной композицией, которая заключается в соответственной организации отдельных миниатюр и произведения в целом.

Особое внимание ко взаимосвязи и взаимообусловленности человеческого и природного — это проявление мифологического сознания, сформированного в писателе временем и народной культурой.

В ткань повествования органично вплетаются как воплощение народной мудрости такие фольклорные жанры, как легенды, обычаи, песни, пословицы. К примеру, рассказчик вспоминает известную легенду, услышанную еще в детстве, — о том, что «если найти цвет папоротника и взять в руку — станешь невидимкой». И, глядя на зеленые «звезды папоротника», запорошенные первым сне-

гом, он верит этому, как верит всему, «что связано с лесом». Так иногда в зрелом, опытным человеке открывается непосредственность детского взгляда на мир, восторженного и доверчивого.

Виктор Петрович Астафьев, родившийся в деревне и знакомый с крестьянским бытом, прекрасно знает народную культуру, является носителем народной мудрости. Эта мудрость выражается в многочисленных пословицах и присказках: «по указке жить — скотом быть», «и клев тебе на уду», «допахались до тюки, нет ни хлеба, ни муки», «голосок — как в одном месте волосок», «неправый суд всегда скорый». Используется диалектная лексика (падера, приснопамятный, заторосить), сниженная лексика (рыло немытое, херить, сдохни, историческая вонь), встречается мат. Фольклорными являются и сказочный зачин «жили-были» («Счастье» — миниатюра, посвященная киноактрисе Е. А. Тяпкиной), и наделение животных человеческой речью («Сороки-охотницы»).

Все эти фольклорные элементы и языковые средства отражают сказовую манеру повествования в «Затесях», ориентированную на воспроизведение народной речи.

Для определения своего жанра автор использует сибирский диалект. Так, с одной стороны, Астафьев показывает стилевую направленность цикла, связь лиро-эпического начала с фольклором. А с другой стороны, сибирский диалект является смысловой и эмоциональной доминантой содержания, ключом к интерпретации всего цикла. «Затеси», буквально, это метки на деревьях в тайге, сделанные охотником или первопроходцем для запоминания пройденного пути. В переносном же значении «затеси» — «зарубки памяти», шаги по нелегкому жизненному пути. Значит, «затесь» — это ориентир на нелегком жизненном пути, который, по замыслу автора, не даст «сбиться с верной дороги» и поступить вопреки законам нравственности.

«Затеси» — самоценное художественное произведение, которому Виктор Петрович Астафьев посвятил большую часть своего писательского времени. Жанр «Затесей» можно назвать основным жанром астафьевской прозы, который наиболее полно раскрыл бесспорный талант писателя, позволил говорить о философской направленности его прозы последних лет.

«Затеси» открыли нам Астафьева-философа, показали новую грань его таланта, стали выражением представлений писателя о жизни, а для читателей — ориентирами на жизненном пути, подсказанными самим автором, который умело управляет читатель-

ской мыслью, ведет ее по композиционным ступеням. В связи с этим рассмотренная структура произведения оказалась очень важна: отдельно взятая миниатюра не позволяет определить философскую направленность всего цикла.

Творческое кредо писателя можно обозначить следующим образом. Он всегда хотел писать так, «чтобы написанное и не чувствовалось вовсе, а душа читателя таяла, знобило бы кожу, и от восторга, от любви захотелось бы ему перещеловать каждое деревце в лесу, каждый лист, каждую хвоинку, и был бы он счастлив тем, что есть мир прекрасный вокруг него, и он в этом мире есть, сопричастный всему великому и живому, и понял бы он, человек, что назначение его на земле — творить добро».

(Печатается в сокращении)

Источники и литература:

Астафьев В. П. Печальный детектив: Избранное. — М., 2004.

Галина Попова

«Связистка» В. П. Астафьева в современном прочтении

Рассказ Виктора Петровича Астафьева «Связистка» был опубликован в 2001 году в журнале «Новый мир». Он привлек внимание читателей особым подходом В. П. Астафьева к теме Великой Отечественной войны, лаконизмом, особой авторской мудростью, базирующейся на опыте воина и писателя.

Жанр рассказа, подразумевающий малую эпическую форму, малый объем текста, небольшое число действующих героев, единство художественного события, позволяет показать эпизод из военной службы главного героя Феди Скворцова, как называет его автор, размышляющий в рассказе «Связистка» над тем, что значат на войне для людей любовь и смерть — две основы человеческого бытия.

Творческий метод, в котором работает В. П. Астафьев, называется «жестоким реализмом». Он предполагает обнаженное, правдивое изображение действительности, элементы натуралистичности, публицистичность. Писатели, использующие этот метод, видели очистительную силу жестокой правды. Их правда была лишена пафоса, они пытались освободиться от идеологических

штампов. С исчезновением пафосности исчез и жесткий «регламент тем» (например, тема армии), повысился интерес к бытовым взаимоотношениям. Иногда это обнажение бытовой детали до состояния шока, использование разнохарактерной лексики не только в речи героев, но и в авторских отступлениях.

Близость автора-повествователя к своим героям в рассказе «Связистка» проявляется в использовании разговорно-бытовой лексики («порскали горящим порохом артиллерийские гильзы», «ватной затычкой белелся снег», «еще и единой картошки не облупили»), а монолог героя служит средством его характеристики («Оно, конечно, на войне береженого Бог бережет, а разинь смерть пасет, но все же уж и в хате за ветром посидеть охота»).

При этом можно выделить три плана повествования.

Во-первых, реалистический. В рассказе В. П. Астафьева вся панорама трагической советской истории рассматривается сквозь судьбу человека. Большое внимание в повести уделяется военному быту. Для писателя бытие слито с бытом, разделить их нельзя, невозможно («Он видел, как шла очередь по мосту... Если на пути пуль встречались скобы, гвозди, костыли и всякое крестьянину доступное железо, которым он постепенно облепляет старый мост, починяя и укрепляя его каждую весну, видел Федя, как из трупов, давно здесь покоящихся, выбивало серое лоскутье и что-то багрово-белое, мясо, должно быть, и косточки человечьи»).

Подробное описание быта помогает читателю окунуться в обстановку военных лет. «Картошка выкипела и уже начинала пригорать к стенкам чугуна. Высыпали ее на стол, размяли прикладом карабина крупную соль и только собрались поесть, еще и единой картошки не облупили, как на полу взнялся телефонист, широко зевая, с претензией, чего, мол, не будите...»

Еще одним приемом, воспроизводящим военную действительность во всей неприкрытой правдивости, является обильная детализация: «Топили печь, сделанную из каменных плит вроде каминна, ящиками из-под снарядов, ход сообщения под стенку и сразу к стереотрубе завесили плащ-палаткой...»

Известно, что немецкая техника в период Великой Отечественной войны во много раз превосходила советскую. И об этом, не скрывая правды, говорит В. П. Астафьев в своем рассказе: «А пулемет у немцев не наше горе, не таратайка на колесах, со времен кинофильма «Чапаев» прославленная. У немцев пулемет на сошках, стволище в оглоблю, в ленте пятьсот патронов, и он как врежет

очередь, так уж очередь получается, а не бабий пердеж врассыпаловку, что выдает прославленный «Максим» иль «Дегтярев» с диском в пятьдесят патронов. Из них, из наших пулеметов, хорошо стреляют — врага что траву косят — только в кино. <...> У немцев провод давно уж в прочной оболочке, непромокаемой и жесткой, по нему слышимость что надо, а наш в сырости быстро вянет, промокает...»

Во-вторых, мы можем выявить символический план. Рассмотрим название произведения с точки зрения реально происходящих событий. Связистка — это девушка-военнослужащая войск связи. Но только ли это имел в виду автор? Вика Синицына, связистка, не является главным действующим лицом рассказа, она запечатлена одномоментно. Мы не видим девушку совершающей подвиги, она лишь пытается сделать работу, которую исполняет, по всей видимости, ежедневно, находясь на линии фронта. За этой опасной работой и настигает ее пуля. Умений, физических сил у девушки явно недостаточно для выполнения этого трудного задания. Астафьев описывает ситуацию следующим образом: «Федя свернул в сторону и сразу увяз в сугробе, но мужик же, воин же, быстро он выбил себя из снега, взял у девушки концы провода, потянул, крикнул: «Помогай!», и вдвоем они чуть даже стянули провода, но не соединили, и тогда Скворцов еще глубже попер в сугроб, рванул колющую проволоку с забора и стал ее ломать».

Возникает вопрос: насколько оправданно участие женщины в боевых действиях? Вероятно, понятия «женщина» и «война» несовместимы, потому что другое назначение есть у женщины — рожать детей, продолжать род человеческий. Следовательно, гуманистическую позицию автора проследить несложно. Тем более что через много лет бывший связист Федя Скворцов будет думать о ранении Вики в живот как о неприятной обыденности: «...рана у Вики широкая, но не очень опасная, сброснуло вместе с мясом кожу с ребер, задело живот, так вот, как она, бедная женщина, будет таить такие шрамы от жениха, не поморгует ли он, не отвернется ли, не обидит ли бедную женщину с таким красивым именем». Итак, не подвиг женщины на войне интересует писателя, хотя в заглавие вынесено понятие не «связист», а «связистка». Несмотря на то что речь идет о житье-бытье Феде, его послевоенных годах и именно Федя является главным героем произведения, он по мнению автора, не заслуживает этой чести. Главный герой не проявляет своей героической сущности. Более того, он

мелочно предусмотрителен. Но Вика тоже не героиня. Почему же автор выбирает название «Связистка»? Что же она связывает? Такая постановка вопроса позволяет нам предположить, что В. П. Астафьев говорит в общем о назначении женщины как связующем звене между настоящим и будущим, между жизнью и смертью. Казалось бы, рассказ вполне идиллически заканчивается: связист Федя проходит дорогами войны и возвращается домой, обзаводится семьей, работает. Как мы узнаем, Вика тоже жива. Но читателя охватывает пронзительное раздумье о том, сколько же связей было нарушено, прервано, скольких несостоявшихся жизней стоила война. Гуманистически звучащая тема женщины на войне разрастается до философских раздумий о жизни и смерти, о бесчеловечности войн, о человеке в экстремальной ситуации (последнее очень важно). Символический план перерастает в философский.

В рассказе поставлены нравственные проблемы. До самых последних строк автор не раскрывает причин тревоги связиста Скворцова за судьбу девушки. Заинтригованный читатель недоуменно вопрошает: был ли Скворцов влюблен в Виду или просто его волнует судьба девушки, с которой он столкнулся на войне, как человека равнодушного? А оказывается, его мучает совесть, да и не то чтобы мучает, а просто свербит душа, что он чуть было не стал причиной гибели девушки. До конца он этого не осознает, потому что сознание его задавлено шаблонными образами, ограничено узаконенной моралью. Он воспринимает мир в рамках тех штампов, шаблонов, которые предлагают ему СМИ, которые пропагандирует, тиражирует государственная машина. Одна из установок — «командир — отец родной»: «...всех раненых сопроводить, в целости доставить. — И подал руку Феде: — Ну, Скворцов, прощай, хорошим ты связистом и помощником был. — Когда Федя заплакал: — Не маленький, и не из рая, а из ада выбываешь, — уходя, прикрыл палатку, чтобы раненому не дуло». В действительности Астафьев говорит о командире грубее и правдивее: «Сержант Рязов, конечно, героический, но, как уже говорилось, очень беспокойный, и никому от него покоя нету. Вот гоняет и гоняет по линии солдат, а чего гоняет? Порыва же нету». И эта оценка, несущая в себе элемент дидактики, заставляет читателя по-иному взглянуть на рассказ, заставляет задуматься не только о морально-этических нормах, но и о взаимодействии личности и государства. Невольно встают вопросы: под влияни-

ем чего или кого нивелируется личность? в чем воспитательная роль общества? как можно сохранить себя человеком в экстремальных условиях? Они, эти вопросы, были, очевидно, запрограммированы автором. Если мы вернемся к началу рассказа, то переосмыслим вступительную фразу: «Никакое большое военное сражение не утихает разом. От него, словно от свалившейся в омут булыжины, еще долго расходятся по сторонам волны». Рассказ был, по нашему мнению, ориентирован на рефлексию читателя (размышляя о герое, размышляем о себе).

Композиция рассказа движется от общего к частному и снова к общему. Ретроспекция помогает оценить события и сделать их вневременными, злободневными. Многие образы начинают восприниматься как символы: булыжина, омут; даже «птичьи» фамилии героев (Скворцов, Синицына) напоминают нам о «птицах божьих». В соединении с жестокими реалиями военного быта, авторскими замечаниями они помогают читателю находить точку опоры, возвращают к осознанию важности поступка в определенный момент — ведь «дорого яичко во Христов день».

Юлия Спирина

Тема деревни в современной литературе (по произведениям В. Распутина и В. Астафьева)

Тема деревни в современной литературе — одна из важнейших. В. Белов заметил, что «деревенская тема общенациональна». Крестьянство — это особый мир, со своим укладом, культурой, представлениями о цели и ценности человеческой жизни. Писатели, обратившие свой взгляд к родной деревне, открывают в ней те нравственные ценности, которые начинают осознаваться лишь в результате утраты. «Деревенская проза» наполнена чувством любви к отчизне. Это проза, размышляющая не только о судьбе деревни, но и о судьбе родной страны.

Война была трагическим испытанием для всех, а для села, в котором остались женщины, инвалиды, старики и дети, — особенно. Фашистские оккупанты «стирали с лица земли» русские деревни, но те выдержали. Однако трудности их на этом не закончились.

В тяжелые послевоенные годы многие из города уходили в деревню и там «пускали свои корни», но длилось это недолго. Развитие деревни снова прекратилось. Квалифицированных кадров не хватало, техника старая — и молодежь вновь начала уезжать в город за «длинным рублем».

Нередко жизнь деревни обрывалась из-за строительства какого-либо важного объекта. Деревенских жителей срывали с обжитых мест, где они родились, где умерли их родители. Так случилось с деревней Матерой в повести Валентина Распутина «Прощание с Матерой» (1976).

«Прощание с Матерой» — это история исчезновения с лица земли маленького, но дорогого угла, история затопления острова. Действие происходит на острове Матера, так же называлась и деревушка. Много десятков, а может, и сотен лет жила эта деревушка. Люди рождались, работали, умирали на этой земле, пуская в нее свои корни. Деревня жила тихо, спокойно, и ничто, казалось, не мешало ей продолжать свое размеренное существование.

Но вот однажды грянул слух, что дальше деревне не жить. Ниже по Ангаре строят электростанцию, вода поднимается, многие деревни затопит, в том числе и Матеру. Придется переезжать. Но очень было трудно людям поверить в это. Шли дни, месяцы. И вот теперь оставалось последнее лето на родной земле: осенью поднимется вода. Часто Дарья собирает в своей избе чаепитие. Много приходит народу — кто постарше ее, кто помоложе. Они пьют чай, разговаривают на разные темы, в последнее время все больше о переезде.

В. Распутин показывает не просто гибель деревни, но исчезновение еще одного очага многовековой народной культуры и нравственности. Совесть, конечно, у нынешней молодежи есть, но не всегда она о ней помнит. «Раньше ее видать было, — размышляет Дарья, — то ли есть она, то ли нету. Кто с ей, кто без ее — бессовестный. Теперь холера разберет, все в одну кучу — что то, что другое. Поминают ее без пути на каждом слове, места на ней живого не осталось. Навроде и владеть ей неспособно».

Часто Дарья задается вопросом: «Почему уезжают люди из деревни?» Трое внуков у нее. Один женился на нерусской и поехал посмотреть, как живут на Кавказе, да там и остался, «соблазнившись теплым житьем». Средний, гораздый на грамоту, учился в Иркутске, но не было надежды на то, что он вернется

на родную землю. И младший Андрей, придя из армии и пожив немного, тоже уехал. Сначала думалось, что в городе заработки выше. Оказалось, нет. Другая есть у молодежи причина. Привлекает ее городской образ жизни, предоставляемая городом свобода в выборе жизненного пути, неопределенность судьбы. В. Распутин в своей повести делит людей на «своих», живущих на острове, и «чужих», городских, пришедших с чужой земли, не понимающих духа и бед Матеры.

Высокой поэзией наполнены сцены прощания старухи Дарьи с могилами близких. Она кланяется могильным холмикам: «Она прикрыла глаза, чтоб не видеть ни дыма, ни разоренных могил... тихонько объявила: — Это я, тятка, я это, мамка... Совсем ослобонилась. Помирать можно. Не могу я к вам, ниче не выйдет. И вас с собой взять, но... кто мне такое простит?» Дарье все время кажется, будто откуда-то из-за спины доносятся звуки, словно спрашивают: «А избу ты нашу прибрала?» И Дарья отвечает: «Приберу, приберу». И правда, после она обряжает избу будто покойника: белит, моет, вешает чистые занавески, топит печь, убирает углы ветками пихты, молится, прощаясь. Дарья — воплощение совести, хранительница нравственности. Она хочет забрать могилки на новое место, хочет спасти не только могилы, но и саму совесть. Для нее память предков является святой.

Картины природы всегда сопровождают какие-либо события. В. Распутин, показывая неразрывную связь человека с природой, вводит образ хозяина острова — духа, домового Матеры, который каждый день обходит деревню из конца в конец и по окончании обхода поворачивает к высокому голому берегу Ангары. Ощущение потусторонности усиливает образ тумана, в котором скрывается остров: «Кругом были только вода и туман».

Прощание с Матерой — прощание с домом. А память человеческая связана с местом, где ты родился, где твой дом и где похоронены твои предки. Проходя по тому месту, где стоял твой дом когда-то, ты ощутишь боль утраты. Материнцев лишили памяти об их доме, но молодежь обязательно вспомнит о своем родном доме. Тоска по Матере не умрет с последним ее жителем, она передастся следующим поколениям. Эта повесть ставит вопрос о наших корнях, нашем прошлом и будущем. На примере Матеры А. Распутин показал судьбы многих деревень. Таким образом, автор тревожится не только за судьбу сибирской деревни, но и за судьбу всей страны, беспокоится об утрате традиций, памяти.

В заглавии произведения — символ. Матера — это и деревня, и остров, на котором она стоит, и образ матери-земли.

Леонид Сошнин, главный герой романа В. Астафьева «Печальный детектив», — оперативный работник милиции в маленьком городке. Повествование начинается с тягостного для Сошнина периода. После ранения он, сорокалетний мужчина, вынужден уйти на пенсию, ссора с женой лишает его семьи. Горькое одиночество предельно обострено раздумьями о неразумном поведении окружающих людей. Пристально вглядываясь в поведение своих земляков, Сошнин ведет своеобразную летопись «родного угла». В ней много страшных лиц и событий. Писатель спрашивает: до каких пор все мы вместе и каждый в отдельности будем терпеть бюрократическое бездушие, хамство, хулиганство, безнаказанность преступлений, одиночество стариков в обезлюдевших деревнях?

По мнению Меркеля Чашина, тестя Сошнина, «нашей державе честные трудовые люди нужны», чтобы поднять деревню, которую «проорали пустобрехи», подобные его жене Евстолии Чашиной. В селах близ Вейска есть настоящие работники. Это сам Чашин, знаток «рукомесел», носитель народной мудрости и нравственности. Это Паша Силакова, ставшая впоследствии боевым «механизатором широкого профиля».

В неустойчивой, разлагающей людей обстановке и таится источник преступлений. Они возникают от пьянства, паразитизма, от безразличия к себе и друг другу. Свободно, безнаказанно гуляют «химики» и бродяги в заброшенных, «обезмужичевших» деревнях. Вот такая она, жизнь, суровая и сложная, в деревне, где все «доживаем».

В произведениях В. Распутина «Прощание с Матерой» и В. Астафьева «Печальный детектив» поднимаются проблемы современной деревни. Подчеркивая художественное своеобразие этих произведений, можно отметить общий для них публицистический накал повествования, слияние авторского восприятия и оценки бытия с восприятием и оценкой главных героев.

Горькие, но справедливые слова можно цитировать из этих произведений, которые призывают проникнуть в суть современной деревни. Возможно, этот «крик» писателей заставил обратить внимание на судьбу деревень. В настоящее время идет восстановление, хотя о прежней красоте говорить не приходится. Но все же малые сдвиги есть: земли сдаются в аренду, организованы семейные подряды.

(Печатается в сокращении)

Источники и литература:

Современная советская литература. — М.: Просвещение, 1987.

Астафьев В. П. Печальный детектив: Роман, рассказы, новеллы, очерки. — Л.: Лениздат, 1989.

Распутин В. Г. Собрание сочинений: В 2 томах. — Калининград: ФГУИПП «Янтар. сказ», 2001.

Анастасия Лыжак
Юлия Плешкова

Роль школы и учителя в жизни села и деревенских ребятишек в произведениях В. П. Астафьева и Б. П. Екимова

В основе повести «Последний поклон» — поэтическое свидетельство В. Астафьева о детстве своего поколения, о собственном детстве деревенского сироты 1924 года рождения, подростка голодных военных лет, закончившего свое отрочество на фронтах Великой Отечественной. В этом произведении время увидено детскими глазами, а образы выступают так ярко и точно благодаря бескорыстной и неподкупной детской памяти.

Глава из повести «Фотография, на которой меня нет» рисует жизнь и события далеких 1930-х годов. Позднее эта глава вошла в сборник «Конь с розовой гривой» (1972).

С особой теплотой звучит в этом произведении тема школы и деревенского учительства. Автор мастерски воссоздает образы сельских учителей, мужа и жены. Используя детские впечатления, автор рисует неброский портрет учителя: «Лицо было бледновато, волосы зачесаны назад, немного печальные, оттого необыкновенно добрые глаза. Было ему 25 лет». Пусть неяркая внешность учителей не бросается в глаза, но их богатый духовный мир, образованность значительно выделяют их из общей массы крестьянства.

Учителю присущи лучшие нравственные качества: доброта, отзывчивость, ответственность и самопожертвование. Особенно поразил учеников случай со змеей. Учитель, впервые увидевший

змею, самоотверженно борется с ней, ограждая от опасности своих подопечных. Ирония ситуации состоит в том, что деревенские мальчишки давно знают повадки змей и умеют от них обороняться, но это еще больше возвеличивает поступок учителя, который не задумываясь жертвует своей жизнью ради спасения детей.

Учителя — люди, которые оказывают посильную помощь односельчанам: пишут письма, телеграммы, составляют деловые бумаги, разбирают небольшие конфликты. Они любят свою профессию, гордятся ею и всю жизнь отдают служению народу, его просвещению. Учитель и учительница облагородили деревенскую школу, которая досталась им совершенно запущенной: «...находилась в старом деревенском доме с угарными печами. Парт не было, скамеек не было, учебников, тетрадей, карандашей тоже не было».

Бескорыстие и доброта учителей завоевали безмерное уважение жителей села. Женщины помогали, как могли, ребенку, который болел и все ночи ревел не переставая. В знак благодарности кто-то привез дров, сухих, коротких, как раз для растопки печи. Бабушка Вити, конечно, знает, кто свалил учителю дрова: «И всему селу это известно. Один учитель не знает и никогда не узнает». Жители села тайком подшивали учителю прохудившиеся валенки, оставляли в учительском доме нехитрые деревенские продукты: молоко, сметану, ягоды.

Учитель и учительница облегчили и улучшили жизнь деревенского народа. Они стали самыми почетными гостями на селе: их встречали и потчевали как самых дорогих людей, на стол выставлялось самое лучшее угощение. Кроме того, воображение жителей села поражали манеры педагогов, культура обхождения. «И не поел-то ничего. И чаю два стакана токо выпил. Вот какой культурный человек! Вот че грамота делает!» — так восхищалась учителем Екатерина Петровна, бабушка главного героя.

Авторитет школы, ее роль на селе во многом зависят от личных качеств, нравственности учителей, работающих в ней. Так считает и сам В. Астафьев, вкладывая собственные мысли в уста своего героя: «И каждый человек, мечтающий стать учителем, пусть доживет до такой почести, как наши учителя, чтоб раствориться в памяти народа, с которым и для которого они жили, чтоб сделаться частицей его и навечно остаться в сердце даже таких нерадивых и непослушных людей, как я и Санька».

В современной литературе к теме школы и учителя обращается в своем рассказе «Фетисыч» Борис Екимов. Этот рассказ

назван «одним из вершинных завоеваний малой прозы XX века». В нем автор раскрывает драму смены исторических эпох, «катастрофического слома СССР — России». Он описывает время, когда одни люди оказались на вершине процветания, а другие — в пропасти бесправия, нищеты. В его рассказах мы видим слом бывшего деревенского уклада, разрушение человеческих связей, гибель деревни.

В рассказе «Фетисыч» таким изображен безымянный хутор, где живет главный герой Яков, которого все здесь называют Фетисычем: «Весь хутор словно на ладони: серые нахохленные дома, сарай, базы, высокие сenniки, просторные огороды. И тихо было на хуторе, пустынно: ни людей, ни машин. Одно дело — зябкая осень; другое — работы нет». В деревне мрачно. Плохая погода только подчеркивает неуютность, неустроенность хуторской жизни. Колхоз развалился, из огромного раньше хозяйства остался неполный гурт коров. Людей на улицах не встретишь: все сидят в своих домах, как в норах. Жители стремятся уехать из хутора, найти лучшее, прибыльное место. Те, кто остался, чувствуют свою незащищенность, понимают, что они оказались выброшенными на обочину жизни, а мир, окружающий их, основан на злобе, ненависти, насилии и обмане. И самое печальное то, что люди обречены на одиночество.

Особняком стоит хуторская школа: «У школьного крыльца... корыто с водой и большой сибирьковый веник, чтобы сапоги отмывать». В школе тепло и уютно: «Две комнаты с общей печкой были хорошо натоплены, в классе зеленели горшки с цветами, пестрели на стенах рисунки, аппликации да вышивки — детское рукоделье. Три светлых окна глядели на хуторскую улицу». Автор использует прием контраста, противопоставляя здание школы «казенным домам». В отличие от них школа глядит на мир светлыми окнами.

Школа занимает центральное место в рассказе. Она является символом дома для детей. Здесь они получают теплоту и любовь — то, чего не хватает им в семье. Даже бригадир, немногословный, угрюмый человек, который и на людей не смотрел, потому что они от него требовали то работы, то денег («Ходит — рога в землю, ни на кого не глядит» — так отзывались о нем односельчане), «глядя на ребятишек, на кипенно-белые банты в косичках крохотной Маринки Башелуковой... как-то оттаивал, теплело на сердце».

Школа была единственным дорогим и любимым местом для крестьянских детей, особенно для Якова. Он всегда радовался, идя в школу. Он бежал от плохой, неустроенной жизни: от постоянно раздраженной матери и вечно пьяного, недовольного отца. На примере семьи Фетисыча с большим мастерством показано разрушение привычных человеческих связей, когда нормой в семье были теплые отношения, атмосфера любви и взаимопонимания. Утешение мальчишка всегда находил в школе. «А у Фетисыча уроки были сделаны, можно в школу отправляться. Хоть и рановато, но веселее там». Не только Фетисыч стремился в школу, но и другие деревенские ребята, потому что в школе все помогали друг другу, старшие дети заботились о малышах, а в большую перемену все вместе обедали за учительским столом. «Домовитая Марина Капустина, словно добрая мамка, всем поровну делит: «Тебе — блин, тебе — блин, тебе — блин, тебе — сладкий пирожок, тебе пышку с каймаком. Ты же каймак любишь».

Учила детей одна учительница — Мария Петровна. Именно она создала в школе теплую, милую атмосферу, так что возвращаться в школу хотелось снова и снова. Может быть, именно учительница воспитала в детях доброту и любовь. Фетисыча Мария Петровна назначила старостой класса. Он старался и даже пытался подражать ей. «День пропал, его не вернешь», — повторял он слова учительницы. И когда старая учительница умерла, Яков почувствовал ответственность за учеников, и хотя строго обращался с ними, но все равно любил. Автор умышленно не рисует образа учительницы, ее личность будто отражается в поступках, словах школьников.

Автор ставит своего героя Фетисыча в ситуацию нравственного выбора. Якову предложили учиться в другой, большой школе на хуторе. Он мечтал получить хорошее образование, стать большим, сильным человеком. Но Фетисыч думал в первую очередь о ребятах, а не о себе. Без него, как он считал, школа пропадет. «Тогда все кончится, рухнет. Не будет уроков, повесят замок, цветы померзнут. А через неделю — это Яков знал точно — школу разгромят». И он вернулся на хутор и продолжил вести занятия в школе до тех пор, пока не найдут другую учительницу. Можно надеяться, что хутор будет жив, пока в нем живет такой мальчик, как Фетисыч, по-взрослому рассудительный, могущий взять на себя ответственность за происходящее.

Школа играет важную роль в жизни села. Она является своеобразным центром его культурной жизни. И пока существует школа, существует и село.

Источники и литература:

Астафьев В. П. Последний поклон: Повесть. Рассказы. — Л.: Лениздат, 1972.

Екимов Б. П. Фетисыч // Новый мир. 1996. № 2.

Сердюченко В. Русская проза на рубеже третьего тысячелетия. // Вопросы литературы. 2000. № 4.

Бурдин В. И. Рассказ «Ралли» Б. Екимова. Прощание с деревенской прозой // Современная русская литература: Проблемы изучения и преподавания: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. Пермский государственный педагогический университет. 2—4 марта 2005 г. Часть 2. — Пермь: Изд-во ПГПУ, 2005.

Мария Макарова

Да не порвется нить поколений... Раздумья о роли стариков в воспитании подростающего поколения

По детям и старикам определяют нравственное состояние общества и благосостояние государства. В этом определении взяты два полярных возраста человека, но оба беспомощны в мире без поддержки. И не только незащищенностью «родственны» — дети и старики неделимы как единое целое. Старики — это мудрость, безграничная доброта, всепрощение. Испокон веков дедушки и бабушки воспитывали подрастающее поколение, дарили нежность и учили внуков великой науке — быть людьми. Пестование стариками детей было неписаным законом. Не поэтому ли не было «ничьих» детей даже в тяжелые военные годы?

В наше же время количество беспризорных детей растет с ужасающей быстротой. А сколько детей в Домах детства при живых родителях?! Почему так происходит и что с этим делать? Где выход из этой тупиковой ситуации?

На государственном уровне делается многое: вводятся уроки нравственности с упором на духовное, религиозное воспита-

ние, уроки граждановедения, чтобы подрастающее поколение было патриотичным и нравственно здоровым. А что если попытаться восстановить связь поколений? Снова старики будут со своими внуками ходить в церковь, объяснять по-своему великие таинства, читать сказки, петь колыбельные, прощать и любить своих сорванцов, передавать им мудрость жизни. Но этому в наше время нужно учиться. Где? Ведь нет университетов дедушек и бабушек.

Я думаю, что в этом может помочь литература, конкретные произведения литературы, в которых созданы незабываемые образы великих бабушек, как будто сошедшие на страницы из жизни. Вот такой образ есть в произведении В. П. Астафьева «Последний поклон». Это Катерина Петровна: «...бабушка моя, казавшаяся мне всегда обыкновенной бабушкой, — очень уважаемый человек... О жалостном она говорила лишь сначала, как бы для запева, потом рассказывала о разных случаях из своей большой жизни. Выходило по ее рассказам так, что радостей в ее жизни было куда больше, чем невзгод. Она не забывала о них и умела замечать их в простой своей и нелегкой жизни».

Так ненавязчиво, не стремясь морализировать, бабушка Катерина Петровна учила внука и окружающих людей жить: быть стойкими перед жизненными трудностями, сохранять в душе лучшие человеческие качества. Поэтому и ответная реакция рождается в душе внука, именно в душе: «...и такая волна любви к родному и до стога близкому человеку накатывала на меня, что я тыкался лицом в ее рыхлую грудь и зарывался носом в теплую, бабушкой пахнущую рубашку. В этом порыве моем была благодарность ей за то, что она живая осталась, что мы оба есть на свете и все-все вокруг нас живое и доброе». От любви к конкретному человеку нежность переходит на все живое. Не в этом ли «лекарство» для общества?

«Бабушка моя была мастерица, она шила, умела стричь, ходить за скотиной, содержать дом, стряпать на большие праздники для всей деревни пироги и хлеба. Бабушка умела все». Это уже не из произведения В. П. Астафьева. Это из воспоминаний моей знакомой учительницы. Ее, так же как и героя книги «Последний поклон», воспитывала бабушка. И опять В. П. Астафьев: «...семья, ведомая бабушкой, изворотливой в хозяйстве, предприимчивой в делах... Мужики — дедушка, Колька-младший и я — понимали, что с нею не пропадем, лишь бы не сдала

она, не свалилась». Думается, что жизненность образа Катерины Ивановны полюбится детям, они смогут лучше понимать своих бабушек и дедушек, будут ценить, может быть, редкие минуты общения.

Образ бабушки в литературе был всегда. Этот образ можно найти и в древнерусской литературе, и в литературе XX века. И всегда бабушки оставляли тихие, светлые воспоминания о себе в душах детей. Что помнят взрослые мамы и папы о своих бабушках? Кто-то помнит бабушкины «страшилки», кто-то колыбельные, кто-то запах свежееиспеченного хлеба. Но всегда воспоминания вызывают добрые, светлые чувства.

Книгу Астафьева «Последний поклон» можно назвать своеобразным учебным пособием для детей младшего и изрядного возраста. Думаю, что, прочитав ее, мамы и папы по-новому посмотрят на то, как они воспитывают своих чад. А современные бабушки и дедушки найдут в книге ответ на вечный вопрос, в чем же все-таки смысл человеческой жизни. Может, в том, чтобы открыть своим внукам мудрость бытия, согреть всепрошающей и бескорыстной любовью. На такую любовь, я думаю, способны только старики, потому что родители в своих детях видят часто только предмет воплощения своих желаний, не всегда задумываясь о душе ребенка. А старики любят просто так и своей нежностью учат внучат искусству терпимости и прощения, учат Жизни.

Образ Катерины Петровны Астафьев действительно писал сердцем, согретым воспоминаниями о близких ему стариках, которые его не только взрастили, но и научили быть человеком. Нить поколения не оборвалась, а протянулась, благодаря книге, к другим. «Последний поклон», по воспоминаниям В. П. Астафьева, «писался легко, быстро, радуя сердце». Может, поэтому образы и получились как будто с наших знакомых списанные.

Общество наше небезнадежно. Нить поколений восстановится, дети вновь смогут наполнить души светом мудрости своих бабушек и дедушек.

Источники и литература:

Астафьев В. П. Последний поклон: Повести. Рассказы. — Л.: Лениздат, 1982.

Надежда Кожухова

«Власть зла» в повести В. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана»

Девяностые годы XX века стали, по мнению критики, временем упадка деревенской прозы. С. Беляков в статье «Живи в России» пишет: «В новые времена «деревенщики» пришлось не ко двору. К новым условиям адаптировались плохо, новый образ жизни не приняли. Начисто отвергая либеральные реформы, ужасаясь нравственной деградации народа, они уже не столько боролись, сколько оплакивали судьбу людей, отсюда и тоскливая безнадежность поздних рассказов Валентина Распутина». Писатель Виктор Ерофеев и вовсе считает, что последняя четверть XX века в русской литературе определилась «властью зла». При этом он называет имена В. Астафьева и В. Распутина.

Я решила проверить эти утверждения на одном из последних произведений В. Распутина, одного из самых ярких представителей деревенской прозы, — повести «Дочь Ивана, мать Ивана». Мне были знакомы его «Последний срок», «Живи и помни», в которых автор учит размышлять, анализировать, задавать вопросы и отвечать на них. Вот поэтому я обратилась именно к творчеству Валентина Распутина. Это произведение, конечно, не оставило меня равнодушной, я долго была под впечатлением написанного и решила проследить «власть зла» в этой повести.

Новая повесть В. Г. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана» драматична по содержанию, сложна по проблематике и очень правдива. Она о сегодняшнем дне, о том «дурном времени», в котором все мы пребываем уже больше десяти лет. И каждая деталь, каждая черточка нашей городской повседневной жизни, перенесенная на страницы повести, до боли узнаваема. Повесть Распутина публицистична. Писатель ставит перед современниками много трудных вопросов. Среди них один из самых трудных — как жить, оставаясь человеком, в обществе, расколотом на два «разнящихся мира»: обманутых бедных и богатых, несправедливо наживших капиталы. Завязка сразу же вводит читателя в злой и нервный мир большого сибирского города середины 90-х годов XX века. В этом городе люди жили уже не производством, а торговлей, а честные люди спасались от окружающего бандитского мира за поставленными решетками.

У родителей пропала дочь. Поиски привели в милицию: выяснилось, что Светка была изнасилована жестоким и нервным торговцем с Кавказа. Вскоре мать Светы Тамара Ивановна, умная, энергичная и стойкая женщина, осознает, что при новом русском правопорядке насильник наверняка избежит законной кары. Тогда, дождавшись удобного случая, она убивает кавказца прямо в кабинете районного прокурора. Убивает «по-крестьянски», выстрелом из обреза.

Тамара Ивановна дана писателем крупно, словно в ней одной отразилась вся сила и осмысленного, и инстинктивного материнства, сохранившегося в сегодняшней русской женщине.

Делая главным героем женщину, Валентин Распутин тем самым показывает, что она — главная опора России, русской жизни, хранительница традиций, их защитница, последний оплот добра. Только женщина продолжает борьбу с торжествующим злом. И дело совсем не в том, что русская семья разложилась настолько, что «бабы мстят». Писатель, давший нашей литературе глубочайшей силы женские образы, обладает правильным взглядом на женщину: она — моральный адвокат жизни. Давая жизнь, она всегда будет защищать ее как высший дар в своих детях.

В. Распутин и написал повесть о том, что есть безусловное, в том числе добро и зло, существующие ради собственной ценности и правды. Он написал о безусловной и бескорыстной власти должного — материнской любви, родительском терпении, русской душевной чувствительности. И эта любовь всегда была, есть и будет для русского писателя важна как абсолютная ценность. И никакому формальному суду не вменить «превышение материнской любви» героине Распутина, как и почти каждому из героев повести — намерение оставаться человеком.

Автор не назвал свою повесть по имени главной героини — «Тамара Ивановна», но указал нам, что она дочь Ивана и мать Ивана. В этом смысл любой женской судьбы, огражденной силой отца и защищенной силой сына, «вписанной» в род. Два Ивана, дед и внук, — те крепкие границы женской судьбы, которые прочертили и смысл жизни Тамары Ивановны. От Ивана-старшего к Ивану-младшему пролегла родовая дорога этой семьи: четыре с половиной года тюремного исключения матери из жизни семьи не стали для нее убийственно горьки — напротив, заставили «заработать» высшие душевные силы.

Валентин Распутин обладает той классической писательской интуицией, которая давно открыта русской литературой и философией и названа учением о «внутреннем человеке». Но сегодня, как и сто лет назад, этой «высшей оригинальностью» — проникновением в «вечное начало души человеческой» — обладают очень немногие писатели. Между тем чутье на внутреннюю жизнь, «острое чувство живой жизни» в русском писателе нас как бы и не удивляет, а кому-то кажется и «устаревшим». Светкина судьба потому и сломалась, что идеальный человек в ней был растоптан. Но он же продолжает жить в других героях. Именно такая женственная женщина, как героиня Распутина, напомнила нам все эти годы хаоса, их зло, беды, утраты и обязанности перед «внутренним человеком», завешенным, как рекламная тумба, соблазнительными проектами по переустройству жизни. Женщина всегда была и остается сторонницей полного человека. И я не думаю, что эта повесть рассказывает нам о «власти зла», скорее, она посвящена поискам справедливости.

Источники и литература:

Беляков С. И. Живи в России // Урал. 2004. № 3.

Распутин В. Г. Дочь Ивана, мать Ивана // Современник. 2003. № 11.

Юлия Поздеева

Проблемы экологии в произведениях Валентина Распутина

Воспитание нового экологического мышления — это не только одна из важнейших задач современности. Это непереносимое условие физического выживания человечества. Вот почему формирование нового экологического мышления должно начинаться с осознания простой мысли: ничего хорошего не получится при потребительском отношении к окружающей среде. Циничное, грабительское отношение к ней прямоком ведет к снижению духовного и культурного потенциала, к искажению ноосферы, к стиранию различия между добром и злом и в конечном счете к гибели человечества. С. Залыгин сказал: «Когда-то природа решила: быть или не быть человеку. Теперь человек решает: быть или не быть природе».

С экологией справедливо связывают эпидемии, новые болезни, с которыми человечество не знает способов борьбы, природную и человеческую агрессивность, культурное и нравственное ослабление народов, голод и холод, неуверенность в завтрашнем дне. Приходится говорить именно о выживании, о том, быть или не быть человечеству и в каких условиях и формах быть. Экология в наше время не только образ действия и мыслей, но и образ жизни.

Я решила проследить, как решает проблемы экологии в повестях «Прощание с Матерой» и «Пожар» русский писатель В. Г. Распутин.

Главное, что отличает произведения Валентина Распутина от общего потока современной литературы, — это индивидуальность. Он в каждом своем произведении задается целью показать нам чью-то жизнь во всей ее полноте, когда роль играют и человеческая натура, и структура отношений в обществе, и подспудно сохранившиеся традиции. Каждая повесть В. Распутина собирает в себе целый узел тесно переплетенных между собою проблем, которые частью он решает сам, а частью оставляет для своего читателя.

Повесть «Прощание с Матерой» была написана в 1976 году. Матера — остров и деревня, носящие одно название, на реке Ангаре.

Автор показывает неразрывную связь человека с природой, как бы вторя тому, что в душе одной из героинь стоит, «четко и грозно темнея», одинокий «царский листвен»». «Матеру, и остров, и деревню, нельзя было представить без этой лиственницы на покотине... Но говорить об этом в деревне никто... не решался; нет, это был он, «царский листвен» — так вечно, могуче и властно стоял он на бугре в полверсте от деревни, заметный почти отовсюду и знаемый всеми». Было поверье, что как раз им, «царским лиственем», и крепится остров к речному дну, к одной общей земле, и пока будет стоять он, будет стоять и Матера.

Картины природы всегда сопровождаются в повести какими-либо событиями. В. Распутин, показывая неразрывную связь человека с природой, вводит образ Хозяина острова. Хозяин обходит каждый день Матеру и по окончании обхода поворачивает к высокому голому берегу над Ангарой. Он прощается с Матерой «тоскливым воем».

«Прощание с Матерой» — это сыновнее прощание с уходящим под воду уголком крестьянского мира. Автор описывает обидно суетное, буднично торопливое прощание живого с уходящим

в небытие. В этой повести звучит боль писателя за остров, за деревню, за разоренное кладбище, за старух и стариков, живших там все свои долгие годы, за сожженные леса и не поддающийся «царский лиственъ».

Проблемы экологии звучат и в другом произведении В. Распутина — «Пожар», которое можно считать своеобразным продолжением повести «Прощание с Матерой». Писатель показывает, что стало с новым поселком, куда переселились деревни, подобные Матере. Автор раскрывает все беды и недостатки общества, лишенного своих корней, традиций и нравов. В целом «Пожар» представляет собой художественно-публицистическую повесть, в которой В. Распутин глубоко размышляет о нашей жизни.

Он показывает «голые» улицы и палисадники. Люди не хотят пускать корни, хотя уже двадцать лет живут в поселке. Если раньше в своих деревнях они не могли представить свою жизнь без зелени на окнах и в палисадниках, то здесь все голо и пусто. Произведение построено на размышлениях героя Ивана Петровича. Если раньше герой надолго покидал свою Егоровку только в годы войны, то теперь навсегда покинул ее в годы мирные.

В своем произведении Распутин делит людей на «архаровцев» и «законников». Главным законником является Иван Петрович, который не однажды давал себе зарок — молчать, но его молчание длилось недолго. «Гражданин законник» — так называют его. Многие в поселке поддерживают Ивана Петровича, но только в душе, так как боятся подлой мести архаровцев.

Также автор отмечает, что в последнее время появился такой сорт людей, которые не живут, а отживают жизнь. Они безразличны ко всему, отбывают жизнь как наказание.

Очень хорошо в конце повести В. Распутин показал связь человека с природой. Например, в эпизоде, когда Иван Петрович идет по полю и замечает, как тихо, печально лежит в рыхлом снегу земля.

В повести «Пожар» показан пожар не только на орсовских складах, но и в человеческих душах. В. Распутин словно задает нам вопрос: «Где былая совесть, отношение к труду как к благородной обязанности, рачительность в хозяйствовании?» На их месте расцвели пьянство, воровство, разгильдяйство, отношение к природе как к бездонному колодезю.

Неоформленность и неуютность быта, полное отсутствие заботы о духовной пище людей и их будущем, никуда не годная и непродуманная организация труда и материального и морального поощрения за него, хищническое отношение к природе возвращают людей, у них возникает стремление к бездумной и легкой жизни. Отсутствие чувства хозяина собственного труда, напор потребительства, а следом и алкоголизма рушат народное самосознание, искажают его — вот о чем говорит, криком кричит «Пожар».

Проанализировав повести «Прощание с Матерой» и «Пожар», я пришла к выводу: описывая экологическую обстановку, В. Распутин предсказывает дальнейшие события и утверждает, что, губя природу, человек и себя губит, теряет человеческие качества. Поэтому и проблема экологии у писателя неразрывно связана с проблемой нравственности.

Произведения В. Распутина очень актуальны для нашего времени. Он призывает каждого из нас жить по совести, а значит, быть личностью духовной, поступки которой соотносились бы с вечным, передающимся из поколения в поколение представлением о назначении человека. Только от нас зависит, быть или не быть жизни на Земле, быть или не быть человечеству.

Источники и литература:

Распутин В. Г. Собрание сочинений: В 2 томах. — Калининград: ФГУИПП «Янтар. сказ», 2001.

В судьбе природы — наша судьба: Писатели об экологических проблемах. — М.: Художественная литература, 1999.

Ольга Пронина

Современная Россия глазами писателей

Россия... Великая страна, воспетая многими писателями и поэтами, одним из которых был М. Ю. Лермонтов. Лермонтовская любовь к родной земле — «странная», неоднозначная, порой мучительная, но всегда искренняя и горячая. Оглядываясь вокруг, Лермонтов хотел отыскать людей честных, мыслящих, бескорыстно преданных Родине, но обнаруживал лишь пустоту...

Оглянемся и мы, спустя много лет. Найдем ли таких людей? Нет. Таких людей почти не осталось. Безразличие, холод, злоба гуляют по улице, равнодушие давно стало частью нашего сердца. Безработица, пьянство, жадность и душевная черствость царствуют в городах и деревнях России. Об этом пишут, говорят, но... больше ничего не делают!

Многие современные писатели видят спасение России по-разному. Недавно я прочитала рассказ Бориса Екимова «Фетисыч», в котором автор показывает читателям будни людей, живущих в глубинке. Они сталкиваются с другими проблемами, чем те, кто, живет в городе. Деревенские дети очень хотят учиться, но такой возможности им не дают. С раннего детства девятилетний Яков, по прозвищу Фетисыч, видит только ругань в семье, пьяного отца, воровство в колхозе и наплевательское отношение ко всему, даже к самой жизни. Люди в этом колхозе опустили до того, что грабят сами себя.

Фетисыч — лучик света среди всего этого хаоса и безразличия. С самого детства мальчик противостоит окружающему его миру. В образе Якова выступают люди, не опустившие руки в сложных ситуациях и борющиеся до конца за свою Родину. Фетисыч до конца боролся за школу и все-таки отстоял ее. Очень важно обратить внимание на последний эпизод рассказа: маленький Фетисыч плачет во сне, и уставшая от тяжелой жизни мать, услышав этот плач, приходит утешить сына. Что-то изменилось в мире к лучшему: он еще мальчик, вдруг ощутивший материнскую ласку и заботу. Этот финал обнадеживает: как в природе день сменяется ночью, так и в жизни людей на смену беспорядку и хаосу должны прийти порядок и созидание. Спасение России Борис Екимов видит в будущем поколении, в его противостоянии миру равнодушия и разгрома.

Тему малой России продолжает развивать в своем рассказе «Красная гора» В. Крупин. Автор видит, как рушится его мир. Все, что он любил в детстве, уничтожают: вырубают лес, загрязняют речку — губят все, что с таким трудом создавала природа. Автор призывает людей остановиться, оглянуться и осознать, что они сделали с природой, ведь дальше так жить нельзя. «Красная гора» — это крик души автора. Спасение писатель видит только в уповании на Господа: «все остальное перепробовано». России окончательно задурят голову, если не держаться за наш якорь спасения — православие... Автор считает, что будущее России —

в ее прошлом, то есть в традициях народа, его энергии, нравственных качествах, опираясь на которые можно преодолеть сегодняшние беды.

Я не совсем согласна с автором. Надо бороться. Просвещать других людей и помогать им. Автор показывает нам Россию без прикрас, такой, какой видит сам. Могущественная, великая Россия превратилась в жалкую страну рабов прелестей жизни. Ее морально уничтожили, поработили, от нее почти ничего не осталось. В этом виноваты сами люди. Не понимая, что делают, они год за годом опускаются все ниже в бездонную пропасть лжи, пьянства и равнодушия ко всему. И дело даже не в экономике страны, которую изрядно потрепали кражи государственных чиновников, и не в том, что в нашей стране всегда прав тот, у кого больше денег. Дело в том, что простые люди безропотно терпят эти издевательства над собой, потихоньку спиваясь и черствея от зависти и злобы к другим, таким же, как они. В. Крупин говорит, что спасение в молитве. Возможно, он прав. Но вряд ли Бог отстоит за нас нашу душу, честь, право на жизнь и счастье, а главное, нашу Родину. Мы должны сделать это сами.

То же состояние России описывает в повести «Дочь Ивана, мать Ивана» В. Распутин. Главный ее вопрос — как жить, оставаясь человеком, в обществе, расколотом на два «разнящихся мира»: обманутых бедных и богатых, несправедливо наживших капиталы. В семье, состоящей из четырех человек (родители и двое детей), случилось большое горе: дочь Светку изнасиловал кавказец. Она унижена, сломлена произошедшим. Как жить дальше, зная, что над тобой так надругались? Я бы, наверное, не смогла. Даже представить страшно такое. Но тут же возникает вопрос: что же это за государство такое, если ты каждый миг чувствуешь себя беззащитным?

В. Распутин также показывает нам уголовную Россию. Мало того, что Светку изнасиловали, так ее еще и объявили виноватой. Почему в многолюдной толпе она не позвала на помощь? Ответ на этот вопрос ясен и, к сожалению, ужасен! Она была уверена, что ей никто не поможет. И была права. Большинство людей предпочли бы уйти подальше от опасного места, чтобы не было проблем! К сожалению, в нашей стране и правосудие поставлено таким образом, что всегда прав тот, кто заплатит больше. Взяточничество и коррупция в России на первом месте. Большинство дел остаются нераскрытыми.

Мать Светки, узнавая, что насильника отпустят, сама вершит правосудие. Она убивает того, кто разрушил ее жизнь. За это ее нельзя осуждать, она по-своему защищала свою семью. Женское отчаяние и безнадежность толкают мать на самосуд. Мать имеет право защитить своего ребенка, если этого не может сделать государство. Но я не совсем согласна с автором: всех насильников не перестрелять. Убивая человека, ты становишься похожим на них. Я не знаю, как бы я поступила на месте Тамары Ивановны.

В своей повести В. Распутин раскрывает еще одну сторону современной России, ободранной и кровоточащей, разделившейся на бедных и богатых. Бедные требуют справедливости, богатые настаивают на продолжении выгодных им реформ — и нет, и не может быть между ними согласия, только глухая вражда. В каждой стране всегда существовало неравенство: бедные и богатые. Но в бедной России богатых людей десятки, в их руках сосредоточена вся власть и практически все деньги. Причем честно заработал свое богатство один из десяти. В. Распутин показывает нам самый низший класс России — бомжей, которые не верят ни в себя, ни в людей, ни в Россию. Это неправильно. Нельзя опускать руки, даже не начав бороться.

Образ современной России В. Распутин раскрывает также через описание людей. Ведь недаром повесть называется «Дочь Ивана, мать Ивана». Автор показывает нам целое поколение семьи. А началась эта цепочка с отца Тамары Ивановны, создателя, труженика. В этой цепи у Тамары Ивановны положение промежуточное, пограничное — пограничной эпохой был для России и весь закат XX века. Сын Тамары Ивановны — художник, книголюб, мыслитель, искатель новых смыслов, пытающийся заново понять, кто такие русские и на каких ценностях — позитивных, а не отрицающих — они могли бы объединиться. И можно быть уверенным, что на этом цепочка не закончится.

Самое главное в этой повести — то, в чем Распутин видит спасение России. Благодаря автору читатель верит, что именно такие, как Иван, способны изменить жизнь в стране в лучшую сторону. Мы читаем, как «осторожно и трогательно, словно боясь вспугнуть», повторяет Иван: «...лепота, вельми, веряя, чресла, навет, златозарный, светосиянный». Понимает он: «...это нельзя оставлять на задний план, в этом, похоже, и коренится прочность русского человека. Без этого, как дважды два, он способен заблудиться и потерять себя... Оно, это слово, сильнее гимна и флага, клятвы

и обета; с древнейших времен оно само по себе непорушимая клятва и присяга. Есть оно — и все остальное есть, а нет — и нечем будет закрепить самые искренние порывы». В конце повести мы узнаем, что Иван, отслужив в армии, с бригадой строителей едет в соседнее село восстанавливать разрушенную церковь. А еще мечтает он работать в школе, учить ребят русскому языку. Именно такие люди нужны, чтобы возродить Россию. Валентин Распутин, как и Борис Екимов, спасение России видит в молодом поколении, которое сможет изменить мир к лучшему.

«Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на Земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Литература, театр, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство, наркоманию, животный страх друг перед другом и беззащитность, предательство, национализм и вражду народов — все это мы будем насаждать ловко и незаметно... Будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее» — так писал американский шеф ЦРУ А. Даллес. Мне очень захотелось написать ему ответ. Вот он:

«Уважаемый А. Даллес, вы глубоко ошибаетесь. Никто и никогда не сделает русский народ бездушным и низким. У нас есть тайное оружие против ваших замыслов. Это наше сердце, полное любви к своей Родине и стране, к своим обычаям и традициям, к своему языку и природе. Конечно, вам удастся изменить самых слабых из нас, но остальных вы не сломаете. Даже не надейтесь! Возможно, если бы вы увидели современную Россию, вы бы остались довольны. Но я могу вам твердо сказать, что Россия возродится, восстанет из пепла, как феникс, и загорится еще ярче, чем раньше. Нужно только верить в это и всеми силами приближать этот момент. Всем людям нужно объединиться и сказать твердое «НЕТ!» всему тому, что творится сейчас. Надо в своих сердцах уничтожить все то равнодушие, злобу, зависть, трусость и ложь, что мешают нам жить. Люди должны любить и защищать страну, в которой они живут, свою Родину! Я очень надеюсь, что люди наконец-то опомнятся и поймут: если мы не спасем сейчас свою Родину, потом будет слишком поздно!

(Печатается в сокращении)

Источники и литература:

Екимов Б. П. Фетисыч // Новый мир. 1996. № 2.

Крупин В. Н. Красная гора // Наш современник. 2002. № 3.

Распутин В. Г. Дочь Ивана, мать Ивана: Повесть // Наш современник. 2003. № 11.

Петров Д. Еду я на родину // Человек без границ. 2006. № 4.

Елизавета Кулик

Судьба русской деревни в творчестве Федора Абрамова

Федор Александрович Абрамов родился 29 февраля 1920 года в многодетной крестьянской семье в далекой северной деревне Веркол Архангельской области. На его долю выпали общие для того времени невзгоды: безотцовщина, тяготы крестьянского труда, беды коллективизации, война. Студентом третьего курса Ленинградского университета ушел он добровольцем-ополченцем защищать Ленинград, был тяжело ранен, чудом уцелел в блокадном госпитале и при переправе по «Дороге жизни». Навсегда он остался верен погибшим товарищам. Их памятью, их судьбой выверял свое поведение, свой писательский путь. Но он запомнил не только героизм молодых ополченцев, но и преступные действия тех, кто посылал в бой безоружных ребят. Не тогда ли началось трезво-бесстрашное осмысление эпохи будущим писателем?

В 1942 году, после долечивания в госпиталях, Абрамов вернулся в родную Пинегу, где увидел и тоже на всю жизнь запомнил подвиг русской женщины, русской бабы, которая открыла «второй фронт». Тогда и родился замысел первого романа — «Братья и сестры» (1958). Шестнадцать лет вынашивался роман. Тем временем Абрамов доучился в университете, защитил кандидатскую диссертацию, заведовал кафедрой советской литературы. Через его сердце прошли новые беды и трагедии. Он увидел не только драмы крестьянские, но и драмы городские, драмы интеллигенции, драмы недоверия и подозрительности к военнопленным, к находившимся в оккупации. Его возмущал анкетный подход к людям, анкетный подбор кадров, когда люди с «чистой биографией» получали незаслуженные привилегии, ста-

новились высокомерными карьеристами. Его продолжало мучить бесправие крестьян, лишенных паспорта и права передвижения, плативших непомерные налоги.

Он увидел резкое несоответствие народной жизни и отражения ее в литературе, кино, где царила атмосфера всеобщего благополучия и ликования («Кубанские казаки»). Тогда Абрамов взялся за перо и выступил как ратоборец за подлинную, неприкрашенную правду. В 1954 году в журнале «Новый мир» он опубликовал статью «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе», где встал против лакировочной и тенденциозно-идиллической литературы о деревне, против сглаженных жизненных конфликтов и упрощенных характеров. И сразу получил «боевое крещение» — попал в постановление, где его причислили к антипатриотам, врагам колхозного строя. Его прорабатывали на многих партийных собраниях, чуть не лишили работы. Но он продолжал отстаивать свое право говорить правду о народной жизни.

И все же в первых книгах, как признавался Абрамов, он «не сказал всей правды о том времени, о котором писал». «Вся правда» — вот перед чем он стоял, вот чего хотела его совесть. «Вся правда» — это чистая правда, правда без оговорок, без увиливаний, без умолчаний. Всю правду он задумал написать в романе «Чистая книга», который не успел закончить.

Книги Абрамова воспринимались критикой в основном как остросоциальные вещи, повествующие о трагедии русского народа, взывающие к радикальным переменам в стране. А проблемы философские, нравственные, звучавшие в его произведениях, зачастую не получали должного осмысления.

Его романы, повести, рассказы — летопись страданий многомиллионного крестьянства. Он писал о трагедии раскулачивания, о репрессиях («Деревянные кони», «Франтик», «Поездка в прошлое»), о непосильных налогах и трудовой повинности, когда женщин и подростков гнали на сплав и лесозаготовки, о разрушении малых деревень, о чудовишно нелепых «реорганизациях» в сельском хозяйстве, а в конечном счете — о трагедии народа и отдельного человека, которому не давали достойно жить, работать, думать. Люди страдающие, замученные, изломанные встают со страниц абрамовской прозы как обвинение всей тоталитарной системе.

Но Абрамов был далек от одностороннего обличительства. Его книги — не только обвинение, не только скорбь, боль и плач о России. В его книгах — поиски истины, поиски причин произошедше-

го и тех животворных основ, которые помогли России не погибнуть, а выжить, выстоять, в великих муках и испытаниях сохранить живую душу, человечность, доброту, совесть, сострадание, взаимопомощь. В конце концов, все обострившиеся пороки современности — пьянство, наркомания, преступность, эгоцентризм, цинизм, равнодушие — порождены угнетением личности, низкой культурой, попранием правовых и нравственных норм, беззаконием.

Хотя Абрамов писал в основном о людях русской деревни, но за их судьбой стояла жизнь и проблемы всей страны. Недаром рассказ о заброшенной деревне назван «Дела российские...». Да, все, что происходит в деревне, в поселке, на сенокосе или на лугу, где «плачут лошади», в крестьянской избе — это все «дела российские», дела общие.

Федор Абрамов неустанно выверял каждую мелочь, каждую частность высшей мерой — мерой всенародного страдания или блага, мерой ухудшения или улучшения народной жизни. И потому, о чем бы он ни писал, он всегда говорил с читателем о самом главном — о том, что мешает или помогает нам жить достойно, по-человечески.

Абрамов продолжил ту линию русской литературы, которая шла от Чехова и Бунина: бесстрашно взглянуть на самих себя, не идеализировать народ, разобраться в сложности и крайностях русского характера. Писатель хорошо понимал, что в конечном счете судьбы страны и человечества зависят не только от политиков, но и от поведения, умонастроений, устремлений, идеалов, культуры и нравственности миллионов. Его всегда тревожило не только всевластие чиновников, но и неразвитость гражданского мышления в стране, полуграмотность, полуобразованность большинства. Он видел, что в запущенном состоянии находятся не только экономика, быт, система управления, но и сознание, нравственность, культура, состояние умов и сердец. Поэтому многих своих героев писатель приводит к суровой самооценке, к оценке прожитой жизни, к исповеди, прозрению, покаянию. Исповедальные монологи, очистительное прозрение, разрыв с носителями зла, обретение высокого смысла бытия такими незаурядными людьми, как Пелагея или Мишка («Поездка в прошлое»), передает читателю заряд нравственной энергии. Идея чистой жизни, чистых помыслов, чистых устремлений, по существу, одухотворяет все произведения писателя, в том числе те, где речь идет о трагических судьбах, о людях, изуродованных временем.

В заключительном слове на своем 60-летнем юбилее писатель подвел итоги прожитой жизни, сформулировал главную суть обретенной им веры: «К чему же я все-таки пришел к своему шестидесятилетию? Чему я поклоняюсь? Что я исповедую? Какая моя вера? Что больше я ценю в своей жизни? И от чего получал радости больше всего? Работа! Работа! Каждая хорошо написанная строчка, каждый хорошо написанный абзац, страница — это самое большое счастье. Это самое большое здоровье, это самый лучший отдых для души, для ума, для сердца... Работа — это, вероятно, самая высокая любовь, любовь к своей семье, любовь к своему дому, любовь к Родине, любовь к народу».

Превыше всего ценил Абрамов в людях умение вдохновенно работать везде — в литературе, в науке, в поле. Он был убежден: пора воздать должное теории «малых дел», пора «думать о значении так называемых малых дел, которые, складываясь, составят большое». Он не устал доказывать, как необходим каждодневный совестливый труд каждого гражданина, «без чего неосуществимы никакие грандиозные планы и программы». «Любое дело начинается с человека и кончается им», — веровал он.

Абрамов пришел в литературу не только с огромным жизненным опытом, с убеждениями «заступника народного», но и со своим словом. Уже в романе «Братья и сестры» мощно зазвучала живая многоголосая народная речь, усвоенная писателем с детства и всегда питавшая его книги. Восемь лет вызревал замысел романа! «Не писать «Братья и сестры» я просто не мог... Перед глазами стояли картины живой, реальной действительности, они давили на память, требовали слово о себе. Великий подвиг русской бабы, открывшей в 1941 году второй фронт, быть может, не менее тяжкий, чем фронт русского мужика, — как я мог забыть об этом?» «Только правда — прямая и нелицеприятная» — вот писательское кредо Абрамова. Позднее он уточнит: «...подвиг человека, подвиг народа измеряется масштабом содеянного, мерой жертв и страданий, которые он приносит на алтарь победы».

Что же объединяет творчество Ф. Абрамова и В. Астафьева? На мой взгляд, независимость нравственной позиции от влияния времени, правдивый взгляд на мир и, конечно, талант. Если перефразировать слова Е. Евтушенко, то можно сказать, что и писатель в России больше, чем писатель. Я считаю, В. Астафьев и Ф. Абрамов — наши духовные наставники, их книги затрагивают и ум, и душу.

(Печатается в сокращении)

Источники и литература:

Абрамов Ф. А. Собрание сочинений: В 6 томах. — СПб., 1990.

Елена Касперович

Раздумья о дне сегодняшнем (анализ произведений В. Белова)

Моя бабушка Валентина Егоровна (урожденная Белова) приходится двоюродной сестрой знаменитому писателю современности Василию Ивановичу Белову. Их отцы — родные братья, Егор и Иван Беловы. Бабушка часто и с глубоким уважением рассказывает нам, каким он был в детстве, какие интересные случаи происходили с ним, в какие игры любил играть. Человек он легкий в общении, слава его ничуть не испортила. Мог жить и в Москве, и в Петербурге, а роднее вологодской земли все же ничего нет для него. Моя бабушка с нежностью собирает все вырезки из газет, все, что касается ее брата. И мы, как потомки, решили собрать семейный архив. Все свои новые книги Василий Иванович дает почитать родственникам и ценит их мнение. А когда произведение появляется на свет, то один экземпляр он обязательно отправляет двоюродной сестре, то есть моей бабушке, с дарственной надписью.

В. Белову дороги такие понятия и традиции, которые, правда, не высечены в граните, но записаны в душе: как живешь — так и пиши; как содержишь, мыслишь — так и живи. Герои книг В. Белова не могут не задаваться извечными вопросами «Ради чего живет человек?», «Как жить?». Они ищут ответы на эти вопросы. И писатель им подсказывает: возвращайтесь к выстраданным предками нравственным законам, к своим истокам, корням, почве. Белов не боится повторять, что патриотизм — главная идеология государства. Это и есть та национальная идея, которую так сумбурно и робко ищут кремлевские западники и которая может и должна спасти Россию от уныния, бездуховности, воровства.

Самое яркое, на мой взгляд, произведение лирической прозы В. Белова — рассказ «Холмы». Здесь, в родном гнезде, начинает постигать человек любовь к родной земле, ведь только через понимание и причастность к жизни родного края, через душевную

привязанность к нему и к своему дому, к своей малой родине начинается развитие патриотического чувства, приходит человек к любви большой родины — России. Писатель ведет рассказ о холмах. Перед нами — «крутой зеленый холмик», с которого открывается прекрасная, умиротворенная картина знойного летнего дня, и могильные холмики, под которыми покоятся несколько поколений русских женщин, и холмы, в которых лежат отцы, деды и прадеды — славные русские воины, погибшие, защищая Отечество при Шипке, в Маньчжурии, на Волге. Родимый зеленый холмик и холмы воспринимаются как память о людях, подаривших жизнь лирическому герою, они то необходимое звено, которое включает в себе бессмертие народа. В лирическое повествование входит тема памяти.

Ждет героиня рассказа «На Росстанном холме» Мария мужа своего, пропавшего без вести 25 лет назад на последней, самой страшной войне: «Пропал без вести, ведь не убитый же. Никому не верила: ни бумагам, ни людям, одному сердцу». О чем же этот рассказ? О любви и молодости, о бесконечной верности и неумирающей надежде, о памяти и смене поколений, о нерасторжимости человеческих связей и неиссякаемости жизни. Страдание, боль, тоска выражаются в рассказе причитанием: «попричитать бы», «хотелось попричитать», «запричитала», «ходила причитать». Лейтмотивом проходят через произведение и сами причеты: «Ой, приупали белы рученьки, притуманились очи ясные, помертвело лицо белое со великого со горюшка. Как ушел ты, мой миленький, не по-старому да не по-прежнему, во солдатскую службицу, по конец света белого, по край красна солнышка».

И вот в центр рассказа через описание грозы входит преддверие беды: «...было ясно, что ничего уже не успеть и никуда не уйти от потопа»; вызывающий, дерзкий, какой-то шустрый образ — «заносчиво и нахально уже клевались ядовито-белые молнии» (оценочные эпитеты, уменьшительная форма существительного, глагольная метафора). Этому противопоставлено размеренное, гордое спокойствие следующей фразы: «И Росстань притихла, готовясь принять на себя грозовые удары». Невольно рождается сопоставление с грозой военного лихолетья, расколовшего, как гроза расколола рассказ, жизнь людей на две части: «...все почернело, все омертвело... враз во многих местах бухнули, раскололись черные западные небеса, и какая-то струнка в душе тонко заныла и оборвалась, не найти кончи-

ки, не связать...» Много ли в этой части рассказа «счастливых» слов? Нет, на смену им приходят плачи, образы иной наполненности: «скулит и стонет нечистая сила», «голодные, жестокие зимы», «круглолицая недобрая луна», «жутко метутся сухие снега, хоронят дорогу», «холодное солнце», «жестокие слова», «тревога и страх перед неизбежным», «жуткий крик, готовый вырваться в небо».

Понимание, что муж не вернется, становится для героини самым безрадостным — трагичным: «И теперь тревога и страх перед неизбежным чем-то сменились вдруг ясной и страшной от этой ясности мыслью: «Не придет. Нет, видно, уж. Не придет, никогда, ни завтра, ни после». Удастся писателю такими простыми, непритязательными словами создать пронзительно-трепетное впечатление, потрясающее переживание. При этом выделим преобладание отрицательных конструкций, как бы не отпускающих ни на мгновение, закрепившихся навек и приведших к последней, скупой, но бесконечно значимой фразе.

Состояние трагической обреченности, подчеркнутое и сравнением с «подбитой птицей», и эпитетами «постарелая и обессиленная», сменяется «отрадной тоской» и чистыми, смывающими тяжесть слезами. К какой мысли приводит писатель? Повторение в дочери — это неиссякаемость жизни, это вечность бытия, подчеркнутые и заключительным аккордом — пейзажем: «А там дальше, внизу, такие широкие раскинулись туманы. Они кутали давно скошенные ложбины рек и ручьев, обтекая пригорки и стога в низинах, и остроконечные шапки этих стогов будто плыли по серому туманному молоку. Плыли и не могли уплыть. А из его глубин, как из-под воды, слышен был то крик дергача, то заглушенный влагой, беспомощный и милый клик по-детски испуганного жеребенка».

Этапным произведением для всей традиционной прозы, своеобразным итогом ее идейных и художественных поисков стала повесть В. Белова «Привычное дело». Она положила начало новой волне «деревенской прозы» и определила ее черты: интерес к духовному и душевному миру крестьянина, к его частной жизни, к судьбе женщины-матери, к традициям, обычаям, перспективам развития деревни.

В произведении отразились факты реальной биографии поколения. Герой повести прошел через войну, получив при этом множество ранений, вернулся героем, а беседует, между прочим, со стариками и Мишей Петровым, который моложе его. Сверстни-

ков, видимо, не так уж и много в деревне. Те, кто вернулись с войны, скорее всего, уехали в город. Мы наблюдаем, как отсылают в город детишек — кого в училище, кого в няньки, кого в приют, как делает попытку уехать на заработки сам Иван Африканович, как приезжают в деревню отпускники, один из которых — Митька. Состоянию Ивана Африкановича противопоставлено состояние — «до лампочки» — Митьки. У Ивана Африкановича «болит душа». Заметим, что, по Белову, это состояние, которого лишен тот же Митька, но которым уже наделен маленький Гришка Дрынов, есть некий критерий человеческой значимости, мерило нравственной высоты.

Многогранно входит в творчество Василия Белова фольклор: и как поэтическая история народа, и как выражение его нравственных и эстетических воззрений. Органично вливаются в повествование «Привычного дела» пословицы, прибаутки, песни, частушки, бухтины, байки, коротушки. Наиболее широко использована частушка (что характерно для северной деревни), придающая произведению своеобразный колорит праздничности. Использована она автором и в качестве эпиграфа в одной из самых проникновенных и драматических глав.

Умение благоговейно слушать народ определило мастерство В. Белова в передаче прямой речи героев, и речевая характеристика становится одним из ведущих средств создания образов крестьянских мужиков, женщин, детей. А как завораживающе и чарующе эти немногословные беловские пейзажи! И каким неожиданно бойким образом способно смениться величественное спокойствие неторопливого пробуждения: «И тотчас же из-за леса выпросталось громадное солнце. Казалось, что оно, не скрывая своей щедрости, озорно шурилось и подмигивало разбуженному белому свету».

Судьба народа, раздумья о ней, сложные вопросы бытия, душа русского человека, стихия его жизни, постижение ее глубин — вот тот вечный центр притяжения русской литературы, который с необыкновенной силой и полнотой отразился в творчестве Василия Ивановича Белова.

И вовсе не случайно В. И. Белова называют русским деревенщиком. Так знать и любить сельскую местность, ее жителей может только он, рождением и воспитанием связанный с русской деревней, с крестьянами. Его беспокоит все: их уклад, быт, семейные отношения и отношение к ним государства. Но именно эти люди еще сумели сохранить высокую нравственную ценность: в дерев-

не все на виду, и подлец не спрячется за высоким забором. Поэтому все произведения — это эпос о земле и крестьянстве. В. Белов ищет возможность гармонической цельности и находит ее в уютном мире малой родины, где «тихо спят теплые ельники», где от леса веет покоем, тишиной, где так хорошо жить.

(Печатается в сокращении)

Источники и литература:

Белов В. И. За тремя волоками: Повести, рассказы, очерки. — М.: Художественная литература, 1989.

Марина Вилкова

То, что вечно, — человечно (анализ рассказов Б. Екимова)

Наиболее значительные достижения современной литературы связаны с исследованием глубин человеческого существования, что позволяет вести разговор о вечных проблемах взаимоотношений человека и мира. Писатель должен острее других видеть все, что его окружает, и стараться быть человеком мудрым, понимающим, что задача его состоит в том, чтобы и другие увидели эту прекрасную жизнь и поняли, как она коротка. Именно таким писателем является наш современник Борис Екимов.

О ком пишет Борис Екимов? О людях, нуждающихся в нашем внимании и понимании. Очень часто главным героем произведений Екимова становится школьник, подросток. Неслучайно поэтому центральной проблемой в творчестве писателя является проблема самовоспитания, самоопределения человека в жизни. По убеждению писателя, важно с детства учить ребенка сострадать. Герой рассказа «Ночь исцеления» Гриша нашел способ исцелить бабушку от ужасных снов, из-за которых она очень страдала. Баба Дуня живет одна. Что значит одиночество для пожилого человека? Она испытывает чувство покинутости, порой ненужности: «...сын и дочь... наезжали редко — хорошо, коли раз в год». С приездом внука жизнь бабушки Дуни изменилась: «А баба Дуня, разом оживев, резво суежилась в доме: варила ши, пирожки затевала... И живым духом веяло в доме».

Много бед принесла война людям, много пришлось пережить и бабе Дуне. Что такое хлебная карточка? Почему ее потеря и через десятилетия становится причиной бабушкиной болезни? Гриша старается разбудить бабушку, когда ночью ей снятся страшные сны о ее прежней жизни, хотя поначалу то, что он слышал ночью, не очень занимало его мысли: «Стало думаться об утрате, о рыбалке...» Но позже он начинает представлять, что пережила бабушка, и разговаривать с ней о том, что слышал от нее. И оказывается очень поражен тем, что сны могли стать причиной настоящих слез. Прошное бабушки постепенно становится собственной болью внука: «...стало думаться о бабушке... она казалась такой слабой и одинокой... И с какой, верно, тягостью ждет она ночи... Но как помочь?»

Пейзаж в рассказе — фон, который помогает ярче представить весь ужас снов бабы Дуни. Между зимой и войной можно провести параллель: зима — это мертвое время года. Война несет смерть. Ночь — темное и страшное время суток. Напоминания об ужасах военного времени приходят к бабе Дуне ночью. Поэтому и краски в рассказе контрастные: белая (зима) — черная (ночь). И вдруг желтый свет — свет луны — как спасительный луч, освещающий путь из страшной зимней ночи. Какое решение принял Гриша? Ночью во время очередного крика бабушки «...сердце мальчика облилось жалостью и болью. Забыв обдуманное, он опустился на колени перед кроватью и стал убеждать, мягко, ласково: — Вот ваши карточки, бабаня...» Что чувствовал Гриша после первого исцеления бабушки? Его трясло, почему-то было холодно. Он плакал: «Сердце болело и ныло, жалея бабу Дуню и кого-то еще...» Жалел мальчик и того, кому война принесла боль, страдания, кого несправедливо обижали, унижали. Обратим внимание на слова повествователя: «Воспоминание резануло по сердцу»; «Сердце мальчика облилось жалостью и болью»; «Слезы катились и катились. Они шли от сердца, потому что сердце болело и ныло...» Почему автор так часто использует слово «сердце»? В душе героя происходят сильные перемены: он становится чутким к чужому страданию, внимательным к душевной боли.

В старину перед Новым годом и Рождеством на страницах литературных журналов появлялись самые добрые, самые душевные произведения — рождественские рассказы. В наше «разумное» время традиция создания рождественских рассказов

почти утрачена. Но именно к этой традиции обратился писатель Борис Екимов, повествуя в рассказе «За теплым хлебом» о поездке деда Архипа, участника Великой Отечественной войны, с хутора в райцентр за углем, за «топкой».

Хотя история рассказана простая и на первый взгляд прозаическая, с первой страницы находим приметы святочного повествования: изображение темного, ночного неба, усыпанного звездами; лютый холод на дворе. Старик пускается в путь не только за обычной «топкой», но и теплом душевным, человеческим, что выясняется к концу повествования. А пока рассказывается очень подробно о том, как дед Архип мерз на грейдере в ожидании попутной машины в райцентр, как все-таки в четвертом часу дня добрался до райцентра, как ничего не добился в конторе, как решил заночевать у родни, а потом... потом за одну минуту все заново перерешил и отправился пешком на свой родной хутор без угля, без «топки», но счастливый.

Приехать в райцентр, до которого всего-то тридцать километров, — целая проблема для сельчан. «Зимние глубокие снега», осенняя «долгая грязь», весенняя распутица ставят автобусы «на прикол». Холодно. Деду Архипу и его попутчикам все же удается после шести часов ожидания на морозе добраться до райцентра в крытом брезентом кузове машины. К этому моменту старик успевает «промерзнуть до нутра». Только здесь открывается подлинный смысл упоминания о времени действия — «перед праздником», брошенного, словно случайно, в начале рассказа. Праздником оказывается вовсе не Новый год, а Рождество Христово (еще один обязательный признак святочного рассказа), накануне которого старик и отправился в путь за теплом, за «топкой». Старик поздравляет работниц конторы с Рождеством, рассказывает им об обычае славить Рождество Христово, переходя из дома в дом: «Рождество Твое Христе Божиин, воссияй миру свет разума...» Но чуда не происходит. Работницы конторы, от которых зависит — быть топливу на зиму в доме старика или не быть, неумолимы. Уголь был, он лежал во дворе, но предназначался теперь для жителей города, а не для жителей села.

Особенность композиции рассказа Екимова состоит как раз в том, что почти в самом его конце события начинают развиваться быстро, динамично. Выйдя на улицу из конторы, дед Архип чувствует, что окоченел. И незнакомая продавщица «в белом», погля-

дев внимательно на старика, который ест теплый хлеб, приносит ему полную кружку горячего чая, стул и усаживает деда возле подоконника. «Садись, дедушка. Пей, ешь, отогревайся, — мягко сказала она. Горячая волна благодарности к незнакомому доброму человеку подступила к сердцу. — Спаси Христос, моя дочка, — тихо сказал Архип, опускаясь на стул. — Спаси Христос».

Больше всего удивляет финал долгого рассказа, обстоятельного, неспешного, с множеством описаний, бытовых, житейских подробностей, которые всегда есть соблазн обойти. Главную же мысль рассказа проявляют самые последние эпизоды: описание того, как с каждым куском теплого хлеба, съеденного стариком, у него прибавляются, словно по волшебству, силы. Рассказ Б. Екимова, написанный в традиции святочного повествования, посвящен чуду воскрешения души человека. Его развязка символична. За минуту успевает дед Архип все «наново перерешить». Он кладет в мешок пять буханок душистого хлеба, а еще одну прячет на груди и решает пешком вернуться на хутор. Сложен, бесконечен по городским меркам этот путь. Но чудо в сердце старика свершилось и длится: «Он дойдет, доберется. И снега и мороз — это не беда. То ли еще было. Здесь все свое, родное, хоженое-перехоженое. А за пазухой грел ему сердце теплый хлеб».

Писатель стремится запечатлеть удивительные моменты жизни, подчеркивая их неповторимость. Он считает, что в каждом временном промежутке нужно видеть добрые начала. Борис Екимов подводит читателя к мысли, что нельзя забывать о своих корнях, какого мы роду-племени. Особенно ярко повествуется об этом в рассказе «У родника». Автор рассказывает о том, что исчезают ключи, которые в жаркий день напоят путника и крестьянина, о том, что «это память и нынешний день». Вслушаемся, как проникновенно пишет Борис Екимов: «Она ведь сладкая родниковая живая вода. Она — словно воздух и земля, словно солнце и небо, она, словно жизнь, дарована каждому от рождения до смерти. Вода — это жизнь. Иссякнет родник, и конец всему... конец жизни. Но, слава богу, бьют еще в нашем Задонье живые ключи. Принимаю их с благодарностью. Беру их живую воду и долго помню». Родник, родина. Какие близкие для русского человека слова!

Источники и литература:

Екимов Б. П. За теплым хлебом. — М.: Современник, 1986.

Яна Колесник
Ульяна Обмачкина

**Тема коллективизации
в рассказе В. Ф. Тендрякова
«Пара гнедых»**

В основе рассказа «Пара гнедых» — события 1929 года. В. Ф. Тендряков пишет не о самой коллективизации, а о предгрозовом времени, лете 1929-го.

Переезжает Село... «В воздухе витает нагретая пыль, скрип несмазанных колес. Иногда над горшками и лоханями возвышаются усохший старик или старуха, покорные судьбе, глядящие вперед замороженным взглядом... Село поднято...» Изображаемые события даны глазами мальчика Володи Тенкова, отец которого, Федор Васильевич Тенков, является коммунистом, уполномоченным партией, призванным вершить дела мужицкие. Он руководит переселением богатых мужиков в дома бедных и наоборот. Федор Тенков вершит справедливость. Он широк, плечист, словно врос в землю расставленными ногами; взгляд у него прямой и твердый.

Ему в рассказе противостоит Антон Коробов, самый богатый мужик Села, владелец дома с железной крышей и крашеными полами да еще пары гнедых, предмета его любви, его страсти, его гордости и зависти всего Села. Это человек легкий, статный, чистый, светлый, аккуратный, с открытой улыбкой, светлыми глазами, светлой подрубленной бородкой. Антона Коробова любят дети и собаки, к нему тянутся, ему завидуют. Хороший хозяин, умный, воспитанный человек, сумевший выгодно жениться и разбогатеть в годы НЭПа.

По распоряжению коммуниста Федора Тенкова Коробов должен освободить свой дом для бедняка Вани Акули и переехать в его баньку, отдать все свое имущество, в том числе пару гнедых. Справедливо ли это? Кто прав? Вопросы социальной справедливости мучают героев рассказа. Над этими вопросами задумывается и пятилетний мальчик Володя Тенков.

Федор Тенков и Антон Коробов... За кем сила? За кем правда? Антон Коробов уверяет коммуниста Тенкова: «Мне б волю дать, я бы... великую Россию досыта накормил». Действительно, Коробов был способен работать и кормить страну, но

коммунисты в коллективизации ставку сделали на бедняков, подобных пьянице и лентяю Ване Акуле, главным достоянием многолетней семьи которого стала квашня с тестом — сосуд жизни.

Полный чувства собственного достоинства, обиженный несправедливым к себе отношением, Антон Коробов навсегда уходит из Села. При этом пару гнедых, чтобы не достались колхозу, дарит мужику Мironу Богаткину, который грезил ими даже во сне. Через год за эту пару гнедых раскулачили и Мирона. Шла сплошная коллективизация. Раскулачивали и ссылали тысячами...

А красавцы кони все-таки оказались на колхозной конюшне вместе с брюхатой кобылой Петрухи Черного. Ваня Акуля, став владельцем дома Коробова, снял железо с крыши, продал его за четверть самогона Мironу Богаткину, оставил дом, в котором без крыши невозможно было жить, и переехал со всем своим семейством обратно в баню.

Справедливо ли то, что происходит? Вопрос этот многократно задают себе герои рассказа и, конечно, автор. Будучи выразителем гражданской совести своего времени, В. Ф. Тендряков не мог обойти в своем творчестве то, что волновало его как писателя, волновало его современников, волновало Россию. Народ и государство, власть имущие и крестьянство, их отношения — вот объект интересов и волнений писателя. Надежда на справедливость — это утопия, миф. Но и время еще только предгрозовое. Коробов пока избежал раскулачивания, исчезнув из Села. Он предвидит грядущее: «По твоим костям пойдут и хроста не услышат». Эти слова обращены к Мironу Богаткину. Через год Богаткин, стремившийся умножить свое добро, окажется на Севере.

Точно датируя действие рассказа, В. Тендряков сразу вводит читателя в конкретное историческое время (лето 1929 года), а заканчивает рассказ документальной хроникой, подтверждающей достоверность изображенного. Но правда факта, объективно отражающего время, в которое жил писатель, не является единственным достоинством произведения. О чем бы ни писал В. Ф. Тендряков, какую бы жизненную ситуацию ни описывал, художественный анализ действительности всегда у него совместим с требованиями нравственности: добра — зла, чести — совести, правды — лжи.

Источники и литература:

Тендряков В. Ф. Охота. — М.: Правда, 1991.

Мария Гордеева

Оптимизация... духовности

Россия в 1991 году перешагнула свою пятую «пороговую ситуацию» (термин К. Ясперса) — после Киевской и Владимиро-Суздальской Руси, Московской Руси, имперской России и России советской — и вступила в новую для себя историческую эпоху. Внутренние и внешние условия этого вступления оказались крайне неблагоприятными для России, и на это отреагировала прежде всего русская литература и публицистика. А. И. Солженицын в статье «Русский вопрос» к концу XX века» справедливо охарактеризовал ситуацию как «великую русскую катастрофу 1990-х годов». Действительно, к моменту вхождения в пятую историческую эпоху Россия пережила экономическую, политическую, демографическую и в первую очередь духовно-нравственную катастрофу.

Власти нашего современного государства придумывают и закрепляют все новые модели оптимизации, реформы образования сельской школы. В повседневном обиходе под оптимизацией подразумевают закрытие сельских малокомплектных школ, слияние их с большими и средними в целях улучшения качества образования и экономии финансовых затрат. Официально оптимизация провозглашает мероприятия по улучшению качества образования. Правильное же понимание оптимизации способствует верному ее проведению. К сожалению, сегодня сущность этого процесса проявляется зачастую не в улучшении качества образования, а в возможности сэкономить средства, предназначенные для сельских школ.

Русский мир и русская школа с момента своего возникновения были поставлены перед проблемой сохранения своей идентичности. XXI век станет веком соперничества глобальных путей мирового устройства, и в этой связи одна из форм позитивного глобализма — вписывание русского пути в общемировой процесс истории, универсальной бытийной проблематики для всего человеческого рода. Вот почему важна «правильная» модернизация школы — один из ответов России на вызовы, брошенные ей извне и изнутри.

Проблема насаждения идеи глобализма, насильственные преобразования в системе школы находят свое отражение и в художественных произведениях. В современной литературе эту ситуацию наиболее последовательно, на наш взгляд, пытается осмыслить Борис Екимов. Его стиливая манера вбирает в себя элементы народно-разговорной речи и отражает тяготение к глубинному постижению жизни и человека. В пределах социально-разоблачительной традиции Б. Екимов обращается к теме «угасающей деревни». Рассказ «Ралли» — реквием по утраченному, разрушенному в последнее пятилетие. Так называемая оптимизация для автора неприемлема.

Сюжет рассказа прост. На крошечную, полузаброшенную деревню Большие Чапурны свалилось известие: по хуторской дороге пройдут международные автомобильные гонки. Белые листовки о проведении гонок, усеявшие огороды, поля, воспринимаются местными жителями как призыв к очередным выборам: «Не будем голосовать! Прошлый год обещали раз в месяц привозить товары и обдурили! Абманаты проклятые! Не будем голосовать!» Но ни депутатов, ни «больших чиновников» мнение жителей Больших Чапур не интересует. Деревня с ее бездорожьем, забывостью, ненужностью не вписывается в красивый, яркий, стремительный мир, несущийся с ревом машин по бездорожью. И что парадоксально, российское бездорожье станет неким развлечением, экстримом для западного мира, «чтобы надежность машин проверить да нервы потрепать».

А для жителей русской деревни международное ралли — возможность как-то решить свои бесконечные проблемы, заботы, беды... «Кинусь прямо на дорогу и по-пожарному зареву: «Найдите мой стаж! Всю жизнь здесь провела! И в доярках, и в свинарях, и на поле, а говорят — стажу мало!» — с болью и обидой кричит одинокая пятидесятилетняя Надя Горелова. Володя Поляков, когда-то прекрасный механизатор, тракторист, знающий до тонкости свое дело, готовит ключи, отвертки: «Мало ли кто сломается — быстро починю, а там, глядишь, и работу предложат. Свое дело я знаю».

Деревня готовится к приезду гостей. Однако «ждали долго в знойный летний день, а окончилось все очень скоро». И понеслись друг за другом с ревом машины, «словно из мешка»: «мицубиси», «катерпиллер», «судзуки» — а жители остались на обочине дороги. В этот день они принесли все, что успели приготовить: «...И вот уже стояли рядом запотевшие банки квашеного молока и топленого, с коричневой пленкой, свежий каймак, а рядом — высокие

белые пышки, поджаристые пирожки, плетеные корзины с яблоками и грушами, свежие яички, огурчики, помидоры...» Хлебосольная, богатая дарами земли, щедрая и основательная по-крестьянски деревня жила! Своей соборностью, крепостью, несломленностью духа она была сильнее заграничных «мицубиси». На обочине российского бездорожья деревня не протягивала нищенской руки, не унижалась, не взывала о помощи, она жила своей неторопливой основательностью, думая уже о завтрашнем дне.

Сюжет следующего рассказа Б. Екимова «Фетисыч» снова обращает нас к сегодняшней деревне, когда в России все перевернулось и никак не уложится.

Композиция рассказа «отправляет» читателя в путешествие по деревенской каждодневности, и вот перед глазами уже встают бывшие детский сад, почта, Дом культуры. Вымирание российской деревни читатель воспринимает глазами ребенка, главного героя. Яков Фетисыч — девятилетний мальчик — чувствует надвигающуюся катастрофу: «бывшей» может стать в скором будущем школа, потому что умирает Марья Петровна, старая учительница, на которой «держалась» школа. И учительница, и сельская школа воплощали в себе такие понятия, как совесть, правда, душевная теплота, ответственность, великодушие. Яков принимает решение: не говорить ученикам о смерти учительницы, сохранить во что бы то ни стало школу — единственный островок духовности в деревне. Ведь от маленькой школьницы в белых бантах, идущей утром в школу, от трех светлых окон в школе у жителей деревни на душе становилось уютнее и спокойнее. Но закроют школу завтра, и эти же жители «расташат» ее по кусочкам, как расташили детский сад, Дом культуры.

Не взрослые, а Яков принимает решение идти в районную школу, чтобы в деревню направили новую учительницу. А районная школа другая — «кирпичная, большая, со спортзалом». Предложение директора этой школы на короткое время вводит мальчика в сомнение. Но тревожная мысль: «Без него все пойдет прахом» — возвращает Якова домой, а значит, к недетским проблемам. Душевной теплотой Якова заряжается колхозный бригадир, понимая, что школу надо сохранить!

Так не по-детски проявляет себя Яков в непростое для сельской глубинки время. Возможно, так всегда было в России: национальный характер острее проявлялся на поворотах истории. Как поступил бы на месте Фетисыча Шварценеггер, смотрящий на мальчика

с обложки журнала? Остался бы он в старой, неперспективной школе или сразу бы согласился на перспективную? Американский менталитет диктует второе решение. В «годы оптимизации» Россия удостоверялась, насколько еще не коснулась ее стандартизация мышления и личностных качеств, присущая западному обществу. Русский человек не так прагматичен, усреднен и обкатан, он более непредсказуем, противоречив. Душа его еще болит за весь народ, а не только за себя. Он с трудом усваивает основной капиталистический принцип: каждый выживает и умирает в одиночку. Подтверждение этому можно видеть в «Фетисыче».

А как проходит «оптимизация» в моем районе? К сожалению, базовые средние школы на селе не в полной мере обеспечены необходимыми материальными ресурсами. Поэтому изменения от переезда детей из одной бедной школы в другую, которая лишь немногим отличается от их родной, будут незначительны. Если они вообще будут, принимая во внимание оторванность детей от дома, родины, от корней. Это можно сравнить с пересаживанием дерева: долго оно приживается на новом месте и в результате отстает от своих сверстников в развитии. Так же и с детьми. Как бы не пришлось нам в скором будущем пожирать плоды нынешней «пересадки» учеников. А плоды могут быть разные. Отставание от ровесников, потеря моральных и нравственных ориентиров, «недолюбовь» со стороны родителей...

В общих чертах можно сказать, что оптимизация — это работа, проводимая в целях улучшения качества образования в школах, которые на сегодняшний день не имеют такого уникального статуса, как, например, специализированные городские школы, и которые просто закрываются, не представляя собой никакой ценности для государства. Несомненно, это играет огромную роль в существовании самой деревни, где находится такая школа. Ведь деревня сегодня — это единственный островок духовности и нравственности нашей страны, что неоднократно подтверждается в рассмотренной нами художественной литературе и публицистике. Поэтому сохранение сельской школы должно, на наш взгляд, стать одной из главнейших задач образования.

Люди, родившиеся и выросшие на селе, как показывает практика, с точки зрения нравственной и человеческой мотивации лучше очень многих. Тем не менее сегодня их с упорной настойчивостью пытаются объявить, извините, быдлом, загнать в узкие рамки управляемого стада. Это вопиюще безнравственная, аморальная и по-

рочная практика. Терпение не бесконечно. Свою лепту в этот процесс вносят и СМИ, и сама власть. Уходят хорошие персонажи, примеры для подражания. Их место занимают похуже, полегче, со временем становясь образцом для подражания. Постепенно их вытесняют те, кто еще проще, — и так бесконечно вниз по лестнице, не ведущей вверх. Интересно, есть ли конец у этой лестницы?..

Источники и литература:

Екимов Б. Ралли // Новый мир. 2000. № 4.

Екимов Б. Фетисыч // Новый мир. 1996. № 2.

Шарыгин И. Образование и глобализация. Российское образование в условиях глобализации // Новый мир. 2004. № 10.

Сергей Елыгин

Современная сказка К. Булычева — реквием по XX веку или сказка-предупреждение?

«Убежище», последняя книга К. Булычева, стала своеобразным реквиемом по уходящей в прошлое наивной мечтательности детей, вере в чудеса, бескорыстной любви к природе. Любимец многих российских детей, талантливый человек, милый, добрый сказочник К. Булычев сделал прощальный подарок всем детям, да и взрослым тоже, написав для них сказку. Она современна, актуальна, интересна, философична.

Метафорично название этой книги: убежище — это и спасение от угрозы безнравственности, бездуховности, которые все больше захватывают наш мир, и сохранение сказки как замечательного творения человечества, и спасение фантазии как великого достижения духовной культуры.

Последняя книга К. Булычева — его первая сказка. Как ни парадоксально звучит, писатель-фантаст обращается к эпическому жанру. К. Булычев не только замечательный писатель-фантаст, но и мудрейший человек, способный увидеть в настоящем страшные, трагические предвестия будущего, при этом используя абсолютно безобидный жанр сказки, где добро всегда побеждает зло. «Убежище» — это книга, которую в первую очередь надо прочитать взрослым, потому что от них напрямую зависит, какими будут их дети, когда повзрослеют.

По правилам сказки в ней всегда есть чудо. Чудеса начинаются с первых страниц (встреча Севы с говорящей лягушкой) и продолжаются на протяжении всей книги: это и чертоги Снежной Королевы, это и подземная пещера-полость, в которой можно спастись от нашествия. По композиции сказка К. Булычева похожа на фольклорную, но при этом является индивидуальным вымыслом автора, современным и своевременным. Испытания, которые ждут героя, будут необычными и интригующими.

Главный герой Сева Савин проходит испытания, достойные фольклорных героев. Ему предстоит дальняя дорога, подвиги, распутье и выбор. Любимый герой К. Булычева — это обыкновенный и в то же время необыкновенный, по-своему уникальный для нашего времени ребенок с потрясающей верой в чудеса. Он становится защитником слабых, беззащитных, глупых существ на земле. Он удивляет своей непосредственностью, искренностью, застенчивостью.

В любой сказке добро и зло воплощаются в людях, живущих рядом. Положительные и отрицательные герои живут и в «Убежище».

Разумные существа волшебного мира представлены хотя и отрицательными персонажами, но более наивными по сравнению с людьми. Ни один из отрицательных героев волшебного мира не выполняет доверенную ему работу честно. Они, как и люди, погрязли в алчности, обмане, лжи, но их пороки не способны разрушить их мир. В этом главное отличие отрицательных героев людей от сказочных персонажей.

Положительные взрослые персонажи искренне заботятся о своих детях, не мешая остальным людям и не нарушая их прав. Бабушка Севы и бабушка Лолиты знают много сказок и всячески поддерживают веру внуков в чудеса. Роль бабушек в нашей жизни бесконечно трогательна и мила, их любовь несравнима даже с родительской любовью. Они являются связующим звеном (живым звеном!) между прошлым и настоящим.

В одной из глав действующим лицом становится и сам писатель Кир Булычев. Нам кажется, что автор не просто повествователь, а очень важный герой, который ставит перед собой задачу показать, как изменился мир, что утратил. Но писателя больше волнует мир детей, и поэтому в сказке дети занимают особое место.

Сева Савин — главный герой сказки, особенный ребенок, который становится защитником, спасителем удивительного мира природы, а значит, и сказок. Характер Севы воплощает мысли

и чувства автора, его идеал: «Сева был страшно легкомысленным выдумщиком, и если бы волшебников не было на самом деле, он бы их изобрел. Сева был уверен, что не все сказочные существа вымерли, в лесу Сева был своим. Звери и птицы, которые других людей боялись, его просто не замечали, как не замечали друг дружку. В лесу Сева начинал все нюхать, как настоящий тамошний житель. Он различал в сто раз запахов больше, чем все остальные люди, и поэтому не любил, когда рядом курили».

Только Сева из всех детей лагеря «Елочка» замечает, как «через сотни шагов под кустами стало меньше банок из-под пепси-колы и пива, а также пластиковых пакетов; и с горечью признает, слушая деда-лесовика, что озоновый слой разрушается». Сева способен на искреннюю жалость и сострадание, он единственный в лагере, кто умеет почувствовать чужую боль. Сева спасает беззащитную лягушку абсолютно бескорыстно, не боясь более сильных физически ребят. В этот момент он не думает о себе. Его порыв искренен (как и все то, что он делает). Его нравственные черты и привлекли внимание Снежной Королевы, которая может доверить Севе спасение волшебного мира.

Севу ждут серьезные испытания, но он их с достоинством преодолеет: разоблачит негуманитарную деятельность гуманитарного фонда, остановит уничтожение Байкала, спасет Убежище от гибели, предоставит волшебным существам дорогу в их волшебный дом...

Если мы сравним Международный Унитарный Фонд Развития (МУРФ) из произведения К. Булычева и «Золотой Миллиард» (термин «Золотой Миллиард» приобрел в последнее время широкое хождение на Западе и стал означать население 24 стран Европы и мира, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), задача которой — развиваться по определенному плану и держать все остальные страны в неразвитом состоянии, в качестве сырьевого придатка и зоны сброса вредных отходов), то вырисовывается страшная картина. Связь «Золотого Миллиарда» и деятельности МУРФа очень хорошо прослеживается в произведении. Автору-историку ли не знать о том, как может быть опасна для общества теория превосходства одних людей над другими? Вот они, скрытые аллюзии К. Булычева! Булычев в своей сказке очень близок к традициям произведений В. Астафьева.

В. Астафьев и К. Булычев в своих произведениях предупреждают читателей о многом. Предостережения авторов об отрицатель-

ных явлениях современного мира поражают своей очевидностью, прямолинейностью. Это и нравственная катастрофа, и экологические проблемы, и глобальные проблемы России, цивилизации.

Эпический жанр сказки позволяет К. Булычеву в доступной форме донести до читателя злободневность и мораль, но самому не стать морализатором. Борьба добра и зла, заканчивающаяся победой светлых сил, в «Убежище» звучит как надежда. Нравственно искалеченное поколение современных детей все же излечится от влияния навязываемой чужеродной культуры. Духовно-нравственная катастрофа, поглотившая целое поколение российских детей, изменила генетический код нашей нации на прямо противоположный, где коллективизм сменяется индивидуализмом, взаимопомощь — нездоровым соперничеством, образованность — бескультурьем, вежливость и воспитанность — хамством.

Мальчик Сева — это олицетворение нравственного начала, не подверженного влиянию «модных пустышек» современного мира. Напрашиваются параллели между главным героем и Всеволодом Можейко, отцом К. Булычева, представителем уходящего нравственного, светлого поколения. Образ Севы — реквием по чистоте, нравственности, служению идеалам добра, реквием по уходящим безвозвратно поколениям наших бабушек и дедушек, отцов и матерей. Так писатель связал прошлое и настоящее.

К. Булычев в «Убежище» пытается сохранить Байкал. В его произведении отрицательные герои хотят уничтожить озеро. В. Астафьев в «Васюткином озере» сожалеет о том, что наступление цивилизации может погубить великую реку Енисей. Оба писателя предостерегают нас от необдуманных поступков. Они видят мир одинаково. Он кажется им светлым и красочным. В. Астафьев и К. Булычев делали все, чтобы наш мир не стал серым. И хотя их уже нет в живых, память о них навсегда останется в наших сердцах.

После прочтения книг К. Булычева и В. Астафьева глубже задумываешься об окружающем мире и собственном месте и роли в этом мире. Задаешься вопросами: а что зависит от меня и как я могу повлиять на процессы современного мира? Пока в жизни будут существовать персонажи, олицетворяющие зло, пока власть будет поддерживать их, они будут оказывать большое влияние на развитие цивилизации. Значит, труднее будет на Земле сохранить Добро. Но я точно знаю, на чьей стороне я.

(Печатается в сокращении)

Источники и литература:

Булычев К. Твердый переплет. — М.: Элмонт, 2004.

Анастасия Сивохина

Тема войны в произведениях О. К. Селянкина

В книгах О. К. Селянкина почти нет автобиографических сведений. Родился он 23 апреля 1917 года. С четвертого класса начал учиться в Чусовом, в школе № 8, позднее — в школе № 25 и далее — в железнодорожной школе № 75, которую окончил с отличием. Увлекался физкультурой, так как усиленно готовил себя к военной службе и с седьмого класса хотел быть военным моряком. Имел значки ГТО, ГСО, ПВХО и «Ворошиловский стрелок».

Я узнала, что в нашем городе проживает Вера Афанасьевна Андрейчикова (Ганзий). Благодаря ей, заслуженному врачу России, мы узнали новое об О. К. Селянкине, ее однокласснике и близком друге. До сих пор она рассказывает со слезами, как ей, дочери врага народа, отказали в выдаче аттестата и как прямо на выпускном вечере юный Олег Селянкин сдал свой главный экзамен — на звание человека, заявив: «Не будет документа Верочке Ганзий, никто из класса за аттестатом не придет». Директор Егор Парфенович Матвеев сдался — документ об образовании ей выдали. А потом одноклассники разъехались кто куда. Вера Афанасьевна окончила медицинский институт, воевала в партизанском соединении Ковпака.

Ее младшая сестра, Лидия Афанасьевна Ченцова, подтвердила рассказ об Олеге Константиновиче и добавила, что он был заводитой в классе, выдумщиком, шалуном. Однажды на уроке учительница литературы Анна Ивановна Рубан попросила его прочитать вслух сочинение, заданное на дом. Олег поднялся и начал читать. Класс, как всегда, заслушался, стало тихо-тихо. Учительница поблагодарила Олега, объявила, что ставит «пять», разрешила сесть на место, но Верочка видела, что тетрадь его была абсолютно чиста. Вот тогда, наверное, и начал проявляться его писательский дар.

Поделится воспоминаниями и Леонард Дмитриевич Постников. Он также показал фотографии и картину народного художни-

ка СССР Е. Н. Широкова «Диалог», где Олег Константинович Селянкин, писатель, бывший чувовлянин, изображен в диалоге с самим собой — боевым офицером морской пехоты.

В 1937 году О. К. Селянкин поступил в Ленинградское высшее военно-морское училище связи имени С. Орджоникидзе, и только потому, что оно первым из подобных учебных заведений попало в поле зрения. На втором курсе, в 1939 году, был переведен в Высшее военно-морское училище имени М. В. Фрунзе по классу подводного плавания и закончил его в марте 1941 года.

Службу подводника будущий писатель начал на «Щ-317», а в июне 1941 года был переведен на «К-54», с экипажем которого, включенным в батальон морской пехоты, ушел на сухопутный фронт. Военная судьба провела его почти по всем сражениям Отечественной войны. Был неоднократно ранен, награжден различными орденами и медалями, предан военному трибуналу, исключен из партии, затем амнистирован.

Мирная жизнь писателя поначалу не ладилась: не было специального образования. Но потом его приняли в Пермский речной техникум на должность преподавателя навигации, общей логистики и внутренних водных путей.

Далеко не сразу стал он известным писателем. Новое дело давалось нелегко. В 1946 году был написан первый рассказ «Из дневника морского пехотинца», после публикации которого Селянкин познакомился со многими пермскими литераторами. Особенно близки ему были А. Н. Спешиков, Б. В. Ширшов, А. Л. Матросов, В. А. Черненко, Б. З. Фрадкин, В. И. Радкевич, Л. И. Давыдычев, А. Л. Решетов, А. М. Домнин, А. Д. Крашенинников, И. В. Зырянов, Н. Н. Вагнер, К. Я. Мамонтов.

В 1972 году О. К. Селянкин был избран ответственным секретарем Пермской областной писательской организации и успешно занимал этот пост более 13 лет; избирался членом правления Союза писателей Российской Федерации. За плодотворную литературную и общественную деятельность О. К. Селянкин награжден орденами «Знак Почета», «Дружба народов», Отечественной войны I степени, удостоен звания «Заслуженный работник культуры РСФСР».

В 1972 году Пермским книжным издательством был выпущен роман О. К. Селянкина «Стояли насмерть», в котором автор отразил события от начала окружения и блокады Ленинграда до Сталинградской битвы — коренного перелома в ходе войны.

Все происходящее показано через восприятие главного героя Михаила Федоровича Норкина. Самым поразительным в этом романе мне показалось то, что Норкин в отношениях со своими подчиненными на первый план ставил заботу о них. Каждый человек был ему по-своему дорог. В страшной, кровопролитной войне герой Селянкина не утратил своих человеческих качеств, таких как смелость, находчивость, решительность, строгость. Своим живым, холодным, аналитическим умом, интуицией, памятью и мужеством покорял многих, поэтому взвод, которым он командовал, любил и уважал его. Норкин руководствовался одной из заповедей подводников: не волноваться и не терять власти над собой.

Проза Селянкина во многом автобиографична. Автобиографические черты мы находим и на страницах романа «Стояли насмерть», где главный герой, так же как и О. К. Селянкин, постиг все премудрости минной войны на Волге. Автор свои воспоминания передает в романе через восприятие Норкина. Писал Селянкин не ради славы, не ради имени. он избегает эмоциональной, экспрессивной лексики, так как люди за время войны научились прятать свои чувства и выражали их через поступки. Отличительным признаком романа является насыщенность действием, лаконичность, динамика повествования. Роман изобилует именами, но за каждым из них стоит определенная, реальная личность. Автор старается вкратце рассказать о каждом из тех, с кем он тесно сошелся: «Говорят, что на войне люди привыкают к смерти. Нет, к ней привыкнуть нельзя. Потеря даже того, с которым познакомился час назад, оставляет надолго отпечаток в душе, и потеря каждого была для остальных болезненно ощутима».

Первая часть романа О. К. Селянкина «Костры партизанские» была опубликована Пермским книжным издательством в 1982 году, а вторая часть — в 1983-м. В этом романе автор рассказывает о событиях, происходивших на Смоленщине, в селах Слепыши и Степанково, в первые дни и месяцы Великой Отечественной войны, о зарождении и деятельности партизанских отрядов в глубоким тылу врага. Главная мысль романа выражена в словах М. И. Калинина, которые автор использует в качестве эпиграфа: «Дело не в том, чтобы прожить как можно дольше, а в том, как прожить, как сделать, чтобы твоя жизнь была максимально полезной для народа...»

Главным героем «Костров партизанских» является Иван Степанович Каргин, встретивший войну рядовым Красной армии, а закончивший командиром в партизанском отряде. Автор изображает в романе и других людей, принадлежавших к разным социальным слоям, стараясь лаконично обрисовать каждого: Василий Иванович Мурашов — коммунист, ему за 30 лет, преподаватель математики, превратившийся в лейтенанта; Виктор Капустин — комсомолец, который, окончив девять классов, отправился к отцу в Пинск и здесь встретил войну.

Интересно, что родом Иван Степанович Каргин из Пермской области, из того же поселка Шайтан, что и уже знакомая нам В. А. Андрейчикова (О. К. Селянкин в своих произведениях повествует о судьбах многих своих земляков на фронтах Великой Отечественной войны). Война неожиданно изменила судьбы людей. Проводы на фронт юношей-сокурсников, прием раненых, эшелонами прибывавших в тыловые пермские госпитали. Вчерашние девочки-выпускницы вдруг оказались среди крови и грязи войны. В первые недели они стеснялись осматривать раненых. Но это было только начало. Вскоре девчонок отправили в прифронтовую полосу, и всего в нескольких километрах от линии огня они оказывали медицинскую помощь. Война забрасывала Веру Андрейчикову (Ганзий) и под Орел, и на островок партизанского сопротивления среди брянских лесов и болот. Ее воспоминания вполне могли послужить материалом для создания именно этого романа.

Защита Отечества в годы Великой Отечественной войны стала центральной темой писателя Олега Константиновича Селянкина. Повествуя о войне, Селянкин хочет понять, какой ценой была достигнута Победа, каких невероятных жертв и усилий, мужества и героизма, стойкости и терпения она стоила. Он показывает, что в буднях войны есть все: подвиг и рядовая работа, любовь и разлука, ненависть и фронтовое братство. Самые обычные люди проходят перед нами, но на их судьбах — трагический и прекрасный отблеск грозного пламени Великой Отечественной.

Источники и литература:

Селянкин О. К. Стояли насмерть: Роман. — Пермь: Кн. изд-во, 1972.

Ксения Шахмаева

Деревенское детство Валентины Телегиной

У меня в руках — сборник известной пермской поэтессы Валентины Телегиной. Я перелистываю страницу за страницей этой замечательной книги. Какие прекрасные стихи! Голос автора, как животворный источник, родник, льется из книги, как из души умудренного жизнью человека. Эти стихи — маленькое чудо, большая радость, счастье для читателей! Каким же надо быть добрым, душевным и чутким человеком, чтобы так выразить свои мысли, переживания и думы на бумаге. Вот, к примеру, «Ода одуванчику» из цикла стихов под названием «Зеленые силы земли».

Что такое ода? И почему такое странное название «Ода одуванчику»? Постараемся дать ответы на заданные вопросы. Действительно, это парадокс. Ведь ода — торжественное стихотворение, посвященное какому-нибудь историческому событию или герою, а одуванчик — просто желтый маленький цветок, «лучик солнца на земле». Очень необычное название. Наверное, о лете, о солнце, о радости, о счастье... Действительно, это так. Стоит только прочитать начальные строчки этого стихотворения:

Желтое на зеленом,
Желтое на зеленом!
Жаркие брызги солнца
На полотне зеленом!

Сразу бросаются в глаза строчки, которые намеренно повторяются поэтессой. Два цвета: желтый и зеленый. Цвет зеленый — радость, свобода, надежда, а желтый — свет, доброта, тепло... Одуванчики повсюду, они есть и в городе, и в деревне, и в поле, и на тропинке. Это вечные спутники лета, солнца, голубого неба, земли, людей...

Глянешь ли из окошка,
Выйдешь ли за ворота —
Желтое на зеленом
Плещет с холма на холм!

Действие стихотворения разворачивается в деревне, летом, поэтому одуванчики олицетворяют и саму деревню, и все, что происходит в ней, и маленькую девочку, которая не может оторвать взгляд от волшебных цветов и выразить свое по-детски наивное любование этим чудом. Тем не менее от зоркого, ясного ока маленькой любительницы природы не ускользает ничего. Все она видит, слышит и чувствует:

Свой сарафан в горошек
Сушит божья коровка,
И жаворонок в поле
Чистит свою свирель.

Сколько же эпитетов (майский вольготный дух, сны золотые детства, желтое на зеленом) и других средств выразительности отдано одуванчику! Воспоминания детства, которыми полна душа поэта, так и просятся на волю, так и льются в этих строках:

Что ты со мною сделал,
Маленький одуванчик!
Сотнями кротких свечек
В сердце ты воссиял.

Бесконечные повторы усиливают эмоциональное состояние каждого, читающего это стихотворение:

На обдувань ветру,
На поклоненье солнцу,
На обновленье жизни
Бог тебя в мир послал...

День уже клонится к вечеру. Скоро ночь вступит в свои права, мглою окружит землю, усыпит детишек в кроватках, даст отдых работникам, цветам, травам, деревьям и всему живому. Закрываются венчики цветов, головки их поникли, они уснули... Чудо дня исчезло, волшебство пропало. Но надежда осталась! Да, завтра и в будущем чудо непременно повторится, забудутся печали, обиды и болезни, наступит новый день, который принесет с собой радость, свет, тепло и... частичку солнца — волшебные летние цветы, исполнители желаний — одуванчики!

Детство многих русских писателей и поэтов прошло в деревне. Их воспоминания об этом и впечатления читатели обнаруживают впоследствии в замечательных стихах, рассказах, повестях, романах. Хочется обратиться к творчеству двух великих людей XX века — В. Ф. Телегиной и В. П. Астафьева. Поэта и прозаика. Какие это замечательные люди и какие прекрасные у них произведения! Хочется читать не останавливаясь эту лирику и прозу — столько воспоминаний, чувств, эмоций и настроений сокрыто в них!

Но давайте вспомним, с чего все начиналось. Ведь истоки души, мысли и творчества именно в детстве, именно в этот период жизни человека закладывается самая главная и важная ступенька для дальнейшего развития. Как же зарождался талант?

Детство этих выдающихся людей было самое заурядное. Валентина Телегина родилась 5 сентября 1945 года в Казахстане, в городе Уральске. Семья была большая. Жили возле карьера, где добывали гравий. Поселок так и назывался — Балластный карьер и находился на берегу реки Урал. Детство будущей поэтессы было тяжелое, трудное, приходилось много работать. В редкие часы отдыха летом дети купались в реке, загорали, слушали шелест листвы, ели любимую солодку, заменяющую в то тяжелое послевоенное время сахар... И все же, несмотря на все трудности, какое это было прекрасное время! Детство — чудное мгновенье, как же быстро оно пронеслось! Но воспоминания, такие добрые и яркие, остались в памяти Валентины Телегиной навсегда.

Центральный, самый главный образ детства — бабушка. Какая она была, эта деревенская женщина в синем платочке в мелкий горошек? По характеру — доброй и мягкой. Невзирая на все трудности, которые преподносила судьба, душа ее не зачерствела, не превратилась в камень, а осталась живой, внимательной и чуткой ко всем детским обидам и переживаниям. Бабушка Варвара Осиповна очень любила петь. Она пела грустные и лиричные песни, вспоминая об ушедшей молодости... Вот такая судьба. Вот такая история.

Теперь история другого дома, другого человека — В. П. Астафьева. Детство писателя тоже было не из легких. Родился он неподалеку от Красноярска, в селе Овсянка, 1 мая 1924 года. Семи лет он лишился матери. Его безрадостное детство было скрашено заботами бабушки Екатерины Петровны. Позднее, уже в зрелые годы, В. П. Астафьев написал книгу «Последний по-

клон», в которой главное место занимает образ его бабушки. Именно к ней обращена неизменная любовь писателя, всеобъемлющая, вечная, та, которая живет в сердце человека, если у него есть такой близкий, дорогой и преданный друг. И конечно же, это великое чувство благодарности, земной поклон детству.

В книге «Последний поклон» автор так объясняет свой замысел: «Бабушка, бабушка! Виноватый перед тобою, я пытаюсь воскресить тебя в памяти, рассказать о тебе людям... Непосильная это работа... Согревает меня лишь надежда, что люди, которым я рассказал о тебе, в своих бабушках и дедушках, в своих близких и любимых людях отыщут тебя и будет твоя жизнь беспредельна и вечна, как вечна сама человеческая доброта...»

Присутствие такого близкого и родного человека, как бабушка, всегда чувствуется в жизни. В детстве это добрый друг, собеседник и учитель, в старости — кумир. Хочется делать так же, как он, копировать его действия, поступки и слова, чтобы надолго запомнить, запечатлеть в памяти.

Есть в жизни каждого еще один очень дорогой и близкий человек — это мама. Mamочka! Какое прекрасное слово, ласковое, доброе! Когда на душе пасмурно, хмуро и темно, открывается неведомая дверь и, как в сказке, появляется этот милый, родной, солнечный человек. Он несет с собой тепло, радость, счастье, веру и надежду на лучшее. После этого и жизнь кажется другой, обретает значение, смысл...

Вот и в «Последнем поклоне» рядом с бабушкой появляется образ матери. Маленький мальчик так нуждается в ее присутствии! Мама рано умерла, поэтому трудно вызвать в памяти ее образ. Мама, мама... Какая ты была? Это смутное воспоминание тревожит душу мальчика, будущего писателя. Как же хочется ее увидеть, обнять, поговорить с ней! Почему эта мечта не может осуществиться? Когда-нибудь их встреча произойдет, и детская мечта сбудется. А пока нужно думать о настоящем и верить в будущее.

Есть в книге В. П. Астафьева еще один образ, не менее значимый. Это образ Родины. Что это такое? Родина — как мать в сознании человека: ей невозможно дать исчерпывающее определение, потому что это очень многогранное понятие, ведь каждый человек ее понимает по-своему, у каждого она собственная, единственная. Вот как пишет о Родине в своем стихотворении «Свете мой тихий» В. Телегина:

Свет сокровенный живет на земле,
Льется он, льется, а меньше не стало.
Кто говорит, что Россия во мгле?
Мглы над Россией вовек не бывало...

Так замечательно, что мы стали свидетелями творчества двух таких разных, но близких и талантливых людей нашего времени!

Источники и литература:

Астафьев В. П. Последний поклон: Повесть, рассказы. — Л.: Лениздат, 1982.

Телегина В. Ф. Богородская трава: Стихи. Проза. — Пермь: ООО «Маматов», 2005.

Елена Туркина

Отражение трагедии вымирающих деревень в творчестве коми-пермяцких поэтов

Каждому историческому периоду дается определенное испытание. Мы — дети XX века, века науки и техники, стремительного бега времени и одновременно века вседозволенности, отмирания общечеловеческих законов и нравственных правил, когда умение любить, уважать, беречь, чувствовать долг и ответственность становится все менее востребованным. Почему уходят из человеческого бытия эти ценности? В чем причина падения нравов?

Становление человека начинается с малой родины. Малая родина для нас — это Коми-Пермяцкий округ с его глубиной: селами и деревнями. С каждым годом их количество уменьшается. По статистическим данным, в 1980 году в шести районах округа насчитывалась 951 деревня, на 2005 год их осталось 705. Население в 1980 году составляло 159 тысяч человек, а к 2005-му осталось 136 тысяч. По Пермской области за последние 20 лет прекратило существование 5 тысяч деревень.

Изучив документы и проанализировав стихи коми-пермяцких поэтов, я хотела в своей работе помочь людям задуматься над одной из трагедий XX века — вымиранием деревень, кото-

рая влечет за собой другую трагедию — потерю человеком главной своей опоры, которая поможет не упасть в жизненной круговерти, поможет сохранить в себе человека, — а именно души.

Изучать современного поэта в определенном смысле легче, чем поэта средних веков. Полюбив его произведения, хочешь узнать и о нем самом: откуда он вышел, как сформировался, кто повлиял на его творчество, каковы его убеждения.

Анна Юрьевна Истомина родилась 17 февраля 1964 года в городе Кудымкаре. После окончания школы работала на заводе, заочно училась в местном сельхозтехникуме. Позже закончила Литературный институт имени М. Горького и была принята в Союз писателей России.

Стихи А. Истоминой разные: о природе, о людях, об исторических событиях. Но я остановлюсь на одной из ее любимых тем — теме деревни — и постараюсь показать трагедию вымирания деревень.

Умирующие деревни... Когда в доме умирает человек, безутешно горюют родственники. А если умирает деревня — какое количество людей должно рыдать?.. Каждое стихотворение А. Истоминой на эту тему словно крик о помощи, точнее — плач об умирающей деревне:

Как голубицы с грязными крылами,
Нахохлились избушки у дорог.

Особенно пронзительны стихотворения «Деревня» и «Мать явилась к дочери». «Эта зимняя скатерть» — так начинается одно из самых сильных, по мнению самого автора, произведений из цикла о деревне. Это стихотворение о деревне, где прошло детство автора. Всего восемь строк, а проблема заброшенных деревень затронута очень глубоко. В первой же строчке использована метафора «зимняя скатерть», которая показывает пустоту деревни, ее заброшенность и безлюдность. Прием олицетворения еще более усугубляет картину: «молчит деревенька», «застрял в ее горле ком».

При встрече с А. Истоминой я задала ей вопрос: почему деревня показана именно зимой, в это холодное, не совсем радостное время года? «Не знаю, случайно ли, — ответила она. — Каждый трактует стихи по-своему. Но зима для меня — это холод, безлюдье

и тоска». На вопрос «Почему «мысли спят»?» поэтесса ответила: «Нет никаких мыслей, потому что происходит деградация людей. В целом все стихотворение — это отражение настроения...» А прямое мнение самой поэтессы о заброшенных деревнях таково: «Для меня деревня — это прежде всего Родина. Заброшенная деревня — заброшенная Родина».

«Мост» — стихотворение, каждое слово которого — упрек, укор и тоска, хотя произведение открывается образом человека как спасителя. Только человек способен сохранить, сберечь, любить и помнить. Мостик ждал, радовал и радовался людям. Но «время ускорилося». Именно ускоренность времени не дает человеку возможности задуматься, оглянуться, поэтому и селение, и мостик оказались заброшенными. Это приговор. Автор описывает постепенную заброшенность деревни: сначала мост построили — было много людей в деревне; затем люди переехали, бросили деревеньку: «...уходят все чаще, приходят все реже».

А. Истомина в этом стихотворении описала беду деревни последовательно, от начала до конца. Не услышанным остается вопрос: «А люди? Где вы, земляки мои, где же?..»

Прочитав и проанализировав стихи А. Истоминой, я с радостью отметила для себя, что каждое слово, каждая строчка ее стихов проникнута любовью к Парме, полны дум о ней. Картины неброской природы родного края наталкивают на раздумья о жизни, о человеке, его ответственности перед потомками. Повторяя истоминские строки «Родная Парма, дом родимый, я к вам привязана сильнее всего...», хочу отметить, что любовью к Парме, ответственностью за нее проникнута не только каждая строчка, но и каждое дело жизни поэта.

Еще один поэт Пармы Федор Истомин в своем творчестве также не обошел трагическую тему вымирания деревень. Родился Ф. Истомин в 1954 году в деревне Сидорово Кудымкарского района. После окончания Кувинской школы учился в профессиональном техническом училище, затем работал корреспондентом окружной газеты. После службы в армии снова работал в газете и в Коми-Пермяцком отделении Пермского книжного издательства. Закончил Литературный институт. С 1988 года — член Союза писателей.

Перечитывая его сборник «Утренние снегири», я узнаю историю моей родины:

Забрали деда. Статью пришили.
Безвинный стал виновен вмиг.

Главные темы творчества поэта связаны с образом дома. У каждого человека должно быть место, где он будет чувствовать себя защищенным. Окунувшись в лирику Ф. Истомина, начинаешь понимать, какое важное значение для его лирического героя имеет образ дома. Дом, квартира, семейный очаг — не единственное его значение. Существуют и другие: дом — это стержень, на котором держится человек; дом — это точка отсчета будущего. Автор утверждает: «Кем бы вы ни стали, как бы удачно ни сложилась ваша жизнь, все равно чувство Родины, любовь к ней, тоска по ней вечны»:

Снился край, до проталинки милый,
Снился добрый отеческий дом.

Тема дома в творчестве Ф. Истомина неразрывно связана с темой родины, деревни. По-разному отражена эта тема в творчестве поэта, в том числе и как проблема вымирания деревень. Ярко и глубоко отражена она в стихотворении «Изба»: построенная — «радость в душу льется», нежилая — «всего больней, пожалуй», разобранная — «гаснет радость, мне обиды не избыть», «спит или больна», «ждет хозяина она». Образ «мертвой тяжестью замка» помогает представить ужас нежилой избы, потаенную горькую думу. В стихотворении Ф. Истомина эпитет «мертвый» синонимичен слову «саван» у А. Истоминной.

В стихотворении «Шутем» (невспаханное поле) автор очень точно обозначил беду деревни. Местность деревни и все, окружающее ее, — картина глубокой заброшенности. Автор использует прием олицетворения, разговорную лексику, чтобы показать свое отношение к происходящему беспорядку: «слопал ельник тополя», «скелет замшелого колодца». При помощи метафоры автор выражает боль, которую испытывает при виде такой деревни. Символом заброшенности является образ крапивы: «Мне душу жжет крапивы пламя».

Образ Родины в творчестве Ф. Истомина часто сводится к образу Дома. Эти два понятия переплетаются в его стихах. Если в творчестве А. Истоминной звучит надежда («мостик ждет»), то стихи Ф. Истомина более трагичны («скелет колодца»).

Проанализировав творчество поэтов по данной проблеме и произведя сравнительный анализ, я выявила сходные образы: забытая деревня, забытые окошки, добрый дом, молчащая деревенька, шуршащая лебеда. Это сходство — отражение равнодушного отношения поэтов к трагедии деревень. Благодаря художественной литературе, поэзии человек может одуматься, попытаться исправить свои ошибки, понять, что без прошлого нельзя иметь счастливое будущее, потому что человек без прошлого — это человек без будущего.

(Печатается в сокращении)

Источники и литература:

Ожерелье Пармы: Стихи коми-пермяцких поэтов. — Кудымкар, 1999.

Истомина А. Ю. Белые птицы. — Кудымкар, 1994.

Истомин Ф. С. Утренние снегири. — Кудымкар, 1991.

Павел Пустовалов

Гении Виктора Астафьева: Владимир Армишев

Впервые я услышал о Владимире Васильевиче Армишеве в мае 2005 года на Астафьевских (малых) чтениях. Меня поразили этот человек прежде всего своей разносторонностью. Сам себя вылечил от туберкулеза в последней стадии и выжил вопреки всем законам медицины. Он был настоящим гением. А когда ушел — о нем забыли. Но он успел сделать достаточно, чтобы вернуться, хотя бы как воспоминание. Я решил узнать об этом человеке как можно больше и внести посильный вклад в возвращение Владимира Васильевича.

Первым шагом по дороге возвращения Армишева домой можно назвать статью В. П. Астафьева «Город непризнанных гениев» (газета «Сельская новь», 1994, № 9), в которой Виктор Петрович не называет имя Армишева, но по тем изобретениям, о которых упоминается, мы понимаем, что речь идет именно о Владимире Васильевиче.

В этой статье Виктор Астафьев говорит о том, что Армишев был ни мало ни много гениальным человеком. Он был художни-

ком, изобретателем, поэтом, математиком, музыкантом, композитором. Здесь же приводятся некоторые изобретения «чусовского левши» (шар-танк, генератор, преобразующий энергию ветра в электрическую и при этом не имеющий вращающихся частей) и сведения о том, что Владимир Васильевич был незаурядным художником. Он прекрасно рисовал маслом. Пробовал рисовать цветными опилками. Рисовал на железе и стекле.

Позже я узнал, что рисованию он обучился самостоятельно. Вообще он многому научился сам. Умел прекрасно играть на фортепиано, и это признавали не только обыватели, но и специалисты. Пробовал себя и как композитор. Написал музыкальное произведение, которое называлось «Весенняя песенка». Творение композитора-самородка музыканты города оценили, и потом эту песенку стали разучивать с детьми в детских садах Чусового.

Также Владимир Васильевич создал поразительную систему счета, позволявшую ему извлекать любой корень из любого числа и моментально решать сложнейшие задачи. Студенты физико-математического факультета, встречаясь с ним, были восхищены его способностью производить в уме сложнейшие математические расчеты: за несколько секунд гениальный Армишев решал задачи, которые они, физики, программировали на ЭВМ не один день.

Даже систему музыкальной грамоты он пытался реформировать, считая, что семь нот — это слишком мало для создания гармонии. Его новая система была настолько проста, что ею мог легко овладеть даже ребенок.

В одной из статей критика Шемшука («Мой друг и учитель») я прочитал следующую фразу: «...однако большую часть своей жизни представлялся художником». Я решил найти работы Армишева-художника и узнал, что в Центре художественного творчества, который размещается в здании КДЦ, есть картотека, содержащая сведения обо всех художниках Чусового. В ЦХТ меня встретили радушно и на вопрос, есть ли у них что-нибудь об Армишеве, ответили: конечно, есть. И даже сказали, что проходила его выставка, причем недавно. Меня это почему-то не насторожило, хотя я знал, что Владимир Васильевич уехал из нашего города давным-давно и работ его в Чусовом почти не осталось.

Чуть позже я понял, что в ЦХТ говорили о другом Армишеве, брате Владимира Васильевича, который был не менее талант-

ливым художником, но не стал ни поэтом, ни изобретателем. В ходе дальнейшей работы я установил, что как художник Владимир Васильевич в Чусовом известен лишь узкому кругу людей и единственные экземпляры его работ хранятся в музее В. П. Астафьева.

Второй огромный шаг по дороге возвращения Армишева домой — это сборник его стихов «Живопись мысли». Сборник потрясающих стихов, которые приняли и оценили не только любители поэзии. Стихи получили восторженный отзыв знаменитого земляка, литературного критика В. Я. Курбатова. Валентин Яковлевич выразил свои мысли и чувства в работе, посвященной Владимиру Армишеву, которая называется «Связанный свободный»: «Это поэзия «не поэтическая». Ее красота не в легкости стиха и безупречности формы (хотя автор законы метрики и гармонии знал и пользовался ими). Ее красота — в постоянном напряжении мысли, часто затрудняющей стихи, но тем вернее стягивающей нас в свое силовое пространство. Эта мысль широка и многостороння, порой каждое четверостишие просится быть развернутым. Сжатая пружина послышки требует отдельного эссе. Нам, таким экономным, жалко, что он так щедр. Мысль так хороша, что хочется пожить с ней подольше. Вот хоть это:

Знал мир слова-стихотворенья:
Предтеча, сень, благодаренье...
Рожденный строем суматохой,
Я все ж к потере не привык:
Отходит с варварской эпохой
Прекрасный варварский язык».

Мне также стало известно, что теперь к изданию готовится вторая книга произведений Армишева. Еще одну книгу пишет дочь Владимира Васильевича, Наталья. Будем надеяться, что жизнь и творчество Владимира Армишева не оставят равнодушными ни литературных критиков, ни простых людей.

Возникает вопрос: где и кем мог работать такой одаренный и многосторонне развитый человек? Мне стало известно о некоторых местах работы Армишева: лаборант в школе № 9, корреспондент газеты «Чусовской рабочий», где он и познакомился с начинающим тогда писателем и журналистом Виктором

Петровичем Астафьевым. Также известно, что Владимир Армишев работал в объединении «Пермнефтеоргсинтез» художником-оформителем. Устроился он туда очень необычно: придя к директору предприятия, заявил, что в их помещениях невозможно работать, а он готов разработать дизайн помещений, который поможет увеличить производительность труда. Директор принял на работу «наглого» художника, и тот с блеском выполнил свое обещание. Но потом Владимир Васильевич все равно уволился, заявив, что эта работа не приносит ему удовлетворения.

Конечно, в жизни и творчестве Владимира Армишева еще много белых пятен, но я надеюсь, что со временем их будет все меньше и меньше. И я думаю, что мы, чусовляне, должны гордиться тем, что Владимир Васильевич был нашим земляком, и, несомненно, мы должны признать его гениальность. Про таких людей говорят, что они надолго опередили свое время. Но даже таких людей иногда забывают, что, к сожалению, случилось и с Армишевым. Мне кажется, его забыли незаслуженно и нужно исправить эту несправедливость, в которой виновато не время, а мы сами.

Источники и литература:

Материалы фонда ГОУК «Литературный музей В. П. Астафьева» (г. Чусовой).

Антон Лузин

**«А может быть, стоит поверить траве...»
(О живописном и поэтическом наследии
частинской земли)**

С трепетной любовью и особой гордостью мне хочется рассказать о своих земляках, людях, живущих на частинской земле, людях поистине талантливых. Они не просто любят свой край, но и воспевают его русским поэтическим словом и живописной кистью.

Уважаемый читатель! Попробуй вместе со мной услышать, увидеть и почувствовать сердцем то прекрасное, что несут в себе живописные произведения Павла Тимофеевича Герасимова в слиянии со стихами поэтов-самородков моей малой родины

Михаила Ивановича Лузина и Владимира Ефремовича Никифорова — на фоне музыки Чайковского, Рахманинова, поэзии Тютчева, Бунина, прозы Астафьева.

Живописные пейзажи «Полевой дорогой», «Воспоминания об осени», «Февраль», «Весна»... Автор этих картин — скромный художник из села Частые Пермского края Павел Тимофеевич Герасимов, чья жизнь уже перешагнула 50-летний рубеж. Радость и печаль в этой жизни всегда были рядом, вот почему Павел Герасимов научился ценить каждую минуту радости. Он умеет восхищаться природой родного края и бесконечно удивляться простым земным чудесам, перенося их на свои замечательные картины, милые и добрые, завораживающие и проникновенные.

Несколько лет назад этого красивого, интеллигентного человека сразил страшный недуг. В результате тяжелых болезней, которые преследуют художника до сих пор, он потерял слух. И теперь именно работа над картинами, любовь к жизни помогают ему выжить в борьбе со своим недугом. Павел Герасимов как бы продолжает подвиг тех людей искусства, которые своим личным примером доказали, что даже страшные болезни не смогут сломить человека, если он по-настоящему влюблен в свое дело.

Жанр пейзажа художнику ближе всего, потому что еще в детстве и юности возникла у Павла Тимофеевича любовь к природе, ее красоте и разнообразию. «Вот чудо жизни, — как бы олицетворяет П. Т. Герасимов слова писателя В. П. Астафьева, — ничто в природе не приедается, не утомляет просторами, все как в первый раз, но с годами пронзительнее и невыразимо прекраснее. И может быть, стоит поверить траве, что смерти нет?» Что мне известно о пейзажах Герасимова? Они автобиографичны. Это особые места в жизни художника. «Перелистаем» эти картины.

Первая из них — пейзаж «Полевой дорогой». Прежде чем начать разговор об этой картине, предлагаю вам окунуться в беззаботный, счастливый мир лета, ощутить каждой клеточкой своего тела солнечное тепло, легкое дуновение ветерка, услышать завораживающее пение соловья. Мысленно окиньте взглядом разноцветье луговых трав, вдохните свежего, чистого, теплого воздуха и в созвучии с этим пейзажем попытайтесь сердцем услышать слова поэта-самородка частинской земли Владимира Никифорова, воплощенные художником Герасимовым в картине:

Я иду шиханом,
отчий край-приволье,
Не ишу прекрасней
четырех сторон:
Справа — бор высокий,
слева — луг и поле,
Облака в барашках,
синий небосклон.
Ты ли, мое детство,
здесь, купаясь, плыло
На заре-на зорьке
в утренней красе?
За холмом над Камой
солнышко всходило,
Полоскались травы
в медяной росе.
Шевелились ели,
елочки-лапушки,
Выводили сосны
кружевной узор.
Повтори мне гимны
прежние, кукушка,
Мудрая гадалка,
вольный дирижер.
Подари мне, память,
радость босоножья,

Девушки-русалки
безмятежный пульс.
Я прильну губами
к травам придорожья,
Захмеленным соком
в родниках напьюсь.
Хоть испил немало —
пригубить бы надо
В горькое похмелье
сладости чуток.
Отчий край не бросит,
сына не разлюбит,
Открывай калитку
в материнский дом.
Воздухом родимым
душу приголубит,
Освятит на счастье
сердце божеством.
Я иду шиханом,
отчий край — приволье,
Не ишу счастливей
четырех сторон:
Справа — бор высокий,
слева — луг и поле,
Облака в барашках,
синий небосклон.

Оба героя-автора — художник и поэт — полны воспоминаний детства и юности. Через многие годы жизни они бесконечно радуются тем чувствам, которые сохранила их память, и одновременно грустят об ушедшем.

На пороге — прожитая жизнь, и каждый анализирует ее по-своему. Владимир Никифоров:

Пронеслись мимолетные грезы,
Беззаботные минули дни,
Словно осенью листья березы
Незаметно промчались они.

А вот перед нами замечательная картина Павла Герасимова «Воспоминания об осени», которую когда-то подарил художник директору нашей школы Г. Н. Бочкаревой как воспоминание об их совместной учебе в школе. Осенний пейзаж напоминает художнику уголок природы из детства: радующая глаз долина у реки и березовая рощица. Это одно из любимых мест его юности. Пейзаж прекрасен, но навеивает грусть. В лесу чувствуешь покой, ласковую и нежную тишину, которая так и окутывает тебя. Эта картина, как мне думается, настраивает на глубокие раздумья. У каждого они свои, эти чувства и воспоминания. Если задуматься, можно услышать свой внутренний голос.

Вглядываясь в осенний пейзаж Павла Герасимова, подводит итоги прожитых лет и другой поэт частинской земли Михаил Лузин, всю жизнь проработавший учителем истории Мельничной школы. На фоне осеннего настроения Герасимова мне вдруг слышатся его поэтические строки:

Уж октябрь раздевает березки,
Моет дождик чье-то окно,
Как понять мне души отголоски,
Если это нам суждено...

Необычно? Загадочно? Неожиданно? Наверное... Но все-таки попытаемся понять, домыслить, почему вдруг на фоне осеннего пейзажа-воспоминания приходят на память именно эти строки? В них слышится грусть по безвременно ушедшим годам, глубокие раздумья, душевные переживания, мысли о предопределенности судьбы.

Осень... В ее дыхании перекликаются две судьбы, два образа, две жизни, которые объединила она, эта печальная осенняя песнь.

Время летит быстро, проходит грусть, ненастье, и не успеешь оглянуться, как:

В синей дымке голубые небеса,
Нет ни облачка барашками, ни туч,
Милой родины земные чудеса
Снежной россыпью легли на солнца луч.

В. Никифоров

Перед нами картина художника П. Т. Герасимова «Февраль». Давайте мысленно переберемся сюда, на эту заснеженную полянку. Постоим здесь. Ощутим легкий морозец. Подышим. Осмотримся. Постараемся увидеть то, что скрыто от наших глаз. Войдем внутрь созданной художником картины.

Зима... На ее фоне друг за другом возникают образы неба, снега, сказочного леса, в котором много чудес. Русская березка, так изысканно изображенная Никифоровым:

А береза — чудеса,
Настоящая краса,
Приосела, пополнила,
Принакрыла шалью тело,
Распустила бел-наряд.
Ей бы в водах отразиться,
На себя бы подивиться.

Серебристо-бирюзовый цвет стихотворения символизирует стремление к душевному равновесию. Каждый из нас в состоянии покоя и внутренней гармонии чувствует свою связь со всем, что его окружает, полную безопасность. Погружаясь взглядом в эту голубизну в картине, успокаиваешься, становишься добрее и воедино сливаешься с бесконечными далями.

А чем же веет от этой голубизны, от бескрайнего, как море, неба, от каждого деревца, от навьюженных сугробов? Веет тишиной, которую несправедливо было бы нарушить лишним вздохом, необдуманным криком или неосторожным шагом. Большой любитель тишины писатель Виктор Астафьев, создавая свои словесные пейзажи, чутко вслушивался в тишину, в каждый ее звук, каждый шорох...

Пристально всматриваясь в краски «Февраля» и внимательно вслушиваясь в звуки зимнего лесного пейзажа, можно заметить неувловимое пробуждение природы...

Весна. Как долго мы ждем ее приближения, вглядываясь в слепые, одетые инеем окна!.. А в душах моих земляков уже говорит и шепчет, смеется и плачет, журчит и шумит весна, задавая тон всему.

Ликует все: леса и птицы,
Над речкой ивы, тополя.
Прозрачный синий пар клубится

На темных вспаханных полях.
И я, как житель деревенский,
Любуюсь раннею весной,
Волнуюсь, радуюсь по-детски
Великой силище земной.
Земля, свершеньям всем основа,
Накормит хлебом, напоит.
Весна навстречу ей с обновой
Ручьями шумными спешит!

Да, природа пробуждается, оживает и готовится радовать нас новыми звуками и красками, которые навеяны теплом и светом, любовью и счастьем нового дня. О чем-то шепчутся белоствольные молодые березки, а весенние воды уже готовы нестись навстречу наступающему дню.

Вчитываясь в поэтические строки В. Е. Никифорова, М. И. Лузина и рассматривая картины П. Т. Герасимова, можно увидеть, что все они прекрасны. Одни произведения трогают своей незатейливостью, легкостью восприятия, другие настраивают на глубокие философские раздумья. Но с уверенностью можно сказать, что ни одно из них не оставляет равнодушными. Они светятся изнутри и славят жизнь, нашу родную частинскую землю, людей, живущих на ней:

Я славлю людей Прикамья
За их вдохновенный труд,
В котором любовь и дерзанье
В едином накале живут.
По говору их отличаю,
По платью вдали узнаю,
Такие лишь здесь вырастают,
В елово-сосновом краю.
Я славлю вас, люди Прикамья,
Таковыми, какие вы есть,
А в будущем, это я знаю,
Умножите славу и честь!

Татьяна Любомирская

Белые астры

О Евдокии Семеновне по деревне ходило много сплетен и слухов. Это была пожилая женщина с маленьким, точно высохшим, желтоватым лицом, светлыми карими глазами, дряблыми, сморщенными губами и совсем седыми волосами. Она всегда ходила в старом черном платье, в черной кружевной накидке, в шляпе с широкими полями, на которой сиротливо висел пучок искусственных незабудок. Евдокия Семеновна жила на окраине деревни, в большом двухэтажном доме, построенном еще ее дедам. Позади дома располагался огород, на котором еще год назад росли всевозможные овощи, а теперь цвели поздние белые астры. Их было столько, что маленький садик казался похожим на ровный снежный сугроб. Соседи смеялись над Евдокией Семеновной, говорили, что «она на старости лет совсем от ума отстала», но все-таки помогали ей, зная, в каком бедственном положении она оказалась после того, как сын Вася ушел на фронт.

Была осень. Каждый день шел промозглый серый дождь. Крупные жемчужные капли оседали на бурых листьях, жухлой траве, тусклыми ручейками скользили по оконному стеклу... По утрам стоял вязкий, как толченый мел, туман, а когда он рассеивался, возникала тоскливая картина. Поредевшие кроны деревьев дрожали на сильном ветру. Евдокия Семеновна часто сидела у окна и, глядя на извивающуюся дорогу, прислушивалась к каждому шороху, ждала чего-то... В ее старческих пальцах стучали спицы, из-под которых спускалось что-то длинное, полосатое. Она ни с кем не общалась, и единственным ее собеседником был старый облезлый кот, вечно лежавший где-нибудь подле печки. В холодные дни она брала его на руки, гладила и, поглядев в его желтые глаза, говорила: «Вот и еще один день прошел. Осталось ждать совсем немного. Совсем чуть-чуть...»

Каждую субботу Евдокия Семеновна ходила на почту. Она располагалась довольно далеко, а Евдокия Семеновна ходила медленно, поэтому добиралась до нее где-нибудь во второй половине дня. Старый почтальон уже ждал ее и, увидев сухонькую фигурку в черном платье, выходил встречать, или мотая головой, или протягивая серый солдатский треугольник. Но в эту субботу, едва Евдокия Семеновна дошла до здания почты,

зарядил такой дождь, что ей пришлось войти внутрь. Почтальон растопил печь, заварил чай и уселся напротив нее. Он приберег для нее письмо и желал поскорее обрадовать старушку.

— Ну что, есть? — наконец не выдержала она.

— Есть, есть, — закивал почтальон, протягивая ей треугольник.

Взгляд Евдокии Семеновны потеплел. Судорожным движением распечатала она письмо и пробежала глазами неровные, написанные дорогим почерком строчки. Губы ее шевелились, и почтальон легко угадывал слова.

— Хорошие вести? — спросил он после того, как она отложила письмо и прижала ладони к горячей кружке.

— Васе дали увольнительную на три дня, — сказала она тихо. — Завтра приедет домой.

— Вот это радость, — улыбнулся почтальон. — Очень уж хочется на вашего сына посмотреть. Каким он стал.

Но Евдокия Семеновна не слушала его. Ее взгляд был устремлен куда-то вдаль.

— Нужно астры срезать, — как бы про себя произнесла она.

— Астры? Так это вы для него их выращивали?

— Да, — просто ответила Евдокия Семеновна. — Когда Вася уходил на фронт, он сказал: «Ты, мама, с астрами меня поджидай. Знаешь, с моими любимыми, белыми». С тех пор они у меня и растут. Вот только я все боялась, что он приедет, когда они уже отцветут.

Почтальон ничего не сказал, и она тоже замолчала. Допив чай, Евдокия Семеновна встала, одернула платье, положила в карман треугольник и вышла.

...Над серой крышей маленькой деревенской станции застыла прозрачная, какая-то нереально пустая тишина. Нет, звуки были: по-прежнему гулко выл ветер, со свистом вонзаясь в пробелы между черными ветвями, по-прежнему косыми всплесками падал на землю дождь, а над всем этим, где-то в замкнутом облаками поднебесье, кричали птицы. Сегодня что-то уж слишком громко.

Но старушке, съжившейся на разваливающейся от сырости лавчонке, казалось, что тишина опустилась на нее отовсюду толстой, упругой, ватной стеной. Звуки были — а его не было. Не было дорогого, так часто грезившегося ей по ночам гудка, с каким подъезжают к станции редкие поезда. За один этот звук — такой долгий,

звонкий, полный уверенности и надежды, за один этот отдающийся эхом вдали стук колес по железным рельсам — она бы отдала все...

Рельсы заносило жухлой листвой.

И гудка не было...

Поезд подошел ближе к вечеру, задержавшись более чем на десять часов. Евдокия Семеновна все это время сидела на станции. Она не могла идти домой. Она знала, верила, что ожидание ее не напрасно, что он придет, он, такой молодой и красивый, ее сын, ее Василий... солдат, боец...

Вася... Русский чуб над васильковыми глазами... пыльная солдатская тужурка, хромовые сапоги... улыбка, веселая мальчишеская улыбка, детский беззаботный смех...

Нет, не то... не будет улыбаться Вася, когда пойдет на Родину коварный враг... Первым встанет Вася, вскинет на плечо винтовку, и ни страха, ни жалости не будет в его синих очах... Вася, ее милый Вася, не даст фашистам мять ногами русскую землю...

Он смелый, он добрый, он любящий сын, он ее счастье и радость, кровиночка ее...

Ему восемнадцать лет...

С подножки вагона спрыгнул на землю стройный юноша в солдатской форме. Евдокия Семеновна рванулась к нему, ветер взрыхлил выбившиеся из-под платка седые волосы. Губы старушки задрожали...

— Вася?!

Юноша обернулся. Это был не Вася. Чужое, веснущатое лицо, вздернутый кверху нос.

— Вы — Евдокия Семеновна? — непонятым голосом спросил он, быстрым шагом военного подходя к ней.

— Да, — еле слышно прошептала старушка.

— Меня зовут Леонид Егоров, я друг... то есть был... В общем, вот, возьмите, — и юноша протянул ей смятую в кулаке серую бумажку.

Строчки поплыли перед глазами... Умер, убит... Что это? О ком это? Нет, нет, нет, нет!..

Евдокия Семеновна подняла на юношу сухие, непонимающие глаза.

— Убили его, — смушаясь, тихо проговорил Леонид. — Три дня назад... Он уж и домой собирался. А тут сражение было. Танки... Ну, он говорит: мол, подорву танк — значок получу, будет, чем маму порадовать. Пошел к орудию, а там — фриц... ну и...

Он замолчал.

— А... но письмо-то как? Я получила его вчера, ведь не мог же он... — Евдокия Семеновна смешалась, быстро достала из кармана треугольник, протянула его Леониду.

— Так ведь запоздало письмо-то, — не взглянув на треугольник, сказал солдат. — Оно уж десять дней как отправлено... Да, он еще когда при смерти был, передать вам велел... ну, как сувенир, что ли...

Солдат порывлся в карманах и достал из одного маленькую глянцевую картинку.

— В одном немецком поселке подобрал, вроде как трофей, — пояснил Леонид и то ли хихикнул, то ли всхлипнул.

Евдокия Семеновна молча взглянула на картинку. Там, на этом пестром лоскутке бумаги, была изображена улыбающаяся кареглазая фройляйн, прижимающая к груди букетик мохнатых, круглых белых цветов.

— Не знаю, как называются, — сказал Леонид, ткнув пальцем в нарисованный букет. — Красивые цветы. Он все на эту картинку смотрел. Любил, значит, цветы эти...

...Огромный, как облако, букет астр она едва могла удержать в руках. Ее пальцы зябли на ветру, соцветия качались перед лицом и мешали видеть...

Евдокия Семеновна шла по деревне, и ее светлые глаза горели странным торжеством. Люди выбегали из домов. Чудное зрелище: промозглая осень, ржавые листья под ногами, студеной дождь и раскисшая улица, а среди всего этого — маленькая женщина в черном платье с букетом ослепительно белых цветов.

— Берите, — сказала старушка, протягивая несколько тяжелых цветков вконец растерявшейся соседке — Берите! Пусть у вас будет... и вы все, все — берите!

Женщины, слишком изумленные, чтобы возражать, покорно брали цветы из рук Евдокии Семеновны. Дети, смеясь, протягивали к астрам чумазые ладошки. И каждый хоть на секунду почувствовал тепло, исходящее от сочных темно-зеленых стеблей, и ощутил свет, идущий от лепестков. Тяжелая, мрачная серость осени как будто раздвинулась, уступив место чистому, белому, нежному... чему-то такому, что сразу высушивало слезы и дарило покой сердцам.

— Возьмите, — с улыбкой проговорила старушка, протянув три цветка почтальону.

— Спасибо... — произнес он, сжав в пальцах букет. Посмотрел на пышные бутоны и тоже улыбнулся — робко и немного растерянно.

...Леонид сидел за пленницей и курил. Ему хотелось спрятаться от людей. Он боялся, что не сможет больше смотреть на эти лица.

Он боялся самого страшного для мужчины, для солдата, для простого парня, которому едва стукнуло восемнадцать, — расплакаться, если он еще раз посмотрит в эти сухие старческие глаза, без слез принявшие известие о смерти сына, увидит бескровные руки. Он боялся, что не сможет сдержать слез при виде того глухого отчаяния, которое затаила в себе эта седая старушка. Он боялся, что не сможет найти слов, чтобы хоть как-то помочь, утешить, заглушить это страшное горе. Он был зол на своего командира за то, что его, именно его из всей дивизии отправили в забытую людьми деревушку — найти мать убитого бойца и передать ей похоронку. Он боялся. И не знал, что делать.

— Возьми, — Евдокия Семеновна протянула Леониду последний, трепещущий на ветру белый цветок.

Он вскочил, залился краской. Ему было плохо как никогда. Он предпочел бы ринуться в бой с десятью, с сотней, с тысячей врагов, и бить их всех, всех, никого не щадить за одну эту старушку, за ее невыплаканные слезы...

Но она смотрела на него с тихой улыбкой.

— Возьми... это от Васи.

Он взял. Нежный, хрупкий цветок задрожал в его руке. Ему отчаянно захотелось что-то сказать, что-то важное, лишь бы не молчать.

— Я... обещаю... я буду сражаться, я буду мстить за него им всем, этим проклятым фашистам! — сбивчиво заговорил он. — Я буду убивать их всех... Я им всем... Если бы вы знали, как я их ненавижу!

Но старушка остановила его:

— Не надо.

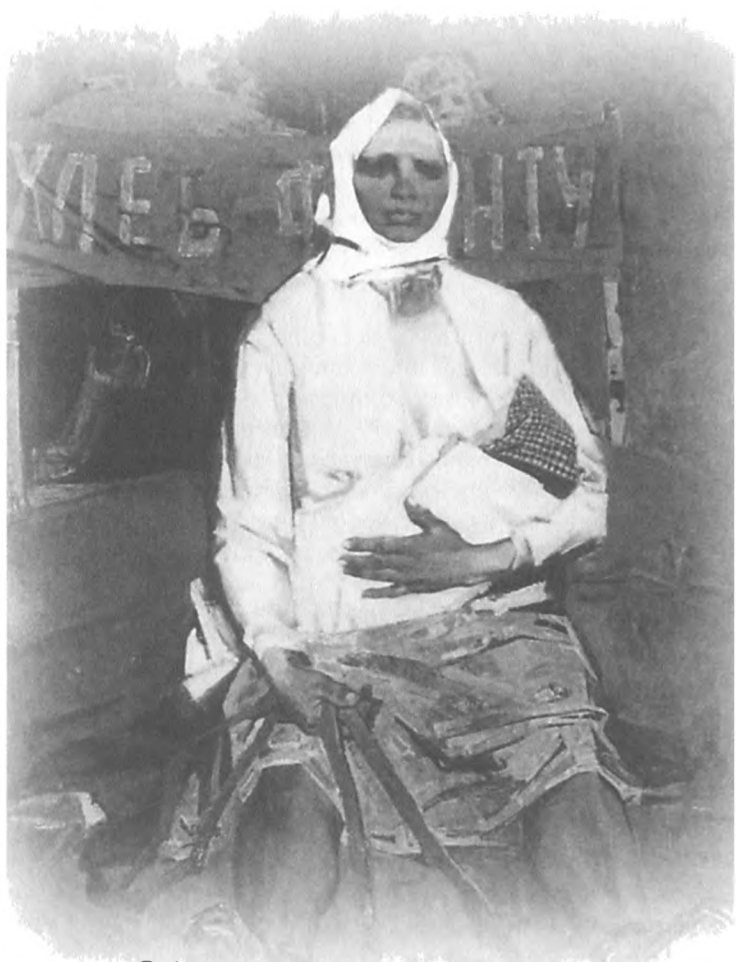
Она посмотрела на пылающее мальчишеское лицо, на судорожно сжатый в кулаке цветок, на горящие гневом и волнением глаза, и сказала:

— Не надо. У них тоже есть матери...

Красный цвет — цвет гнева и крови. Белый цвет — цвет покоя и мира. Ярость не может быть благородной. Зло с добром не могут идти рука об руку. А самое большое зло — война.

Слезы высохнут. Кровь уйдет в землю. Останется только память — вечная, как белое осеннее небо. И каждую весну на могилах бойцов будут распускаться белые цветы — как воспоминание о тех временах, что не забыты, но прощены.

Мы будем помнить. Мы сумеем простить.

Общественно-историческая секция
«Крестьянская Россия: история
и современность»

Софья Мальцева

Начало строгановского землевладения на Урале в XVI веке

Строгановы и Прикамье... Фамилия крупнейших российских солепромышленников неразрывно связана с историей освоения края в эпоху позднего средневековья и нового времени.

Хотя родовое гнездо Строгановых находилось на Русском Севере, в г. Сольвычегодске, Прикамье являлось основной областью интересов этой уникальной семьи предпринимателей, вышедших из непривилегированных купеческих слоев. Конечно, нельзя идеализировать род Строгановых как благонравную семью меценатов-патриотов, безвозмездно вкладывавшую свои средства в обустройство огромной территории. В первую очередь их интересовали природные ресурсы Верхнего Прикамья и особенно соляные источники. Естественно, Строгановы проводили насильственную политику по отношению к коренному населению, сгоняя их с родовых земель, захватывая их лесные угодья. Сильнейшей эксплуатации подвергалось и русское население, работавшее на соляных промыслах и крестьянских пашнях. Однако винить в этом Строгановых с позиции нашего времени вряд ли справедливо. Правомернее обратиться к фактам истории.

Семнадцатилетним юношей, в 1515 году, Аника Федорович Строганов по собственной инициативе заводит в Соли Вычегодской солеваренный промысел, в 1550 году он получает уже личную грамоту, по которой ему пожалована земля близ Сольвычегодска, а также дано освобождение от пошлин на шесть лет. 12 апреля 1556 года предприимчивый Строганов получает от Ивана Грозного разрешение «искать медные и железные руды на Устюге, в Перми и других местах».

Деловая активность Строгановых была отмечена правительством Ивана IV. 4 апреля 1558 года Строгановы получают царскую грамоту на земли по Каме и Чусовой, и с этого момента начинается формирование их уникальной пермской вотчины. Перепоручив Строгановым охрану и освоение уральских территорий, занятых их новой вотчиной, Иван Грозный устанавливает им льготы на двадцать лет. В течение этого срока со Строгановых не взимаются «царева и великого князя дань, ни ямские, ни ямчужные деньги, ни посошная служба, ни городовое дело, ни иные некоторые

подати, ни оброк с соли и рыбных ловель в тех местах». Выгода была обоюдной: Строгановы могли беспрепятственно добывать соль и торговать ею, а государство получало возможность разрабатывать рудные месторождения, если Строгановы таковые отыщут.

Когда люди Строгановых проникли на берега Чусовой и Сылы, им эти земли показались пустыми и необжитыми. В отличие от северных территорий, здесь до прихода Строгановых явно не имелось пашенного крестьянского земледелия и солеварения. Дело в том, что территория Среднего Прикамья до формирования строгановских вотчин не обладала укрепленными военно-административными центрами или форпостами, которые могли служить защитой для крестьян и солеваров от набегов воинственных отрядов кочевников.

Вторая жалованная грамота была дана Якову Аникиевичу Строганову 25 марта 1568 года — спустя десять лет после первой, полученной его братом. Дальнейшее расширение пермской вотчины Строгановых было связано со вхождением в 1566 году их земель в состав опричнины «с детьми, городками и промыслами». Пермьки, по жалованной грамоте, не могли оспорить переход земель во владение Строгановых. Интересно, что при освоении земель в приустьевой части р. Чусовой Строгановы получили льготы только на десять лет, а не на двадцать, как раньше. Видимо, Иван Грозный посчитал, что в своей северной вотчине они получили доходы, которые уже могут окупить их материальные издержки по освоению чусовской вотчины в более короткое льготное время. Первые царские грамоты заложили основу для существования в составе Московского государства уникального образования — уральской вотчины Строгановых, своеобразного государства в государстве, не подсудного, управляемого собственным судом, имеющего свои вооруженные силы.

Аника Федорович Строганов умер 2 сентября 1570 года. После него остались обширные сольвычегодские и пермские владения, которые было необходимо разделить между сыновьями — Яковом, Григорием и Семеном. Вокруг богатейшего наследства разыгрались нешуточные страсти.

В 1574 году Григорий и Яков Строгановы получают грамоту, которая послужит одним из оснований снаряжения экспедиции Ермака в Сибирь. Впрочем, в середине 1570-х годов у Строгановых еще нет той военной силы, которая могла бы обратить царское по-

жалование в реальные земельные владения. Яков и Григорий Строгановы поселились в пермских вотчинах, в отстроенных Орле-городке и Нижнем Чусовском городке; Семен же после опалы жил в Сольвычегодске. Яков и Григорий Аникиевичи умирают один за другим в 1577-м и 1578 годах У Якова Аникиевича был сын Григорий, но еще в 1575 году его убили разбойники во время деловой поездки вместе с дворовыми людьми, приказчиками Ананьей и Якимом, сопровождавшими своего хозяина. Таким образом, у строгановских вотчин остаются три управителя: Семен Аникиевич, Максим Яковлевич и Никита Григорьевич. Максиму Яковлевичу в ту пору шел двадцать второй год, а Никите Григорьевичу исполнилось шестнадцать.

Итак, на Урале Строгановы имели: Орел-городок, Нижний Чусовской городок, слободы Сылва и Яйва, в которых было размещено административное управление вотчинами, 11 деревень, 28 починков, 352 двора, 406 человек мужского пола (женщины и дети в то время не учитывались). Владения были разделены на четыре округа: Орловский, Чусовской, Сылвенский, Яйвинский. Спустя пять лет, 22 сентября 1584 года, между владельцами обширного Чусовского округа Семеном Аникиевичем и Максимом Яковлевичем происходит новый раздел, заодно уточняются права и других вотчинников. Семен Аникиевич получил в единоличное владение левый берег Чусовой с Нижним Чусовским городком, солеварнями и всеми поселениями на этом берегу, а также Сылвенский округ и левый берег Камы от устья Чусовой до Ласьвинского бора со всеми притоками, впадающими в Чусовую, Каму и Сылву. Максим Яковлевич отныне владел правым берегом Чусовой («Колошной стороной», так он назывался) и обоими берегами Камы вверх от устья Чусовой до острова Карышева, где шла южная граница вотчины Никиты Григорьевича. Максиму принадлежали реки Обва, Иньва и Косьва с их притоками, весь Яйвинский округ и правый берег Камы от устья Чусовой до Ласьвинского бора. Никита Григорьевич остался владельцем Орловского округа на Каме.

В 1588 году была предпринята попытка сократить пермские вотчины Строгановых в пользу государства. Орловскую вотчину Никиты Григорьевича отписали в казну. Однако в 1591 году опала с Никиты Григорьевича была снята. 7 апреля 1597 года Никита Строганов получает новые земли от прежней межи по Каме, которая была установлена еще грамотами Ивана Васильевича, вниз по реке на 55 верст, со всеми впадающими в Каму реками.

В семи километрах выше по течению Камы от современного моста, на противоположном от г. Березники берегу, ныне располагается небольшое село Пыскор. На северной окраине села есть мыс, возвышающийся над водой на 40 метров. Справа от него впадает в Каму речка Верхняя Пыскорка (Камгортка), слева находится глубокий лог. Именно здесь, на мысу, в 1558 году и возник первый городок Строгановых на Урале. Крутой обрыв служил естественной защитой от нападения со стороны Камы. Лучшее место для крепости трудно было отыскать. Первоначально городок получил название Канкор, Камкор, или Камгорт, по имени древнего городища, которое существовало на этом месте.

Строгановы выбрали место с большим расчетом, и вновь построенный городок мог контролировать все, что делается на Каме. Строительство городка шло быстро. Однако очень скоро выяснилось, что место, выбранное для первого городка, не столь удобно. Соляные выходы находились ниже по течению Камы, и Пыскор не мог их защитить. Строгановы начинают строить новый городок — Орел, или Кергедан, а Пыскор передают церкви. Есть известия, что еще до того, как Строгановым были пожалованы их пермские вотчины, т. е. до 1558 года, в районе Пыскора существовала иноческая обитель. Аника Строганов, человек набожный, решил основать на месте первого городка настоящий монастырь и пожаловал новой обители близлежащие к Пыскору земли. Перед смертью он сам постригся в монахи и некоторое время жил в Пыскорском монастыре под именем Иоасаф, но вскоре отбыл в Сольвычегодск, завещав своим сыновьям поддерживать новую обитель.

Быстро рос Орел-городок, быстро развивался его округ. Он имел 90 дворов крестьянских и пишальничьих, семь дворов пустых, церковь и несколько варниц. Одна из задач Орла-городка, городка-крепости, заключалась в том, чтобы защитить соляные промыслы и вотчинные владения Строгановых от возможных набегов. Городок имел пять наугольных башен, две из которых были «глухие» — без ворот, а три — «проезжие». Стены городка ранее были острожными, т. е. состояли из высокого тына. Около крепости располагались жилые постройки, в которых проживала основная часть населения городка, — посад. Площадь крепости составляла около 0,7 га, площадь посада достигала 5 га.

Датой основания Нижнего Чусовского городка считается 1568 год. Именно в этом году, как известно, Строгановы получили новое владение по р. Чусовой. Нижний Чусовской городок,

как и Орел-городок, был поставлен у выхода соляных растворов и с той же целью — оберегать места промыслов от возможных набегов. Располагался он в 50 верстах (53 км) от устья реки. Здесь, так же как в Пыскоре и Орле-городке, строятся деревянные укрепления. Для того чтобы предотвратить размывание берега Чусовой в районе городка, его укрепили крупными каменными плитами и вертикально вбитыми сваями. Нижний Чусовской городок и Орел-городок стали важными административными центрами, в которых располагались резиденции Строгановых и их управление.

Строгановские владения на Урале разрастались быстро, и кроме Пыскора, Орла-городка и Чусовского городка на местах, стратегически выгодных, появились другие, меньшие по размеру и численности населения, защищенные поселения-острожки: Яйвинский (с тремя починками — Бородина, Дошаникова и Яслокова), Сылвенский (где сейчас находится с. Троицкое) и Очерский (возник в 1597 году).

В заключение необходимо сказать, что, хотя Строгановы своими историческими корнями связаны с Русским Севером и были солепромышленниками в г. Сольвычегодске, ловко используя слабости русских царей и историческую ситуацию в XVI веке, они образовали в Прикамье собственную феодальную вотчину, крупнее которой были только владения великого князя и царя всея Руси. Пермь Великая и Строгановская вотчина на протяжении многих десятилетий оставались опорной базой для русского освоения сибирских просторов.

(Печатается в сокращении)

Источники и литература:

Волегов Ф. А. Документы и родословная Строгановых // Пермский край. — Пермь, 1895. Вып. 3.

Головчанский Г. П. Яйвинский острожек — новый археологический памятник XVI–XIX вв. в пределах уральской вотчины Строгановых // Археология и этнография Среднего Приуралья. — Березники, 2001. Вып. 3.

Оборин В. А. Орел-городок (по раскопкам Камской археологической экспедиции 1953–1954 гг.) // Советская археология. — 1957, № 4.

Оборин В. А. Орел-городок — русский опорный пункт в Прикамье. // Советская археология. — 1957. Вып. 3.

Оборин В. А., Корчагин П. А., Мельничук А. Ф., Соколова Н. Е. Нижний Чусовской городок: Каталог археологической коллекции. — Ильянский, 1994.

Тексты жалованных грамот // Г. Ф. Миллер. История Сибири. Т. 1.—1939.

Шишонко В. Н. Пермская летопись. — Пермь, 1881. Вып. 1.

Флетчер Дж. О государстве русском // Проезжая по Московии. — 1991.

Дмитриев А. Пермская старина.— Пермь, 1889. Вып. 1.

Андреев А. Строгановы. — М., 2000.

Татьяна Шемелина

Петр Сосипатрович Ковин: фабрикант, меценат...

Производство веревки издавна было одним из традиционных производств нашего края. Центром производства веревки и канатов в Кунгурском уезде стала деревня Низкое Усть-Кишертской волости.

В 1870 году крестьянин деревни Низкое Сосипатр Иванович Ковин (1831 — 1899) объединил все близлежащие производства в одну веревочную фабрику. Канаты Ковина шли на Нижегородскую ярмарку, широко использовались на речных судах, которые ходили по Сылве, Чусовой, Каме, Волге до Перми, Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга. Высокое качество вырабатываемых канатов было отмечено серебряной медалью на Всемирной выставке в Париже. Принимал медаль на выставке сын основателя веревочного производства С. И. Ковина — Петр Сосипатрович Ковин.

В деревне Низкое до сих пор рассказывают с большой теплотой о хозяине фабрики. Помнят Ковиных, ценят за деловые и человеческие качества.

«В прихожей нашего дома, — рассказывает Александра Петровна, — стоял большой рабочий стол отца с бумагами. Здесь у него всегда было много народу. Чаше всего это были желающие купить веревки или договориться о сдаче льняного, конопляного волокна. Приемкой сырья ведал двоюродный брат отца Николай. Сбытом занимался его родной брат Прокопий. Договаривались быстро, никаких бумаг при этом не составляли, верили друг другу на слово.

За сданное волокно крестьяне тут же получали плату. Часто приходили люди с разными просьбами, и отец всем старался помочь».

Показательно, что при сделках не подписывалось никаких бумаг — верили на слово. Настоящий показатель ответственности и честности. Как это все похоже на известные факты жизни и деятельности именитых предпринимателей прошлого — Морозовых, Грибушиных...

«...Много я знаю о той жизни, — продолжает Александра Петровна. — Отец, он ведь еще построил в Кишертти школу... И также отцом посажен при школе сад. Церковь была им построена... Отец был старообрядец, положительный человек, всегда в деле, никогда не пил вина и не курил. А жили мы очень большой семьей и очень, очень просто: все было от своего хозяйства... Отец имел три медали: за сорт пшеницы, выведенный им, за доброкачественные канаты (даже из Франции) и последнюю — по борьбе за трезвость». Мораль старообрядца подвигала П. С. Ковина на строительство церквей, жертвование средств на нужды односельчан. Мораль предпринимателя позволила заниматься разнообразными делами. Веревоочное производство, строительство, выведение сортов пшеницы — неполный перечень тех дел, которым посвящал себя Ковин на протяжении всей жизни. Мораль с большой буквы позволила этому человеку стать образцом для односельчан и активным общественным деятелем.

П. С. Ковин как купец и фабрикант вызывает только уважение. Его деловая хватка оставила след на земле. Например, очень интересна история с прокладкой Транссибирской магистрали по Кишертской волости. Железнодорожный перегон на участке Кунгур — Екатеринбург начал строиться в 1906 году. Молебские и Суксунские заводчики настаивали, чтобы дорога прошла через Молебку и Суксун. Они с этой целью ездили к губернскому начальству с просьбой и даже сделали денежные вклады в строительство. Петр Ковин, узнав об этом, тоже не однажды ездил к губернатору, сделав соответствующие взносы в постройку. Он настаивал, чтобы дорога пошла через Кишертъ. Ковин, кроме того, много раз ездил в Санкт-Петербург, не обошлось, говорят, и без взяток — и дорога пошла через Кишертъ. В конце 1909 года новая железная линия вступила в строй. Продукцию Низковская фабрика стала перевозить по железной дороге с отгрузкой на станции Кишертъ.

Петр Сосипатович обладал от природы большим умом, много читал. У него было хорошее чувство юмора. На выставке во Фран-

ции, где уральский промышленник представлял продукцию Низковской фабрики и был удостоен награды — медали «За качество товара», один из французских буржуа в беседе с П. С. Ковиным задал вопрос: «Какой университет Вы заканчивали?» Он ответил: «Тюриковский» (была в Кишертской волости деревня Тюриково, где местный дьяк учил его грамоте). Француз не понял юмора: «Такого университета не знаю...»

Еще в 1914 году П. С. Ковин предлагал рабочим фабрики создать на ее базе нечто вроде акционерного общества, но рабочие, доверявшие своему работодателю, отказались. По поводу работы легкой промышленности Петр Сосипатрович переписывался со многими людьми. Даже говорили о его переписке с В. И. Лениным в 1917 году. О начале Октябрьской революции 1917 года в деревне Низкое узнали быстро. П. С. Ковин сам объявил рабочим об этом событии и о том, что фабрика переходит в их руки. Рабочие уважали купца и избрали его директором. Но время было смутное, люди разные.

Из рассказа Александры Петровны Ковиной (дочери П. С. Ковина):

«В 1918 году мне исполнилось десять лет. Хорошо помню, как в деревне появился в кожаной тужурке, увешанный оружием, называвший себя комиссаром Ефим Сердитых. Пьяница жуткий. Проезжая на лошади мимо нашего дома, он всякий раз куражился, грозил: «Убью! Взорву это осиное гнездо!» Рабочие несколько раз уговаривали Ковина уехать, «кабы беды не вышло». А он отвечал, что «нечего бояться, я никому худого не делаю». 21 сентября 1918 года Ефим Сердитых привел свою угрозу в исполнение. Он явился в дом и под угрозой расправы приказал Петру Сосипатровичу ехать с ним в Кишерт. Он привез его в волостное правление, провел в подвальное помещение, выстрелил в затылок... и уехал, оставив тело. П. Ковина, еще живого, доставили в больницу, где он вскоре и умер. Расстрелян был П. С. Ковин как капиталист-эксплуататор. При этом не были учтены никакие его заслуги и добрые дела.

После смерти Петра Ковина дело на фабрике вел его старший сын Иван Петрович. Директорствовать предлагали нескольким рабочим, но они отказались, ссылаясь на недостаток знаний, неумение оформлять бумаги, сбывать веревку и канаты... В начале 1928 года Ивана Петровича арестовали как «чуждого для нового строя элемента». Он погиб при строительстве Беломорско-Балтийского канала.

На могиле Петра Сосипатровича, а место захоронения с помощью кишертцев удалось найти, рассказывали, стоял необычный памятник, с лампадкой. Того памятника нет. Вместо него в сентябре 2003 года, в день 85-летия со дня гибели деда, внука Нина Александровна установила гранитную плиту. Благодаря редакции газеты «Сылвенские зори», дирекции Кишертской веревочной фабрики, администрации Усть-Кишертского сельсовета жители Кишертского района теперь имеют возможность отдать дань памяти Петру Ковину.

На историческом повороте добропорядочный человек, щедрый купец, удачливый предприниматель, меценат П. С. Ковин в одночасье был арестован и расстрелян без суда и следствия. Сегодня открывается много ужасных подробностей деятельности «Ефимов Сердитых». Они были в каждой деревне, в каждом селе. Обидно, что исторические катаклизмы больше всего бьют по талантливым людям. Без сомнения, П. С. Ковин — фабрикант, меценат, купец — являет собой образец добропорядочности. Его деятельность может служить примером для поколения нынешних предпринимателей, фабрикантов.

К сожалению, крутые исторические повороты, подобные революции 1917 года, не считаются с отдельной человеческой жизнью, будь то простой или заслуженный человек. И порой новые власти, новые предприниматели, отстаивая новые идеалы, делают непростительные и непоправимые ошибки.

П. С. Ковин как купец и фабрикант вызывает только уважение. Его деловая хватка оставила след на земле. Но в ходе революции и Гражданской войны добропорядочный человек, щедрый купец, удачливый предприниматель, меценат П. С. Ковин в одночасье стал неудобным. Советская власть зачислила его и его родственников в разряд неудобных и жестоко расправилась с семьей. Деятельность и вся жизнь Петра Ковина дает хороший пример современным предпринимателям.

Источники и литература:

Архивный отдел администрации Кишертского района. Фонд 1 «Кишертский райисполком», оп. 1, д. 1 — 44 за 1924 — 1945 годы; Фонд 23 «Кишертская веревочная фабрика», оп. 1, 2, д. 157 — 463 за 1950 — 1970 годы.

Интервью с директором фабрики А. Н. Первушиным (д. Низкое). Январь 2005 года.

Интервью со старожилами д. Низкое и с дочерью П. С. Ковина Александрой Петровной, проживающей ныне в г. Кунгуре.

Кинев Н. Г., Мякшин Е. Н., Шадрин А. И. Усть-Кишерть. — Пермь, 2004.

Шестаков И. В. Материалы о жизни П. С. Ковина: Рукопись. — Усть-Кишерть, 1998.

Шестаков И. В. Прошлое земли Кишертской. — Усть-Кишерть: 1989.

Валерия Фурсова

Крестьянство в годы Первой мировой войны

Первая мировая война оказала огромное влияние на развитие России и отдельных слоев населения. Рабочие и крестьяне отнеслись к начавшейся войне как к неизбежному злу, понимая необходимость отражения иностранной агрессии. Пермский губернатор 27 июля 1914 г. сообщил: «С объявлением войны среди населения замечен большой подъем патриотизма, но это ничуть не значит, что рабочие массы сразу переродились и что в случае каких-либо неудач на театре военных действий они снова не будут реагировать на это открытыми выступлениями в виде забастовок или каких-либо беспорядков».

Первым и самым сильным ударом, который война нанесла крестьянскому хозяйству, явилась мобилизация на фронт рабочего мужского населения. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи, проводившейся летом 1917 г., из сельских местностей 75 губерний и областей было мобилизовано на войну 12861,4 тыс. человек. Крестьянские хозяйства оставались почти без работников-мужчин. Это отчетливо видно из данных Всероссийской переписи 1917 г. Количество хозяйств, оставшихся без мужских рабочих рук, к лету 1917 г. в Пермской губернии составило 21,2%.

Мобилизация на войну была самым большим, но не единственным каналом, по которому происходил отлив рабочей силы из деревни. Многие крестьяне в годы войны были заняты промыслами, ремеслами, уходили на заработки, занимались торговлей. Поэтому только около 38,7% трудоспособных мужчин оставалось в своих хозяйствах.

При этом в бедняцких хозяйствах на войну шли единственные работники, а в хозяйствах зажиточных и влиятельных крестьян оставалось по два-три и более работников. В годы войны появился небольшой слой крестьянских хозяйств, по преимуществу середняцких, которые прежде обходились рабочей силой своей семьи, а во время войны стали нанимать батраков для замены ушедших на войну работников. Однако главным потребителем наемной рабочей силы по-прежнему оставалось помещичье и крупное крестьянское хозяйство.

В Первую мировую войну женщина впервые стала главной силой в сельскохозяйственном производстве в масштабе всей страны. «Она обрабатывает поля, рубит лес для топлива... — исполняет тяжелую мужскую работу». Из-за этого деревенские дети оставались «без всякого наблюдения с начала весенних и летних работ. Женщины в деревне работают до самых родов и часто бывает, что родят за работою в поле и через несколько дней снова выходят на работу, переноса с места на место ребенка в летний жар или ненастье». Картина жизни в некоторых районах была удручающая: «вместо домов темные, грязные, низкие, вросшие в землю лачуги. У немногих крестьян имелись в наличии лошадь, овцы, корова... Из-за темноты населения земледелие находится на низкой ступени развития: обрабатывают свою «кормилицу-землю» преимущественно сохой, деревянной бороной, реже — косулей. Зерно сортируется и сеется по старинке, трава косится горбушами». «Жители носят обычную бедную обувь — лапти с опушками, или коты — род простонародного башмака с красною опушкою наверху, около шиколотки. Верхняя одежда мешковатая, с борами, поверх которой красуются цветные, самотканые, грубые опояски».

Тяжелое положение рабочей силы, создавшееся в подавляющем большинстве крестьянских хозяйств в связи с мобилизациями, усугублялось тем, что огромные массы людей стонялись властями на работы, связанные с ведением военных операций или с выполнением военных поставок. За случаи отклонения от этих работ виновные каждый раз подвергались административным взысканиям. Иногда расправу над крестьянами чинили военные власти, и тогда в дело пускали розги.

Несмотря на тяжелое положение российской деревни, крестьянство оказывало значительную помощь фронту и семьям мобилизованных.

Вслед за объявлением войны были учреждены волостные и приходские попечительские советы, которые должны были заботиться о семьях запасных нижних чинов, взятых на войну. Также назначались опекуны, каждый из которых следил за своим районом: кому нужна была помощь, наряжали соседей по оказанию помощи в уборке хлеба и других работах.

В этот тяжелый период крестьяне оказывали существенную помощь семьям ратников ополчения, призванных на военную службу, по устройству лазаретов, раненым, Красному кресту. Помощь раненым заключалась в том, что население жертвовало часть продуктов своего хозяйства, собирало деньги. Дети работали в лазаретах, ходили на «поденщину» и весь заработок отдавали на нужды больных. А некоторые состоятельные крестьяне брали легкораненых до полного их выздоровления в свои дома.

Семьям, члены которых были призваны на войну, помощь оказывали кредитные общества. До возвращения кормильцев они не взыскивали долговых по выданным ссудам. Население помогало семьям деньгами, хлебом, а некоторые — безвозмездно «натурой» (обрабатывали поля, помогали сеять). Помимо всего этого крестьяне отправляли в действующую армию посылки со съестными припасами, которые часто портились. Собирались пожертвования. Крестьяне приносили все что могли: полотенца, кальсоны, лен, шерсть, яйца, масло, крупы, зерно, сапоги (сапожный материал), свечи и другое.

Во время войны имело место убеждение в том, что крестьянство богатело. Сторонники этого взгляда ссылались, прежде всего, на экономию денег, образовавшуюся у крестьян вследствие запрещения продажи водки, а также на пособия семьям мобилизованных в армию (так называемые «пайки»). Более того, в доходы крестьян зачислялось денежное вознаграждение за реквизируемых лошадей, коров, повозки, полушубки и прочие предметы. При этом считалось, что новые «доходы» определили повышение благосостояния крестьянства по сравнению с довоенным уровнем.

В основе этих воззрений лежали следующие ошибочные представления: во-первых, взгляд на крестьянство как на однородную по хозяйственной состоятельности массу; во-вторых, механическое перенесение суммы сократившегося расхода на водку в доход; в-третьих, необоснованное допущение, что все выплаченное казной за лошадей, повозки и т. д. соответствовало их стоимости и полностью дошло до крестьянина; в-четвертых, учет только новых доходов, без связи с судьбой старых и с расходной частью

крестьянского бюджета. Эти убеждения были ошибочными: реквизиция, как способ изъятия у населения необходимых государству материальных ценностей, в своей основе содержала неэквивалентный обмен, так как эквивалентный обмен, как правило, исключает принудительные меры, побуждающие к обмену. Реквизиция лошадей приносила крестьянам лишь убыток, так как другую лошадь можно было купить по цене, вдвое превышавшей полученную при реквизиции плату.

Сравнение обрабатываемой земли дает следующую картину. В 1915 году из общего количества земли, находящейся под пашней (3577 433,75 десятины), было засеяно на крестьянских землях 2368 373 десятины (66,2%), что было на 24 242 десятины (1,01%) меньше, чем в 1914 году, когда вся засеянная площадь составляла 2392 615 десятин. Площадь покосов, скошенных в 1915 году, уменьшилась на 195 606 десятин сравнительно с 1914 годом. Урожайность хлебов и трав была выше среднего, но только по количеству сбора, по качеству же он был средний.

Реквизиции властям приходилось проводить с применением силы. В 1916 году вводится продразверстка, и уже с конца 1916 года в городах обостряется продовольственный кризис, возникают очереди за хлебом и другими продуктами. Положение крестьянства ухудшалось в связи с увеличением налогов по закону 24 декабря 1914 года. Многие крестьяне были не в состоянии платить налоги, быстро возрастали недоимки. Особенно тяжелым было положение солдаток. Выделяемое им пособие было мизерным (2–2,5 руб. на каждого члена семьи) и выдавалось с задержками. Поэтому увеличивается рост стихийного недовольства, возникают продовольственные волнения, проходящие в форме столкновений крестьян и солдаток с представителями местной администрации во время изъятия хлеба из хлебозапасных магазинов для нужд армии и городского населения. Отказ давать хлеб по твердым ценам крестьяне мотивировали тем, что он, по их мнению, пойдет не на фронт, а скрывающимся на заводах от мобилизации, либо будет присвоен земским начальством и помещиками с целью перепродажи. Не полностью доходили до крестьян деньги, уплачиваемые за реквизируемые предметы казначейством. Начальство в обход распоряжений центральной власти в ряде мест не без успеха проводило удержание из причитавшихся крестьянам сумм в погашение недоимок по налогам или просто в собственную пользу.

В период Первой мировой войны длительное пребывание в окопах, кровь, грязь, лишения, не освященные понятной простым ратникам идеей, порождали озлобление людей, ослабление нравственных устоев, травмировали общество в целом. Ценность отдельной жизни человеческой стремительно падала.

Источники и литература:

- Первая мировая война / Пролог XX века. М., 1998.
Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). — М., 1925.
Анфимов А. Н. Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 года). — М., 1962.
История России. Теория изучения. Двадцатый век / Под ред. Б. В. Личмана. — 2001.
Обзор Пермской губернии за 1915 год. — Пермь, 1915.
Тюкавкин В. Г., Шагин Э. М. Крестьянство России в период трех революций. — М., 1987.
Пермские губернские ведомости. 1915, № 81, 97.
Пермская земская неделя. 1913, № 5; 1914, № 30, 45; 1915, № 11, 18, 19, 25, 40, 43, 81, 97.

Лилия Базарьева

Здесь остановили мятежников

Советская власть в Оханском уезде была установлена в феврале — марте 1918 года. В волостях уезда были созданы волостные исполнительные комитеты Советов крестьянских депутатов — волисполкомы, вместо распущенных волостных земств. Новые органы власти образовались при активном участии и под контролем большевиков. В случаях, когда в волисполком попадали неугодные большевикам лица, происходили перевыборы, либо просто назначали членами волисполкома крестьян-бедняков.

В связи с продовольственным кризисом советская власть вводит продовольственную диктатуру, начинает насильно изымать «излишки» у крестьян, создает комитеты бедноты и направляет в деревню продотряды из рабочих.

В начале 1918 года в село Большие Корелы прибыли братья Афанасий и Василий Лешевы, с целью организации красногвардейского отряда и ячейки РКП(б). Это было необходимо для по-

давления сопротивления состоятельных крестьян, у которых власть реквизировала хлеб по твердым ценам. Реквизиция вызвала недовольство крестьян, особенно зажиточной его части, которая и выступила против этих действий.

Подобные крестьянские волнения происходили повсеместно, в том числе и в селе Черновское. Недовольные разогнали волисполком, руководство исполкома арестовали и несколько человек убили. На усмирение взбунтовавшихся крестьян в июне 1918 года был отправлен отряд братьев Лешевых, при приближении которого восставшие разбежались, после чего был избран новый состав исполкома. Отряд братьев Лешевых принимал участие в подавлении крестьянских волнений в Петропавловске, Тойкино, Большой Соснове, Сепьче, Вознесенском и других населенных пунктах.

Последующие реквизиции хлеба в августе-сентябре 1918 года, по завершении уборки основной из хлебных культур нашей местности — ржи, — вызвали очередную волну крестьянских выступлений в волостях Оханского уезда Пермской губернии и Сарапульского уезда Вятской губернии. 8 августа началось самое крупное на территории нашей страны по размаху и продолжительности Ижевско-Воткинское восстание. Оно охватило территорию пяти уездов Вятской губернии и двух уездов Пермской губернии. Повстанцами была захвачена площадь 12–13 тыс. км² с населением 700–800 тыс. человек.

Восставшим удалось захватить власть довольно легко, они действовали быстро и осторожно. Сохранив действующие органы власти — советы депутатов, они путем перевыборов поменяли их состав. В обращении к крестьянам повстанцы призывали сдавать хлеб на питание «народной армии» по цене 25 рублей за пуд муки, что в четыре раза больше цены, которую платили большевики. Это отвечало интересам крестьян и вызывало у них доверие к руководству повстанцев. Многих крестьян таким образом удалось привлечь в создаваемую армию, кроме того, в населенных пунктах формировались вооруженные отряды для борьбы с большевиками. В результате численность вооруженных сил восставших достигла 60 тыс. человек.

В русло реки Вотка были введены баржи, набиваемые арестованными большевиками и сторонниками советской власти. Эти плавучие застенки люди окрестили баржами смерти, и не зря — оттуда возврата не было. Жестокость мер, которые применяли восставшие по отношению к своим противникам, вызывала недовольство населения.

В сентябре 1918 года частям Второй армии была поставлена задача ликвидировать Ижевско-Воткинский мятеж. 5 октября были заняты Сарапул, Ижевск. Части «Народной армии», сконцентрированные в Воткинске, устремились на восток по территории Оханского уезда, к реке Каме. Руководство Пермской губернии в конце сентября 1918 года формирует красногвардейские отряды В. И. Носова и И. Р. Журавлева. Эти отряды образовали фронт шириной в несколько десятков километров, который остановил повстанцев. Нужно отметить, что основная часть этих крупных отрядов (по несколько тыс. человек) была сформирована из местных крестьян, которые входили в отряды добровольно, напуганные жестокостью мятежников.

Часть «Народной армии» прорвалась к Каме и в районе Сайгатки форсировала реку. Пройдя по тылам около 300 км, повстанцы соединились с войсками Колчака около Красноуфимска, передав им 100 тыс. ижевских винтовок. В марте 1919 года территории Оханского и Осинского уездов были заняты колчаковцами. Линия восточного фронта отодвигается на запад, в район города Вятки. В начале июня, в связи с наступлением Красной армии, войска Колчака покинули нашу местность.

Село Черновское оказалось в эпицентре амплитуды колебаний фронта от Кунгура до Вятки. В течение одного года власть здесь менялась не менее семи раз! Если с июня по ноябрь 1918 года действия крестьян были обусловлены их интересами: они лояльно приняли советскую власть, давшую им землю; выражали недовольство в связи с реквизицией хлеба; поддерживали мятежников, пообещавших им высокую плату за хлеб; в ответ на жестокость мятежников добровольно вступали в красногвардейский отряд В. И. Носова, то с ноября 1918 года по июнь 1919-го ситуация изменилась. Оказавшись в прифронтовой полосе, крестьяне были вынуждены жить по законам военного времени. В ноябре 1918 года была произведена принудительная мобилизация в Красную армию, реквизиция продовольствия и материальных ценностей. После отступления Красной армии колчаковцы делали то же самое: проводили принудительную мобилизацию, реквизицию продовольствия и материальных ценностей и т.д. Кроме того, они расправлялись с теми, кто сочувствовал советской власти.

В этот период крестьянство страдало со стороны тех и других в одинаковой степени. Военное давление заставляло крестьян терпеть. Терпимость была необходимым условием для их выжива-

ния. Особенно трудно приходилось мужскому населению, потому что мобилизация коснулась именно их, именно им пришлось подчиняться ради спасения семьи. Постоянная угроза и борьба за выживание привели к аполитичности большинства крестьян. Выражение недовольства сводилось к поиску врагов в своем окружении. Усилившаяся дифференциация крестьянства в период социальных потрясений обостряла взаимодействие между различными слоями населения и приводила к столкновениям между близкими людьми.

Произошли изменения в положении социальных слоев населения. Новая власть, опираясь на беднейшие слои крестьянства и преследуя состоятельный класс, уничтожала его или заставляла скрываться и покидать родные места. Беднейшее крестьянство, как правило, неграмотное, оказалось основой политической жизни в деревне и исполняло беспрекословно волю новой власти, а основная масса крестьян продолжала заниматься своим извечным делом — растить хлеб, сохраняя жизнеспособность страны и оставляя ее стержнем.

Анна Авертьева

Проведение политики коллективизации сельского хозяйства в Пермском крае (1929–1937 гг.)

Коллективизация — политика, за проведение которой И.В.Сталина помнят, наверное, прежде всего. Существуют различные оценки этой политики. Ее можно рассматривать одновременно и как успех, и как полный провал. В любом случае это была не просто попытка ускорить процесс развития деревни, а еще и «чистка» крестьянства. Для сторонних наблюдателей коллективизация, возможно, могла казаться вполне разумной политикой, приветствуемой народом. В реальности она оказалась одним из самых черных пятен в русской истории из-за террора и страха, которые на долгие годы воцарились в деревне.

В сельскохозяйственных округах Уральской области (Ишимском, Кунгурском, Курганском, Сарапульском, Троицком, Тюменском, Челябинском и Шадринском) с 1 июля по 1 октября 1929

года возникло 55 тыс. крестьянских хозяйств. Процент коллективизации по области за это время увеличился с 8 до 20. К началу 1930 года на путь коллективизации вступило уже свыше 30% крестьянских хозяйств Уральской области, а в Ирбитском, Тюменском и Пермском округах — более чем 60% хозяйств.

Темпы коллективизации на Урале даже превзошли наметки пятилетнего плана. К концу первой пятилетки на Урале было уже 8892 колхоза, объединявших 706 тыс. крестьянских хозяйств, или 68,8% против 195 тыс., или 19% намечаемых планом первой пятилетки. Масштабы раскулачивания устанавливались в 5–7%, но местные власти всегда старались перевыполнить эти задания. В некоторых районах число раскулаченных достигало 15–20%. Так, в Коми-Пермяцком округе раскулачивали даже тех, кто только имел всего одну лошадь. Из таких ссыльных коми-пермяков — «кулаков» — был образован целый поселок в Чусовском районе.

Раскулаченных делили на три категории. Первая — «контрреволюционный актив» — подлежала аресту, суду и направлению в лагерь. Члены их семей выселялись в отдаленные районы. Вторая категория — кулаки, «активно выступавшие против коллективизации», — с семьями выселялась в отдаленные районы. «Остальная часть кулаков» расселялась в пределах места своего проживания. Массовое сопротивление насильственной коллективизации проявлялось, прежде всего, в отказах вступать в колхоз, в антиколхозной агитации, в уничтожении собственного скота и имущества перед вступлением в колхоз. За год сплошной коллективизации наполовину сократилось поголовье скота в уральской деревне. Имели место и случаи террора против партийных и колхозных активистов. Иногда вспыхивали восстания. Например, в мае 1930 года восстание произошло в с. Ашап Октябрьского района. По данным наркомата земледелия РСФСР, только в 1931 году враждебные действия отмечались в пятой части уральских колхозов. Большая их часть (40%) приходилась на имущественный террор (поджоги, порча скота, имущества и проч.). 35% террористических действий были связаны с насилием против активистов. Однако это были лишь стихийные, разрозненные попытки борьбы с государственным произволом, и поэтому они были обречены на провал.

При этом значительная часть этих актов неповиновения властям была сфабрикована, сфальсифицирована карающими органами. Показательно, что власти, едва начав колхозную кампанию, уже «знали» число активных противников коллективизации. Согласно

постановлению бюро Урбкома ВКП(б) от 5 февраля 1930 года, по первой категории на Урале следовало ликвидировать до 5 тыс. хозяйств, по второй — до 15 тыс., в том числе в Пермском округе — 900 хозяйств. В районы шли секретные директивы, наступали «черные» времена... Многим казалось, что перестали действовать все законы. Имущество у «кулаков» могли отбирать все сколько-нибудь причастные к власти: уполномоченные из районов и работники сельсоветов, милиционеры и «гэпэушники», сельские коммунисты и беднота, получавшая до половины имущества раскулаченных. В сохранившихся описях изъятых вещей зафиксированы не только скот и инвентарь, но и одеяла, подушки, детская одежда и обувь...

«Все до мотка ниток выгребли, — вспоминал житель села Ашап Октябрьского района Г. Заякин, — хлеб до зернышка, всю картошку, последнюю корову, овец, двух поросят, кур, всю постель, подушки, одежду. Я встал утром, мне надо в школу, а одеть нечего». Страх оказаться в числе раскулаченных леденил душу, парализовал волю и способность сопротивляться. Некоторые из страха отказывались от родственников, другие на них доносили...

Из заявления в президиум сельсовета:

«Я, Парфенов Константин Павлович, довожу до сведения президиума сельского совета, что я отказываюсь от своего отца Павла Парфенова и прерываю всякую связь и всякие отношения, как с нехорошим элементом (буржуем). С 6 ноября 1928 года имею раздельное с ним хозяйство. Я из-за него ушел из рядов партии. Прошу восстановить с правом избирательного голоса как бедняка».

Самое тяжелое испытание выпало на долю тех, кто покидал родные места не по своей воле. Выселение кулаков пришлось на время лютых морозов, а одежду у переселяемых отбирали. Каждая семья могла взять в дорогу трехмесячный запас продовольствия. Но и продовольствие было отобрано, поэтому разрешение было лишь номинальным и звучало издевательски. Раскулаченные в Прикамье чаще всего переселялись в необжитые северные места Пермского округа, а иногда и за его пределы. На их место тем временем двигались эшелоны с раскулаченными из центральных и южных районов страны.

В общей сложности в Пермском крае бедствовало около 140 тыс. спецпереселенцев (раскулаченных 1-й и 2-й категорий). Большую их часть передали в распоряжение промышленных трестов: переселенцы валили лес, строили новые предприятия, добывали уголь. Прибыв к месту назначения почти без багажа, спецпересе-

ленцы должны были сами строить для себя жилье. При этом материалы и инструменты могли отсутствовать, а защиты от дождей или морозов искать было негде. Питание было скудным, медицинское обслуживание отсутствовало или было примитивным. Многие болели и умирали. Особенно трудно было детям и старикам. При этом люди были фактически лишены свободы. Жить и работать они должны были только там, где укажут, выход за пределы спецпоселков не дозволялся. «У крепостных за неделю или после Юрьева дня было право перейти от одного хозяина к другому, — говорит бывший переселенец И. Шарыгин. — Мы же без разрешения коменданта не могли ступить и шагу». Любопытно, что спецпереселенцы должны были еще и содержать своих охранников: четверть зарплаты изымалась у спецпереселенцев на содержание спецкомендатуры и прочие расходы по «обслуживанию» ссылки.

Документы ярко отражают картину бесчеловечной политики и судебных конкретных людей.

Выписка из протокола закрытого заседания президиума

Верещагинского райисполкома о раскулачивании и выселении

Е. Х. Силкина по 1-й категории.

«22 июля 1931 года, п. Верещагино Верещагинского района Уральской области.

Совершенно секретно.

Слушали: о хозяйстве кулака деревни Н. Ульяны Запольского с/совета Силкина Ефрема Христофоровича, имевшего до революции: земли — 8 дес., скота — 6 голов. Постройки — домов — 4 с большими надворными постройками стоимостью в 18 тыс. руб. После революции: земли — 10 дес., посева — 5 дес., сенокоса — 2 дес. Дом с теми же постройками. Скота: лошадей — 1, подростков — 1, коров — 2, подростков — 1, мелкого скота 2 головы. До революции и после имел постоянных батраков 2 и батраков на летний период 8–10 чел., а также поденных рабочих до 200 в год. А также после занимался торговлей мануфактурой, скупкой и продажей сельхозпродуктов, с оборотом до 2000 руб. в год. Не судим и избирательных прав не лишен. В 1918 г. участвовал в Сепычевском контрреволюционном восстании. Ярый противник советской власти и проводимых мероприятий в деревне. На собраниях агитировал: «В колхоз ходить не следует, скоро все колхозники будут вырезаны». По всем видам заготовок даны твердые задания, за невыполнение оштрафован, штраф взыскан принудительно.

Постановили: как кулака-эксплуататора, имевшего контрреволюционное прошлое и ведущего агитацию, выселить. Предложить райизбиркому немедленно рассмотреть вопрос о лишении Силкина и членов его семьи избирательных прав».

Выписка из протокола заседания тройки УНКВД Свердловской области о вынесении Силкину Е. Х. смертного приговора.

17 сентября 1937 года, г. Свердловск.

«Слушали: по обвинению Силкина Ефима Христофоровича, 1871 г., уроженца дер. Н. Ульяны Верещагинского района. Участник Сепычского к-р восстания. Кулак. Судим. Обвиняется в том, что являлся участником к-р повстанческой организации. Среди колхозников систематически вел махровую к-р пропаганду против колхозного строительства, советской власти и партии. Распространял провокационные слухи о жизни колхозников. Высказывал террористические намерения. Вел к-р повстанческую пропаганду.

Постановили: Силкина Ефрема Христофоровича расстрелять. Лично принадлежащее имущество конфисковать».

Е. Х. Силкин был арестован 6 августа 1937 г. как бывший кулак и участник вымышленной повстанческой организации в Верещагинском районе. Всего по делу проходило 12 человек, 1 человек умер во время следствия, 11 были приговорены к расстрелу без указания статьи обвинения. Постановлением Президиума Пермского областного суда от 5 января 1963 года приговор тройки от 17 сентября 1937 года был признан необоснованным. Е. Х. Силкин реабилитирован. Стоит обратить внимание на то, что в постановлении тройки даже имя (Ефим) написано ошибочно.

Проведение политики коллективизации в Пермском крае осуществлялось согласно «генеральной линии партии», как и по всей стране. Об этом нам говорят как всероссийские, так и региональные источники. Жаль, что этот период в жизни нашей страны так скупо отражен в курсе школьной истории. Его влияние до сих пор сказывается как на развитии российского сельского хозяйства, так и на судьбах миллионов людей. Мы должны знать и помнить об этом.

(Печатается в сокращении)

Источники и литература:

ГОПАПО. Ф. 641/1, оп. 1, д. 15543, т. 3, л. 28. Заверенная копия. Машинопись.

ГОПАПО. Ф. 641/1, оп. 1, д. 15543, т. 1, л. 59. Подлинник. Машинопись.

Лилия Вильданова

Проблемы развития советской деревни в конце 1920 — начале 1930-х годов (по материалам Прикамья)

Развитие советской деревни в 1930-е годы было напрямую связано с коллективизацией — политикой советской власти, задача которой заключалась в объединении мелких единоличных крестьянских хозяйств в крупные коллективные хозяйства (колхозы). Методы осуществления данной аграрной политики позволяют рассматривать ее в контексте проблемы репрессивной деятельности сталинского руководства, направленной против собственного народа в лице многочисленного крестьянства. В результате коллективизации крестьянин из мелкого или среднего собственника-производителя фактически превратился в крепостного работника советского государства: он был отчужден от орудий и средств производства, лишен права распоряжаться результатами своего труда, да и в целом своей судьбой.

Осуществление коллективизации совпало по времени с политикой индустриализации, что произошло отнюдь не случайно. Деревня должна была обеспечить беспрепятственные и регулярные поставки зерна, которые были необходимы для получения средств, используемых для развития промышленности. Сталин на июльском пленуме ЦК ВКП(б) в 1928 году, обосновывая свой тезис о необходимости решения проблемы финансирования социалистической индустриализации, предложил ввести так называемую дань крестьянства в пользу промышленности.

Советское руководство начинает использовать систематическое принуждение по отношению к крестьянам уже в 1928 году, что было обусловлено в первую очередь кризисом хлебозаготовок. Началом масштабного колхозного строительства, основанного на административном нажиме, «подхлестывании» коллективизации и добровольном движении, можно считать 1929 год. В немалой степени этому способствовала опубликованная в «Правде» 7 ноября 1929 года статья Сталина «Год великого перелома». В статье утверждалось (вопреки фактам), что партии уже «удалось повернуть основные массы крестьянства в целом ряде районов от старого, капиталистического пу-

ти развития... к новому, социалистическому пути развития»; удалось организовать «коренной перелом в недрах самого крестьянства и повести за собой широкие массы бедноты и середняков».

При изучении истории создания колхозов каждому автору немалую помощь оказывают воспоминания современников тех событий. Например, со слов одного из жителей деревни в Оханском районе (Г. Заякина) складывается следующая картина из жизни советской деревни рубежа 1920 — 1930-х годов: «Добровольно в колхоз идти никто не хотел, согласились только лодыри-бедняки. Хорошо помню, как вечером собрали всех, кто не хотел идти в колхоз, в один дом. Мужиков никого, только одни женщины, да я с мамой пришел. Один из милиции кладет на стол с одной стороны наган, с другой — груды «долгих» конфет. Так, с наганом, и подписывали заявления в колхоз. Все безграмотные, подойдут, палец на заявление вместо подписи приложат — получают «долгую» конфетку». Таким образом, проблему вовлечения в колхоз власть решала с помощью массового запугивания. Например, на одном из собраний в Екатерининском сельсовете (в декабре 1929 года) крестьянам, сопротивляющимся созданию колхозов, представители местной власти заявили: «Выселим на Курмакаш, земли не дадим, имущество отберем, не будем давать молоть на мельницах, давать товаров».

В основе аграрной политики сталинского руководства лежала пропаганда идеи построения бесклассового общества в СССР, что предполагало ликвидацию так называемой классовой разницы за счет уничтожения кулачества в деревне (наиболее зажиточной части крестьянства). Массовое раскулачивание начинается в январе 1930 года после принятия соответствующего постановления. Лишая зажиточных крестьян честно заработанного имущества, правительство хотело «убить двух зайцев»: укрепить нищие колхозы и подорвать традиционное влияние и способность к сопротивлению зажиточных слоев.

Особенностью политики раскулачивания, инициированной сверху, являлось отсутствие четко сформулированных признаков кулацкого хозяйства. Это создавало базу для произвола и позволяло местным властям, ответственным за осуществление карательной политики в деревне, самостоятельно разрабатывать критерии оценки уровня зажиточности. Типичным примером хозяйства, раскулачиваемого в Пермской области, стал двор, в котором

были одна корова, одна лошадь, три овцы, дом, конюшня, баня и амбар, а также 2–3 десятины посевной земли. Иногда раскулачивали даже тех, кто просто имел в своем хозяйстве лошадь.

Примерный сценарий раскулачивания изложен в письме курсантки Пермской совпартшколы (А. А. Тюриной), датированный мартом 1930 года: «Я, курсантка Пермской СПШ Тюрина Анастасия Андриановна, работаю на зимней практике в селе Медянка с 24 февраля. Со дня моего приезда идет в Медянке раскулачивание таким образом: ночью едут члены коммуны, председатель колхоза, секретарь партийной ячейки т. Ильин к назначенным лицам и делают опись имущества полностью, с инвентарем, скота и до маленького гвоздичка и потом увозят в склад; если попадется что съестное из продуктов, то оно попадало в руки ликвидаторов имущества и разносили кто сколько может взять. Был факт: при отчуждении забирали мед, яйца, масло, вино, семя и делили между членами коммуны, снимали валенки с ног, платья с женщин, отбирали постель и деньги, если попадут, даже у одной старушки были взяты 20 копеек... Было взято: кольца с рук, продукты, которые отчуждены, капуста, огурцы, кадки, все это сброшено и нет догляда, а имущество сложено в куче... ночью увозили хлеб возами...» И однажды, продолжает А. А. Тюрина, на одном из собраний «...членов коммуны и членов коллектива по обсуждению о выселении индивидуальных и лишенцев хозяйств... постановили отобрать у всех индивидуалов и лишенцев все имущество до последнего даже гвоздика и разделить в коммуны и колхоз. Я на партийном собрании выступила, что так неправильно, все не отбирается, указала, что раскулачивание должно быть: отбирается земля, скот, хлебные излишки, инвентарь и роскошь за неуплату недоимки, они меня приписали к правому уклону...»

С осени 1930 года начинается новый этап сплошной коллективизации, а в 1931 году советское руководство занялось организацией «кулацкой» ссылки. По количеству репрессированных крестьян первое место занимал Урал. Спецпоселки для высланных «кулаков» находились в 69 районах и трех округах Уральской области, в основном в северных районах. Коллективизация и раскулачивание начала 1930-х годов не решили экономических проблем, в частности зерновой, скорее наоборот: привели к разрушению производительных сил в деревне, падению сельскохозяйственного производства и страшному голоду в 1932–1933 годах, число жертв которого колеблется от 6 до 16 млн человек.

Коллективизация была завершена в 1937–1938 годах. Колхозы, появившиеся в результате данной аграрной политики, по существу являлись государственными предприятиями. Государство имело монопольное и практически неограниченное право распоряжаться колхозом и произведенной им продукцией по своему усмотрению. Таким образом, советская власть, в первую очередь используя внеэкономические методы принуждения, насилие и репрессии, а также налоговый гнет, осуществила сплошную коллективизацию, в результате чего крестьянство перестало существовать в прежнем значении этого слова. Оно окончательно потеряло свою экономическую самостоятельность и превратилось в послушного раба тоталитарного государства.

Источники и литература:

Гайдар Е. Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. — М.: Дело, 2005.

Ивницкий Н. А. Коллективизация и раскулачивание. — М., 1994.

Белавин А. М. Страницы истории земли Пермской. — Пермь, 1997.

Данилов В. П., Ивницкий Н. А. Документы свидетельствуют. — М., 1989.

Иванова М. А. Коллективизация в Прикамье: насилие без границ// Годы террора: Книга памяти жертв политических репрессий. — Пермь: Здравствуй, 1998.

ГОПАПО. Ф. 2, оп. 1, д. 45, л. 6.

Анна Рожкова

Судьба страны с судьбой людей неразделима

У каждого человека есть своя маленькая родина, где он родился, вырос, где живут его родители, где похоронены его предки. И куда бы ни забросила его судьба, он тесно связан сердцем и душой с Родиной. А все ли знают историю родного края?

В литературе и в архивах о селе Печмень упоминается очень редко. Впервые о Печмене упоминается в отчете Осинской уездной управы 1882 года в связи с эпидемией брюшного тифа. Следующее упоминание — в Исторической записке 1908 года «Список населенных мест Пермской губернии». Отмечена Печменевская волость, се-

ло Печмень на ключе Печмень. Массовое заселение русскими Печменского края проходило после отмены крепостного права в 1861 году. Переселялись люди как с севера, из Чердыни, так и из Вятки (нижегороды), Осы, Оханска, из центральных губерний.

Село Печмень стоит на речке Печменка, речка Печмень есть в деревне Бичурино. Считают, что Печмень — башкирское слово, но из старины до нас дошла легенда о происхождении названия нашего села. Через это поселение шла дорога, по которой везли медь, медистый песчаник, в печи Шермяитского медеплавильного завода. В печи везли медь — образовалось слово Печьмедь, а затем Печмень (эту легенду поведал учитель истории Печменской школы Афанасий Иванович Паршаков).

Мы попытались проследить историю нашего села в XX веке по воспоминаниям наших уважаемых сельчан.

Из воспоминаний старожилов, записанных Николаем Васильевичем Люлиным:

«Белогвардейцы в конце ноября 1918 года, теснимые с запада частями Красной армии — дивизией Азина, стали отступать на восток. Путь отступления белогвардейцам преградила бригада П. И. Деткина. После двухмесячных ожесточенных боев под деревней Дубовая Гора (около Куеды) бригада П. И. Деткина с боями стала отступать в направлении Сарашей. Сараша защищал 2-й Бирский полк под командованием П. И. Светлакова. Белогвардейцев было много. Комбриг Деткин приказал Светлакову отступать от Сарашей в сторону Таныпа, Константиновки и остановиться в Печмене. С приближением белогвардейцев к Сарашам сарашевские кулаки подняли восстание против советской власти. Бирский полк начал отступать из Сарашей. Командир полка П. М. Светлаков задержался немного, а когда вскочил на коня, раздался выстрел. Светлаков был убит выстрелом в голову. В этой же схватке был смертельно ранен в живот комиссар полка Семен Новиков. Командира П. М. Светлакова отступающие красноармейцы привезли в Печмень. По приказу комбрига П. И. Деткина тело Светлакова было доставлено для погребения в Пермь. Но вскоре Пермь заняли колчаковцы. Они разрыли могилу Светлакова и выбросили его из гроба.

После гибели П. М. Светлакова 2-м Бирским полком стал командовать Иван Антонович Катаев. Полк с боями отступал из Сарашей в Печмень. Между Константиновкой и Печменем произошел бой, это было в начале декабря 1918 года. В этом бою погибло

двенадцать красноармейцев. Их 6 (19) декабря 1918 года захоронили у Печменской церкви (в сторону учительского дома, сейчас там живет А. А. Рожкова). «Красные» в Печмене продержались с начала декабря 1918 года до конца марта 1919 года, потом отступили, теснимые белогвардейцами. Когда «белые» пришли в Печмень, они выкопали из могилы захороненных у церкви красноармейцев, говоря, что коммунистов у церкви нельзя хоронить, и зарыли их за оградой Печменского кладбища. Через три месяца, в июле 1919 года, «белые» из Печменя были изгнаны навсегда 2-м Бирским полком под командованием И. А. Катаева. Считается, что все двенадцать погибших были родом из Дубовой Горы».

Из рассказа Николая Максимовича Пепеляева, уроженца Нижнего Печменя, 1929 года рождения: «Папа, Максим Алексеевич, не шел в колхоз. Его вместе с мамой, Анной Николаевной, вызвали в сельсовет. Маму после беседы отпустили, отца оставили на ночь. Мама, я и сестра Зоя спрятали муку. Потом в дом пришли и описали имущество. Помню, что взяли самовар, два «венских» стула. А муку не нашли. У мамы был дядя (по матери) Егор Иванович Ивашенко, 1861 года рождения. Он был неграмотный, но хозяйственный. Держал большое хозяйство: два дома (нынешнее двухэтажное правление колхоза — это его дом, еще рядом стоял дом, амбар), жил богато. Держал в Зязелге мельницу. Максим, мой отец, будучи еще неженатым, работал на мельнице. Мать, Анна Николаевна, в девичестве жила в работницах у своего дяди Егора, он подарил ей самовар, но его конфисковали. Этот самовар долгое время хранился на складе первого этажа правления. Егора раскулачили, все имущество забрали. Егор с женой Ефимьей вырыли землянку в деревне Ореховая гора, там и жили. Но их и здесь не оставили в покое. Егора Ивановича Ивашенко забрали, увезли в Свердловск и там в 1937 году расстреляли. Жена к тому времени умерла от болезней и голода».

Из рассказа Надежды Ефимовны Баяндиной, урожденной Патрушевой, 1919 года рождения: «Мой отец, Патрушев Ефим Федорович, 1882 года рождения, был награжден Георгиевским крестом за участие в Первой мировой войне. Но в 1937 году его забрали из дома за то, что он созвал старушек справить поминки по умершему сыну. Его посадили за религию на семь лет. От него было всего одно письмо с Черного моря. Семья была единоличной, детей осталось семь человек. Все имущество конфисковали. Мама, Евдокия Андреевна, в колхоз так и не вступила, одна воспитала детей.

Двух ее сыновей, Александра и Петра, призвали на войну, оба погибли. Вместе с отцом сослали Новокрещенных Федора Григорьевича, 1881 года рождения, — фельдшера Печменя, который работал с 1930 года, с начала открытия фельдшерского пункта. Его арестовали в 1935 году, шестеро детей остались без отца. Новокрещенных потом расстреляли, а вот про отца мы ничего не знали. Говорили, что он так и ходил всю оставшуюся жизнь странником».

Из воспоминаний Генриетты Александровны Курочкиной, 1931 года рождения, Студеный Ключ: «Жили во время войны (1941–1945 гг.) трудно. Питались плохо, хлеба не было, все отправляли на фронт. Мы пекли лепешки из лебеды, калеги, картошки, спасало молоко. Работать заставляли день и ночь. Чуть подросла — возила снопы на конях. Зерно свозили в старую церковь, на голубинку (так называлось место, где ссыпалось зерно). Возила также зерно на лошадях в Осу. В складах зерно было насыпано под самый потолок. Приходилось с мешком лезть на самый верх. Мешок выпадет из рук, скатится вниз, и опять начинаешь все сначала. Мне было очень тяжело, но это никого не интересовало. Пахали на паре, лошади слушались плохо, на повороте с трудом поднимали плуг. Когда сеяли, то мешки с зерном поднимали с каким-нибудь стариком. Сеяли с лукошка. Деревянными граблями боронили под посев, лопатами копали под огурцы. Кони в войну дохли от работы непосильной и недоедания, а люди держались. Лапти с ног не снимали, некогда было. Во время войны платили налог. Семейные бабы с четырьмя-пятью детьми налог не платили, пока ребятишки малы, а как подрастут, налог сразу начинали брать. Сдавали молоко, шерсть, яйца, мясо, брынзу (овечье молоко). За неуплату налога уводили корову. Если даже нет скота, все равно должны платить 40 кг мяса в год, 75 яиц. Как-то Петру Цыбину нечем было отдать за яйца, так у него забрали единственную козу. Моя мама пожалела его, заплатила за него 75 яиц, и ему вернули козу. Как-то уродилась плохо картошка, и уполномоченный Петр Лебедев и Николай Кузнецов выгребли у нас всю картошку подчистую. Спасибо соседям, докормили нас до весны. Хлеб давали служащим (учителям, работникам сельсовета и сельпо). Если выдадут на трудодни 1 кг муки, мы с мамой разделим ее на пай ложкой, хватало только похлебку забелить».

Из воспоминаний Анания Михайловича Адаменко, директора Печменской школы в 1942–1947 годах: «Учащиеся школы ежегодно много работали по оказанию помощи колхозам в полевых рабо-

тах (по всем сезонам). Это о них написана история как трудовой подвигов наших тружеников тыла. Работали все, от 1-го до 7-го классов. Работали почти ежедневно. Заканчивали занятия — и в поле. В годы войны сумели организовать питание (конечно, военных лет, не современное). Это горбушка чистого ржаного хлеба (200 г) и хотя постная, но горячая похлебка из картошки, приправленная мукой. Верх блаженства! Одежда была небогатой. Почти все ходили в школе в лаптях. Даже был кружок по плетению лаптей. Особенно в этом были мастера старшие Зворыгины, Анатолий и Александр».

Из воспоминаний Петра Александровича Червякова, 1932 года рождения, председателя колхоза им. Свердлова: «Постепенно, с 1956 года и примерно до 1960 года, отменили налоги с подсобного хозяйства, деревня вздохнула свободнее. С 1958 года ликвидировали МТС, передали технику, вернее продали по остаточной стоимости, дешево, колхозам. Председатель колхоза Окулов Яков Васильевич не торопился покупать технику, взял не все, что предлагали. Получили два дизеля, гусеничный трактор «Натий» на бензине, комбайны. Всю технику принял бригадир Пепеляев Николай Максимович.

Процесс укрупнения колхозов коснулся и нашего хозяйства. В конце 1959 года объединились Печмень, Константиновка, Кармановка. Вместе прожили немного, всего три месяца. Центр колхоза был в Константиновке, председатель — Саттаров Ваиз Гасбарович. Сделали три участка, но начались споры (печменский лес увезли на пилораму в Кармановку; зарплату в Кармановке выдали раньше, чем в Константиновке). 11 марта 1960 года из Барды приехали Ландцев и Нигаматов, и на многочасном собрании печменцев произошло разделение, хотя наш колхоз полгода в районе не признавали. В это время в хозяйстве было 225 трудоспособных.

В 1960 году была пробурена первая нефтяная скважина недалеко от Асюльской фермы, скважина № 1. Это было большим подспорьем хозяйству (ремонтировались и строились дороги, нефтяники помогали колхозу соляркой и мазутом). В конце 1960-х годов построена асфальтированная дорога, которая прошла через с. Печмень. С 1958-го по 1964 год начали строиться, дома росли как грибы. Лес давали бесплатно, выделяли трактора для вывоза леса. Три мельницы было (Асют, Даниловка, Каратаевка) и еще не хватало, люди ездили даже в Константиновку».

Из воспоминаний Фаины Степановны Бакалдиной, 1945 года рождения: «Вспоминаю, как дружно жила молодежь. Я работала

в клубе (1978–1986 гг.). Шили сами костюмы, сарафаны для выступления. Ставили концерты, занимали призовые места в конкурсах, художественным руководителем была Люда Галанова. Боря Шадрин был главным помощником. У Оли Горбуновой (Ивановой) — золотые руки, она шьет, вяжет. К сожалению, сейчас она пьет, лишена родительских прав.

При председателе Василии Ивановиче Масальских (с 1963-го по 1977 год) колхоз «Новая жизнь» жил хорошо. Начали жить с кулей. В соседних деревнях закупали (и сами ткали) мочальные тканые кули (под соль, муку) за 40 копеек штука, а продавали уже за 80 копеек. Продавать возили на станцию Куеда. Отсюда в колхозе появились «живые» деньги. Это был приработок, ведь основные деньги получали от сельскохозяйственной продукции. Поэтому деньги колхозники получали хорошие. В конце года давали премиальные, в зависимости от стажа работы. Когда наш колхоз соединили с Печменским (1980 год), ткать кули запретили, чтобы не рубили липу. При Червякове П. А. жили тоже хорошо. Оклады были около 250 рублей, а доярки зарабатывали по 400 рублей и выше. Пьянства почти не было.

В 1970-е годы люди начали уезжать из деревни. Колхозники узнавали, что где-то живут лучше, ведь в деревне жизнь трудна во все времена».

Такова, очень коротко, история нашего села в рассказах очевидцев, которые мы изучили, надеясь приостановить падение интереса к отечественной истории. Общась со своими сверстниками, мы выяснили, что молодежь плохо знает историю своего села, своего народа, утратила русские национальные традиции. Мы считаем, что русский человек должен с самого детства почувствовать и понять, что он сын Великого русского народа, что он славянин. Без таких людей, патриотов, невозможно развитие села, государства в целом. Утрата культурных истоков, забвение своей культуры ведут к вымиранию нации.

А наши односельчане, перенесшие великие страдания и крушения, неоднократные взлеты и падения, достойны восхищения!

(Печатается в сокращении)

Источники и литература:

История Урала. Пермь. Том 1 — 1963 г., том 2 — 1965 г.

Летопись Печменского дома культуры, составитель З. И. Байрамова

Архивные документы семей.

Виктория Колдомова

История «Зари»

Каждому взрослому человеку в нашей стране известно, как обезлюдела сельская местность. Иногда трудно поверить в то многолюдье, которое наполняло территории, называемые сельской глубиной. Несколько столетий назад заселялись людьми, укреплялись, развивались населенные пункты и, достигнув апогея в своем развитии, постепенно затухали. По каким-то причинам жители покидали родные деревни, которые после этого полностью исчезали.

Некоторые из этих деревень существовали целые столетия. Именно там зародились те особенные черты нашего народа, которые отличают его от всего мира. Для того чтобы не растерять эти особенности, необходимо изучить историческое прошлое и попытаться понять, как формировалась, сохранялась, передавалась из поколения в поколение способность русских людей осваивать незаселенные территории, выживать в суровых условиях климата, любить свою родину и уметь ее защищать. Где черпали наши предки силы для преодоления трудностей и за счет чего сумели обеспечить то духовное развитие, которое является основной опорой в жизни человека? Научная работа по краеведению — это один из способов разрешения проблемы.

Данная работа посвящена небольшому уголку земли в Большесосновском районе Пермского края. Расположен он в трех километрах от села Тойкино, на склоне холма, обрамленного у подножия ручьем, за которым вытянулся высокий бугор. Оказавшись здесь погожим летним утром, когда поднимается солнце, люди бывают поражены обилием света, естественными звуками живой природы, появлением ощущения комфорта и пониманием того, что это место очень удобно для проживания людей. Нам известно, что люди здесь жили более двух веков и первыми появились старообрядцы, бежавшие от реформ Никона, образовавшие на этом месте монастырь. Из уроков истории мы знаем, что монастыри часто являлись местом, где люди находили уединение, душевное успокоение, поддерживаемое физической работой и скромным образом жизни. В общении с природой люди восстанавливали свое душевное равновесие и покидали монастыри исцеленными и готовыми к дальнейшему духовному развитию. Тойкинский

монастырь существовал до начала двадцатого века, постепенно приходя в упадок, и во время Гражданской войны его покинули последние обитатели. После установления советской власти в 1920 году пустующие монастырские земли были переданы тресту «Кизелкопи» для организации сельхозпредприятия, которое должно было снабжать продовольствием шахтеров и строителей Кизеловской ГРЭС, где работало более 10 тысяч человек. Руководство «Кизелкопей» образовало на монастырских землях совхоз имени III Интернационала.

В 1921 году страну охватил страшный голод, возникший в результате опустошительной засухи. Советская Россия стала получать продовольствие из-за границы, в том числе из США, где наряду с другими организациями было создано «Общество друзей Советской России», которое действовало под руководством международного рабочего комитета помощи России при Коминтерне. Общество образовало американский тракторный отряд из одиннадцати рабочих, в котором имелось двадцать тракторов «Кейс», трактор «Фордзон», два автомобиля и сельскохозяйственная техника. Отрядом руководил преподаватель сельскохозяйственного колледжа Гарольд Вэр. 1 июля 1922 года отряд прибыл на станцию Верещагино Пермской губернии, откуда отправился в совхоз имени III Интернационала, находящийся в 72 верстах от железной дороги. Прибывший отряд разместили в кельях пустующего монастыря. Политическую окраску приезду американцев создавало название совхоза, смысл которого сводился к идеям интернационализма. Это обстоятельство связало крохотный уголок Российской глубинки с далекой заокеанской страной.

Американцы прибыли вовремя, так как после Гражданской войны в Тойкинской волости не обрабатывалось 13 тысяч десятин земли. За летние и осенние месяцы усилиями тракторного отряда было вспахано 1500 десятин земли. Но главным было другое — местные крестьяне впервые увидели современную по тому времени технику, поняли ее преимущество и на своей родной земле столкнулись с примером настоящей взаимопомощи со стороны граждан другой страны. Иностранцы демонстрировали местным жителям не только производственно-технические новшества, но и культурные достижения Запада, так как они привезли киноаппарат, с помощью которого проводили демонстрацию фильмов. Жители села Тойкино до сей поры гордятся тем, что они первыми в здешней местности познакомились с этими новшествами. Доброжелательность, взаимопонима-

ние с той и другой стороны было очевидно и даже проявилось в заключении брака между одним из членов отряда и местной жительницей. Уехавшие глубокой осенью 1922 года американцы оставили в совхозе трактора и засеянные рожью поля.

Образованный совхоз существовал после этого еще несколько лет, а в 1929 году бывшие монастырские земли были отданы первому организованному в нашем районе коллективному хозяйству — коммуне «Заря». 14 семей первых коммунаров поселились в кельях монастыря, и склон холма вновь ожил от присутствия людей. Он снова оказался связан с реформами в нашей стране, а именно с проводимой коллективизацией сельского хозяйства. Коммунарам жилось очень трудно, так как в основном это были приезжие люди, оказавшиеся в нашей местности потому, что были вынуждены покинуть свои места из-за военных действий во время Гражданской войны и спастись от голода 1921 года из центральных районов России. У них не было лошадей, орудий труда, и необходимость выживать заставила их объединиться. Коммуне были переданы несколько тракторов и сельскохозяйственные машины, оставшиеся после американского тракторного отряда, а государство оказывало поддержку коллективным хозяйствам в виде кредитов. Недостаток средств и плохая организация труда, отсутствие заинтересованности работников — все сказывалось на результатах работы, и в 1935 году коммуна «Заря» была реорганизована в колхоз «Заря».

К концу 1930-х годов некоторые члены колхоза сумели построить собственные дома. Около двух десятков дворов образовали целую улицу на склоне холма рядом с монастырем. Огороды большинства жителей подступали к берегу пруда. В годы Великой Отечественной войны в Заре — так стали называть образовавшуюся деревню — разместили, как и в других населенных пунктах района, эвакуированных из Ленинграда людей, которых дружелюбно встретили местные жители. В первое послевоенное десятилетие Заря жила обычной жизнью, как и тысячи деревень в нашей стране, но в связи с реформами Н. С. Хрущева она наряду с десятками деревень в нашем районе была объявлена неперспективной, и в 1960–1970 годах ее покинули все жители. Стены монастыря, как и некоторые дома, разобрали и перевезли в соседние населенные пункты, а остальные постепенно рушились.

В настоящее время можно обнаружить очертание бывшей улицы по кустам сирени, черемухи, акации. Весной весь склон зарастает ароматным разнотравьем. Пастухи пригоняют сюда стадо

коров, которые, сытно наевшись, спускаются на водопой к ручью, текущему по дну бывшего пруда. Ручей облюбовали бобры, построив здесь двенадцать плотин, образовавших целый каскад прудов. Большое количество запруженной бобрами воды создало экологически чистый микроклимат. Нижние ветки елей, подступающих к прудам, покрыты толстым слоем сизовато-белого мха, что является ярким подтверждением чистоты воздуха. Бывшие жители деревни ежегодно приезжают на этот склон холма, о чем свидетельствует наезженная дорога, собирают здесь ягоды и грибы, наслаждаются изумительным ландшафтом, рассказывают своим детям и внукам об исторической значимости этого уголка земли и глубоко сожалеют о том, что реформы сельского хозяйства во второй половине двадцатого века привели к исчезновению деревни Заря.

Татьяна Шакирова

Тойкинские трактора

Начинается осень, тянется зима, а весна и лето пролетают незаметно. И вот уж опять осень, зима... вечер и ночь... клубочки воспоминаний метрами (годами) расплетаются, даря душе благодать. Ничего придумывать не надо. Только записывай... Рассказывает моя учительница:

«...Мне пять лет. С подружкой играем вдвоем у деда. Какая-то штуковина. Там, под ней, у нас дом. Можно крутить ручку. Оказывается, через десять лет я это узнала, это молотилка. Откуда она в 60-е годы XX века оказалась во дворе у деда? Наверное, с тех времен, с 20-х годов. Дом у деда с бабкой был особенный. Не очень большой внутри, но с грандиозными кладовыми, теплыми сенями, погребом под кладовыми (из-за этого погреба и сгорел. В сентябре, перед засыпкой картошки, яму топили — сушили. Недоглядели — и дом загорелся. Постройка старая, сухая — все сгорело.) В доме были ставни снаружи (ни у кого не было в нашем селе дома со ставнями снаружи). Помню: двери в комнату с филенками, как в барском доме, распахивались, часы настенные, богатые. Потом, лет через сорок, читая литературу о разорении дворянских усадеб, я догадалась — откуда. Бабушка как-то вскользь оговорилась, что этот дом дорого достался — ее первенец умер во время стройки. Практически они строили его с дедом вдвоем.

...Звонок подруги. Не виделись лет двадцать. Голос узнаю безошибочно. Как, что, где, когда, сколько?.. Потом беседа течет по руслу воспоминаний. Нам пятнадцать, семнадцать, двадцать... Матери посылают по ягоды. Куда пойдем? В Зарю. Заря... Такое место — хорошо смородина растет. Дороги нет. Лог между лесов. Откуда там взялась смородина?

С этим же местом еще одно воспоминание связано. Даже два! Как во всех крестьянских домах, у бабушки две рамки с фотографиями. По несколько раз за день останавливается перед ними: «Тятя Фая, сестра Мария, мой отец в армии, я, двоюродная сестра Инна...» А мне интересна фотография с какими-то мужчинами, женщиной и... медвежонком! Бабушка обстоятельно рассказывает, что это американцы (помощь рабочих-американцев красной России в 1921–1922 гг.). Они жили у нас, в Тойкино, в коммуне «Заря», около двух лет. А дед у них был помощником, конюхом. И другие тойкинские мужики с ними общались — учились пахать на колесных тракторах, которые американцы привезли из далекой Америки и со станции Верещагино (90 км) гнали своим ходом до нашего села.

Об американском тракторном отряде я еще несколько раз слышала. Но меня это не касалось, по молодости еще не сложилось отношение к истории и сопричастности ей.

В семнадцать лет я была агитатором и ходила по домам, переписывая избирателей. Наискосок от деда был большой, из трех пятистенков, дом бывшей учительницы (я ее не видела ни разу, она тогда, в 1965–1968 гг. уже не вставала). У подружки Надьки Несмеловой (ее дальней родственницы) видела фотографию — точно, как Н. К. Крупская, и орден Ленина на груди. Ей, говорят, в 20-е годы его сам Калинин в Москве вручал. Так вот, за ней в то время ухаживали ее племянницы, тоже уже старушки, только худенькие и маленькие, Петровны — Зинаида Петровна и Надежда Петровна.

Я составляла списки своего округа, вписывая данные избирателей с паспортов. На нашей улице все Оленевы, Железновы, Пустановаловы и вдруг... Роффредо... Роффредо! Роффредо Зинаида Петровна! Почему, откуда Роффредо? Оказалось, та молодая женщина в большом гофрированном воротнике на фотографии — Зинаида Петровна. С одним из американцев они полюбили друг друга и поженились. Она уезжала с ним, а во время Великой Отечественной войны вернулась. Одна. А были муж и сын. И так одна и жила до самой смерти в Тойкино, работая счетоводом в школе. Замкнуто, уединенно.

А в «Зарю» к американцам пришла молодежь (видимо, время коллективизации) из деревни Потка и села Тойкино. Решили там жить по-новому: выстроили дома-бараки, какие-то подсобные хозяйственные помещения. Но через несколько лет все разбежались, ничего там, кроме ям, на месте домов не осталось. Кто были эти люди? Какие? Ничего теперь уже не узнаешь, старики, помнящие это, давно умерли. А мы, как «Иваны, не помнящие родства», не знали, не спрашивали, о другом думали и мечтали...

Недавно с ребятами 6-го класса писали текст о Марсе. Ребята заспорили. А я почему-то вспомнила песню своей молодости: «И на Марсе будут яблони цвести»... И верили, и рассказывали, и ездили на комсомольские стройки... И на Марсе будут яблони цвести...

А в 1973 году случился в нашем селе переполох. Едут американцы! Думали, те, что в двадцатых годах тут жили. Но приехали только русские журналисты из какого-то журнала, издающегося в Москве на английском языке. Молодежь собрали у реки — варили уху, водили какие-то дурацкие хороводы в мини-юбках. Через несколько месяцев пришел журнал на адрес орденоносного совхоза имени Ленина. У нас тогда был выстроен большой свинокомплекс на горе на той Зареке. Навозная жижа, за несколько лет переполнившая отстойники, полилась в реку, уничтожила всю рыбу в реке, сделав ее непригодной для нужд населения на несколько километров и лет. Но тогда, в семидесятые годы, мы гремели! Свинарки получали ордена, ездили в Москву на ВДНХ, построено было столько новых домов со всеми удобствами!

Таких журналов, с глянцевой бумагой, на иностранном языке, сроду не видали. И окрестности села на фотографиях не узнавали, и себя в хороводе... Так все было красиво!

Я любила свое село до безумия. Учась в Перми, домой на ночь готова была пешком, на попутках, только домой! Казалось, ничего лучше не может быть на свете родного Тойкино и людей, живших в нем.

Тридцать лет назад приехала на работу в село Левино. Вышла замуж, родила троих детей. Прижилась в чужом селе, полюбила его и людей, много узнала об истории села, сама стала частью истории (была ответственной за производственную бригаду школьников, работающую в восьмидесятых годах на Левинском откормочном комплексе, где растили знаменитых телят герефордов (улучшенное мясо), была директором школы).

А домой в Тойкино (хотя мать ко мне переехала и родных там не осталось) тянуло. Слышала о том, что в девяностые годы совхоз распался, паи получили все, животных разделили, растащили по домам всю технику. Кто-то сумел все это пустить в дело, кто-то все пропил. Село встретило меня пустырями, на месте разрушенных усадеб, в центре, у клуба, наш любимый сад и танцплощадка в сиренях, огромное поле крапивы и полыни. На «Каравашке» — так называлось поле, с которого больше всех нажинали пшеницы (и мы любили ездить с шоферами, разравнивая пшеницу по кузову) — та же безотрадная картина. Да и вообще, покосы больше на полях, хлеба — ржи и пшеницы — не видно, чтоб сеяли на тойкинских полях. Зато больше всего людей стоит в центре занятости, надеясь на пособие по безработице. Много ребят в приюте из семей пьющих односельчан. Такого не было в годы моего детства. Взрослые работали, мы им помогали. На разнарядку летом в сенокос в 6 утра приходили, чтоб только успеть записаться копны на лошадях возить! Что стало с моей родиной, да и с ней ли только одной?! Куда все бывшее богатство девалось? Чье это неразумное правление? Чем гордиться современному поколению односельчан? Вот и бегут из села, одни неудачники из молодежи остаются. А что с ними сделаешь? А жизнь надо поворачивать, иначе будет поздно!

Мой муж тридцать лет агроном. Горячится, переживает, болит сердце, когда сеять, убирать, косить надо, а... солярки нет. Нет мощности КЗС, чтоб переработать вовремя зерно. Вот вертится, изобретая колесо. Есть старые, преданные земле трактористы. Все ждут пенсии, так как зарплаты в деньгах не получают. Да и агроном с высшим образованием на бумаге имеет зарплату 1600 рублей — как уборщица в школе!

Что будет с землей, с людьми в деревне? Ведь поля (полтора-два километра от большого села) зарастают лесом — прекрасные леса из сосен, берез, ив. «Хан Мамай» идет по России, на сколько-то десятилетий впадает она в спячку? Когда проснется? Ау, Русь! Невольно и Гоголя вспомнишь, только по-другому...

...Я родилась в конце восьмидесятых годов прошлого столетия, в период расцвета нашего села. В это время моя бабушка работала главным бухгалтером в Левинском совхозе. Это было счастливое время нашего села. Совхоз насчитывал многотысячное поголовье крупного рогатого скота (точнее, около трех тысяч). Не простых пород, а герефордов. Были свиноводы. Лошадей, выращенных нашим совхозом, продавали за границу. Рожь и

пшеница выращивались на 3800 гектарах; осваивались новые территории под новые посевы. Также сеяли подсолнечник, горох, картофель. Наш совхоз ни в чем не нуждался, а излишки сдавали государству.

Отдыхали тоже с размахом. Кино, клуб, танцы по вечерам. В новой школе в классах было до двадцати и более учеников. При школе в интернате проживало 120 ребят. Моя школа часто занимала первые места. После школы молодежь уезжала учиться, но потом возвращалась обратно.

Совхоз получал новую технику. Тогда в гараже работал мой отец, водителем грузовика. Он рассказывал, что когда он работал, то они увозили коров на сдачу не по одной машине, а по 10–12 машин.

Но когда я сейчас вижу, что стало с моим селом, то я не могу представить его расцвет. Из трехтысячного поголовья скота осталось всего около 300 голов, одиноко стоят пустующие свинарники. Конюшен нет. Несколько коней — вот что осталось от великого прошлого наших конюшен. От того, что выращивалось в нашем совхозе, сейчас растет только одна пятая, некоторые из культур вообще перестали сеять. Освободившиеся площади, с таким трудом отвоеванные у леса, зарастают березами и елями. В гараж сейчас почти ничего не покупается, а чаще всего «новую» машину собирают из двух старых.

В школе учатся уже не сотни, а только несколько десятков человек (в некоторых классах учатся всего один-два человека). После 9-го или 11-го класса все едут учиться или в район, или в город. И стремятся там же и остаться, потому что в деревне нет работы.

Закончив школу, я тоже уеду учиться в город и, если будет возможность, останусь там...

«...Как ни печальна ситуация в моем селе, я все-таки надеюсь, что мое село вновь станет одним из лучших и сюда потянутся люди, а главное, молодежь вновь захочет остаться в селе. Надеюсь, что появятся новые рабочие места и продукция нашего СХПК «Левинское» станет снова конкурентоспособной на мировом рынке. Моей ученице — Тане Шакировой — 16 лет. Я учила ее маму. Я любила наблюдать за ней, когда она час-полтора шла от школы до дома, проходя 300–400 метров, исследуя все лужи, наблюдая за водомерками и лягушками. Интересный, наблюдательный ребенок! Я почему-то думала, что из нее вырастет прекрасный педагог, хороший врач, толковый зоотехник.

А жизнь — эти новшества наверху, «забота о благе народа» — внесла свои коррективы. Не будет Таня жить в селе, не будет еще одного толкового специалиста, который так нужен деревне!

На тему американского тракторного отряда, видимо, получил задание написать стихи наш пермский поэт Владимир Радкевич. Я помню его приезд, посиделки в доме директора совхоза С. В. Дектерева (его жена была учительницей, они дружили с моей матерью, обе преподавали русский язык и литературу). С гордостью мы потом читали и учили стихотворение В. Радкевича о нас, о нашем селе...»:

В 1921 году в селе Тойкино Пермской
области работал первый тракторный
отряд американских интернационалистов.

Ну что, казалось бы, решали
В невиданной борьбе миров
Затерянные на Урале
Шестнадцать этих тракторов!

И все-таки горячим всплеском,
За тем оврагом, за бугром,
С утра гремел по перелескам
Неслыханный железный гром.

Навстречу новому рассвету
Он будоражил и будил.
Он слышен был на всю планету —
Врагу и другу слышен был.

Когда в разрухе, в горе лютом,
Деревня выбилась из сил,
За этим тракторным маршрутом
Ильич внимательно следил.

В ветрах Россия изрыдалась,
И все-таки волной тепла
К нам классовая солидарность
По большакам российским шла.

Все может в жизни примелькаться
За столько бурь, за столько лет.
Но трактора-американца
У нас остался добрый след.

И дышат мне в лицо озоном
Мои прикамские ветра.
И как гроза за горизонтом —
Те тойкинские трактора!

(Печатается в сокращении)

*Анастасия Рыжова
Мария Казакова*

История проходит через дом человека, через его частную жизнь

В начале января 2006 года общественность города Нытвы отметила 80-летие В. В. Микова, ветерана войны и труда, краеведа, поэта, общественного корреспондента местной газеты «Новый день», уважаемого в районе человека.

Из автобиографии В. В. Микова: «Я, Миков Василий Васильевич, родился в 1926 году, 9 января, в деревне Сидорово Гражданского сельского совета Нытвенского района. Родители — крестьяне-середняки. Отец на советской работе тридцать лет был председателем сельского совета. Мать — колхозница. С 1933-го по 1940 год учился в семилетней школе. С июня 1940 года работал в колхозе рядовым колхозником. В 1943 году работал трактористом МТС. В конце 1943 года пошел добровольцем в армию. С боями прошел от Вислы до Берлина. После демобилизации работал снова в колхозе кладовщиком. С 1949-го по 1952 год учился в трехгодичной сельскохозяйственной школе руководителей кадров колхозов. Закончил, получил диплом с отличием. По окончании ее был избран председателем колхоза. После второго укрупнения колхозов работал бригадиром комплексной бригады. После реорганизации колхоза в совхоз работал управляющим отделением. В 1973 году переехал в г. Нытву, работал в управлении сельского хозяйства. Дважды избирался председателем сельского совета. На пенсии с 1986 года».

Нам представилось интересным сопоставить страницы истории России с событиями в истории рода Миковых и их земляков, проживавших в окрестностях села Воробы Нытвенского района Пермской области, а также прокомментировать их стихотворными текстами В. В. Микова.

«Во второй половине XVIII века в России особенно быстрыми темпами развивалась металлургия. Главной базой русской металлургии стал Урал».

Далекие предки Миковых появились в наших местах в первой половине XVIII века. Из стихотворения «Родословная»:

Сплавив нужный скarb когда-то
Камой вниз на паре струг,
Появились здесь три брата
С дальних северных округ.
Не от легкой жизни скоро
В трудный двинулись поход,
От рекрутских ли наборов,
Притеснений ли господ...
Видят тут, глазам не веря,
Мир безлюден, глух и нем,
Край непуганого зверя,
Рыб, не ловленных никем.
Вот куда зашли! Легко ли?
Здесь один наш род, как перст.
Триста верст от Камской Соли,
До Руси аж тыща верст.
Лесовали, зверя били,
А за свой пушной товар
Лошадей и скот водили
Из-за Камы от татар.
Так и жили на просторе
Без попов и без господ,
Только начал им на горе
Строить Строганов завод...
И не ведали вначале,
Что свободе их конец.
В толстой книге записал их
Графской вотчины писец.

«Начало XX века — переломное время в жизни России. Расцвет культуры в этот период был беспрецедентным».

В районной газете «Новый день» за 1997 год, в статье «Отзвенели колокола», рассказывается об истории Говыринской церкви. В период с 1900 до 1910 года в деревне Говырино была выстроена церковь из красного кирпича, с роскошной кирпично-металлической оградой и арочными воротами. Строительство церкви поощрялось властями. Да и самим крестьянам лестно было иметь свой храм, где можно было бы справлять христианские праздники и обряды.

Церковь строили всем миром. Крестьяне охотно шли на земельные и другие тяжелые работы, получали за них кое-какие копейки. Кладка стен производилась на известковом растворе с добавлением в него яичного белка, для чего по деревням ходили специальные сборщики яиц. А когда основное строительство стен и куполов было закончено, на внутреннее украшение и оборудование потребовались дополнительные средства. Щедро жертвовали свои капиталы богатые мужики на настенную художественную роспись, на главный иконостас, на паникадило и большой колокол весом 60 пудов. Осветили церковь священники Пермской епархии. Для жителей деревни Говырино этот день превратился поистине в настоящий всенародный праздник. Нетрудно догадаться, с какой охотой народ посещал свою новую, сверкающую красками и позолотой церковь. Она стала главной объединяющей духовной силой окрестных поселян.

В 1933 году колокола с Говыринской церкви были сняты. И не одно крестьянское сердце болезненно сжалось, когда большой колокол упал на каменные плиты. И даже настоятель церкви отец Василий отрекся от церковного сана. Вера в деревне стала угасать.

Потом было несколько попыток возродить церковную службу, но верующих стало мало. Во время Великой Отечественной церковь была открыта. Солдатки урывали часок, чтобы сходить в храм и поставить свечку за своих без вести пропавших мужей. После войны купола и железная крыша были обновлены покраской. Однако попытка восстановить Говыринскую церковь окончилась неудачей, не было верующих. Не стало тех деревень, где жили бывшие прихожане.

На развитие культурной жизни села повлияли особым образом известные революционные события 1905 года. Тогда в село Воробьи приехал сосланный из Петербурга за политическую неблагонадежность Федор Дмитриевич Приделин. Вместе с женой он учительствовал в земской трехклассной школе. К этим людям

тянулись селяне, и вскоре в селе появился кружок любителей сценического искусства. Костяк его составляла молодежь и местная интеллигенция. Приходили даже семейные селяне. Драмкружок прекратил свою деятельность с началом империалистической войны.

Интересно было узнать, что в предоктябрьские годы, в начале XX века, деревенские жители все трудоемкие работы: ремонт городьбы вокруг поскотины, вывозку навоза, молотьбу, строительство дома — проводили помочами, то есть объединенными усилиями нескольких родственных семей в кратчайший срок: сегодня тебе — завтра мне. Вечером после ужина работники веселились: плясали, устраивали разные игры и мерились силой.

А как весело и своеобразно проводились деревенские праздники! Особенно радовались Масленице. Из деревни в деревню ездила молодежь, особенно парни, на конях с разукрашенной сбруей, в санках с подрезами и роскошными подушками, да со специальными шарабошками, коими управляли санками во время катания девок с катушек. Шум, визг, игра гармошки до вечера разносились по деревенским улицам.

«19 июля (1 августа) 1914 года Германия объявила войну России. Вскоре эта война приобрела общеевропейский характер и превратилась в мировую. Война стала следствием глубокого кризиса европейской цивилизации».

В своих стихах В. В. Миков много пишет о своем отце, жизнь которого тесно связана с событиями в России XX века:

Отца в пятнадцатом забрали
На службу царскую...
Война с германцем затянулась...

Домой его отец вернулся на костылях. Несмотря на незажившие раны, ему пришлось воевать в Гражданской войне. И вот опять: «...отец в сраженьях бьет жестоких вояк Гайды и Колчака...»

И далее:

Вот уж семья. А жизнь кипела.
Отец создал в деревне ТОЗ.
Потом он всем хозяйством смело
Вступил в создавшийся колхоз.

Затем глава семьи возглавил сельсовет и, по словам сына, «был как на фронте генерал». За все был в ответе, не знал ни отдыха, ни сна, а перед смертью завещал детям, что «священной нет земли на свете той, что вскормила хлебом нас».

«...Время требовало коренной перестройки сельского хозяйства, и был взят курс на проведение коллективизации. Гигантский рывок в развитии России в тридцатые годы был куплен ценой огромных трудностей для всего народа».

Конец двадцатых годов. Коллективизация. У нас в районе она проходила с такими же трудностями, что и по всей стране. Об этом времени рассказал В. В. Миков в поэме «Пути-дороги». Нас, уже изучивших период коллективизации по учебнику истории, поразили страшные факты, конкретные детали, указывающие на трудности этого процесса:

К колхозу люди привыкали,
Что ж, на миру и смерть красна.
Вдруг весь в колхозе хлеб забрали,
Фураж и даже семена...
Кем указанье было дано
Свезти весь хлеб в госзакрома?
И вот к колхозникам нежданно
Пришла голодная зима.
Народ в деревне был в смятении,
Не находил ответа он,
За что на голод и мученья
Коварно так был обречен?...
К весне приели всю скотину
И корм, что припасен скоту,
Головок клеверных пыжину,
Льянную куглину — и ту.
И наступил весной великий
Сил человеческих предел...
Степанко Симонович Миков
Собак и кошек даже ел...
Народ шарахался в деревне
И, подгоняемый бедой,
Ища от голода спасенье,
Бежал в завод и на бумстрой.

«На рассвете 22 июня 1941 года, без объявления войны, нарушив пакт о ненападении, германская армия обрушилась всей своей мощью на советскую землю. Люди остро осознали, что сейчас решается судьба страны».

Сороковые роковые... Шла война. В. В. Миков, страдающий близорукостью, рвется на фронт и добивается своего. Окончив курсы радиотелеграфистов, он с боями прошел до Берлина, был награжден орденом Отечественной войны II степени и медалями.

С горечью пишет он о больших утратах, постигших деревню:

Ох, многих, многих проводили.
Был незавидным их удел...
Кто в сорок первом уходили,
Никто из них не уцелел...
Лежат в земле, — война жестока, —
Двенадцать наших мужиков,
Незнамо где, в краях далеких, —
Так был войны закон суров.
Из лучших — лучших смерть косила,
Не знаешь, выберет кого.
Меня на фронте пошадил
На полдеревни одного.

Вернувшись с войны, Василий Васильевич работал в колхозе, председателем сельского совета, и все эти годы писал стихи, выпустил шесть сборников. Их главные темы — малая родина, село Воробы и его окрестности, люди и уклад их жизни.

Занимаясь нашим исследованием, мы убедились, что действительно история проходит через Дом человека, через его частную жизнь, поняли, какой трудный путь прошли труженики района в тяжелые, жестокие годы коллективизации и Великой Отечественной войны. Все это запало в душу, проникло в сердце, вызвало сочувствие и жалость и в то же время гордость за стойкость людей.

(Печатается в сокращении)

Литература и источники:

Личный фонд В. В. Микова (отдел по делам архивов администрации Нытвенского района Пермской области).

Данилов А. А., Косулина Л. Г., Пыжиков А. В. История России. — М.: Просвещение, 2002.

Галина Щербакова

Трагическая история немцев-поволжцев в 1941–1943 годах

Вот и меня спросили:

— Что мучит, брат?

— Нет дома, нет дома

И нет отчизны, брат...

Нет дома, нет дома

И нет пути назад!

«Песня изгнанника»

(пер. с нем. Я. Айгеншарфа)

Уже несколько лет мы знакомимся с судьбами немцев-поволжцев, попавших против своей воли в наш край ссылок, встречаемся с этими людьми, ведем тимуровскую работу. Тема эта для нас не случайна. В нашей школе есть внуки репрессированных, и наш классный руководитель Елена Владимировна Войняк — тоже внучка репрессированного Ивана Сергеевича Житпелева.

Он работал в УВСР г. Молотова, в учреждении № 261, нормировщиком, был репрессирован по статье № 58 2 апреля 1941 года вместе с друзьями и знакомыми. После разоблачения культа личности Сталина из прокуратуры Перми пришла справка, что дело на И. С. Житпелева прекращено за недоказанностью обвинения, и свидетельство о смерти, в котором были прочерки, где указывалось место, причина смерти и т.п. Семья его вынуждена была переехать в с. Вильгорт Чердынского района. Интересна судьба М. И. Лундиной, дочери И. С. Житпелева, которую не сломили ни голод, ни тяжелая работа, несправедливое отношение некоторых сельчан.

Запомнились нам интересные встречи с такими людьми, как Эдвин Александрович Гриб, тогда заместитель главы администрации Соликамского района по национальному вопросу. Он дал клятву бороться за реабилитацию немецкого народа, т. к. много выстрадал в детстве и понял, что выжили они только благодаря взрослым, которые делали все, чтобы спасти их, подростков. Он ездил в Германию много раз, ему предлагали остаться, работу. Но он остался верен своей клятве, до сих пор выступает с лекциями, проводит собрания.

Маргарита Ивановна Лундина училась в Чердынском педучилище с Зельмой Рудольфовной Белоусовой (позднее она работала заведующей Рябининским детсадом). Зельма Рудольфовна вспоминала, как снимали ее с занятий, вызывали в милицию отмечаться, не сбежала ли с места высылки. Возвращалась она на уроки, заливаясь слезами.

В Вильготе жил ветеринар Василий Федорович Заволокин. Отец его — коренной кубанец, мать — немка. Воспитывался мальчик по казачьим устоям, не знал немецкого языка. Дед по матери сокрушался: «Погибла немецкая нация в этом доме!» И лишь графа «национальность» в паспорте указывала на немецкие корни. На фронте его заставляли отречься от матери-немки, но он от нее видел только хорошее и профессию унаследовал. Так Заволокин оказался на Урале, здесь укоренился, здесь и похоронен.

В нескольких километрах от Вильгорта был поселок Лобырь, где жили спецпереселенцы. М. И. Лундина помнит, как ходили туда менять вещи на продукты, как по-доброму относились лобырьцы к таким же, как и сами, нуждающимся: всегда накормят и в дорогу дадут еду.

1 июля 2006 года состоялась встреча бывших ссыльных. Один из гостей, Л. В. Ларионов, живущий ныне в Перми, привязан к Чердынской земле, к Лобырю. Он убежден, что каждому, кто побывает здесь, захочется сюда вернуться.

Очень немного осталось репрессированных, бывших трудармейцев, на сегодняшний день: Вернер Карл Иванович (1923 — 2006), Гигель Амалия Александровна (1924 — 2006), Кремер Рейнгольд Иоганесович (1926), Киндеркнехт Виктор Генрихович (1928 — 2004), Папст Александр Георгиевич (1913), Пистер Яков Генрихович (1922), Штеклейн Антон Николаевич (1924), Рудер Генрих Петрович (1922), Пистер Екатерина Готлибовна (1924), Эйхгорн Яков Генрихович (... — 2002).

Как известно, 28 августа 1941 г. вышел указ о поголовном выселении немцев, проживающих в районах Поволжья, в Сибирь и Казахстан. И уже в начале сентября многие семьи вынуждены были покинуть свои дома, и везли их в знаменитых «телячьих» вагонах, описанных А. Солженицыным.

Пригнав российских немцев в места ссылки, власти поначалу предпринимали строжайшие меры по полной изоляции «мобилизованных» от местного населения. На этот счет в 1942–1943 годах было издано несколько инструкций и приказов наркомов.

Немцы сводились в специальные отряды во главе с сотрудниками НКВД или военными. Немецкие рабочие размещались в отдельных бараках, обнесенных забором и колючей проволокой. Вот как об этом рассказывает К. И. Вернер, когда их высадили зимой 1942 года в Соликамске, заставили идти пешком до Ныроба этапом в полторы тысячи человек:

«18 февраля прибыли в п. Верхний Бубыл (его сейчас нет, там жили только заключенные). Началась трудовая жизнь в бараках по 200 человек. Вместо печки на весь барак была одна бочка, которая не могла согреть помещение и просушить вещи. Белые от инея стены, промерзшие углы, старая одежда... Очень много работали. В 6 часов вставали, а в 7 уже на рабочем месте. Выводили из зоны, считая по головам. Шли 8 км по зимней, плохо расчищенной дороге к делянкам, где заготавливали лес. Уставшие, приходили в барак, ели заработанный хлеб, чаще «болтушку» из ржаной муки, мороженный турнепс и рыбу — соленую камбалу. После работы занимались хозяйством: возили в бочках воду, у каждого был свой запас воды, но в холодном бараке она застывала, скоблили пол, растапливали бочку. Прошел год. Из 1500 человек умерло больше 1000. Как мы выжили? Помогла вера в нашу невиновность, желание вернуться домой, крепкий молодой, 18-летний организм».

Все, с кем мы разговаривали, вспоминают довоенное время. У всех было свое хозяйство. «Держали 2 лошадей, 3 коровы, — вспоминает Генрих Петрович Рудер, — плетенный из прутьев овчарник (держали по 10–15 овец), 2 свиньи. В курятнике 25–30 кур, 2 петуха. Кроме крытого железом дома в три комнаты, была баня, летняя кухня из бревен. Пахали, сеяли, молотили (с 1932 года вступили в колхоз). Сеяли пшеницу, рожь, овес, просо, горох, бобы, садили тыкву, арбузы, дыни, огурцы, помидоры, картофель. За 1 км от дома был посажен фруктовый сад, 50 соток. Росли яблоки, груши, вишни, малина. Готовили компоты, варенья, сухофрукты».

Екатерина Готлибовна Пистер помнит, как в 1937 году собрали хороший урожай. В доме был большой чердак, как комната. Там хранили зерно. Была своя мельница. Столько запасов было, могли всю войну прожить не голодая. Помнит 1937 год и К. И. Вернер: «Урожай хороший. Стал работать трактористом. Заработал 5 тонн пшеницы... А в 1941 году пришли солдаты, дали 2 дня собраться, посадили всех в товарные вагоны. Сверху и снизу люди. Раз в сутки кормили: принесли ведро супа, черный хлеб. Везли в основном ночью.

Днем стояли в тупике, пропускали военные эшелоны. Все, что везли на военном эшелоне, закрыто брезентом, охраняли красноармейцы».

Находясь в трудармии, немцы не имели права самостоятельно выйти с территории зоны, за это сразу давали 25 лет. «Не покидала надежда вернуться на родину, — продолжает свои воспоминания К. И. Вернер. — Ради этого согласились строить в 50-градусный мороз дома в Ныробе. (Сейчас это два дома по улице Ворошилова). Построили очень быстро, а отпустили несколько человек, старых и безнадежно больных. И вот в 1948 году привезли указ, в котором сообщалось, что мы являемся высланными без ограничения срока под спецкомендатуру».

До 1950 года так и жили. Без разрешения коменданта трудармейцы не имели права передвигаться из одного населенного пункта в другой, продолжали терпеть унижения, оскорбления. А в 1956 году им выдали паспорта и взяли расписку, что не приблизятся к месту бывшего места жительства на расстояние 101 км. И лишь в 1996 году им дали справки о реабилитации. Можно было бы и домой ехать, да здоровье не то. И кто ждал? Местные жители Поволжья устраивали митинги, создавали пикеты, кричали: «Не допустим!» И чего боялись? Думали, что заберут немцы свои дома.

Теперь жизнь прожита. На новой родине эти люди пользуются уважением, есть награды, грамоты. Но не забываются обиды. «Мы вправе просить, — считает К. И. Вернер, — чтоб нам заплатили за принесенный ущерб, но найдется ли такая цена, которая смогла бы залечить искалеченную душу, стереть с памяти страшные годы жизни. Помочь все забыть».

Очень доброе письмо пришло нам из Германии, от Гильды Готлибовны Кербель, которая с теплом отзывается о своей матери. Именно ее поддержка, сила воли помогли добиться в жизни того, что все ее дети теперь имеют. Все они с высшим образованием, живут в достатке. «Милый Саша! — обращается она к своему внуку, нашему однокласснику. — Я тебе желаю так же прожить и найти свой путь и свое место в жизни. Это очень важно для каждого человека». Не забыть нам и встречи с 80-летней Е. Г. Пистер, которая в свои годы полна оптимизма, по-доброму смотрит на мир, не держит обиды ни на кого.

Да, вернули многие права этим людям, компенсировали материально, дают путевки в санаторий «Лесная сказка», где они встречаются с пастором из Германии, который лечит их души. Но

боль и раны, нанесенные в те годы, вряд ли исчезнут. Вот и мы, учащиеся Ныробской школы, должны помнить те страшные времена, говорить правду, какой бы она горькой ни была, для того, чтобы прошлое не повторилось. Память должна уберечь от повторения страшных ошибок.

Источники и литература:

Дезендорф В. Прощальный взлет // Судьбы российских немцев и наше национальное движение. — М., 1997.

Вернер. К. И. Воспоминания.

Пистер. Е. Г. Воспоминания.

Справка о реабилитации №10/3-294 от 23.01.96 (выдана 6 февраля 1996 года Эдуарду Готлибовичу Галлеру).

Письмо от Г. Г. Кербель.

Эльвина Ахметова
Ляйсан Мугалимова

Именная семья села Сульмаш

Двадцатый век характеризуется насыщенностью исторических событий, их драматизмом, трагическими и героическими страницами, огромными людскими потерями, величайшими открытиями и успехами. Он сформировал людей своей эпохи, наложил неизгладимый отпечаток на их психологию, судьбы. Семья Усмановых, жившая в селе Сульмаш, — типичный представитель своего времени.

Судьба семьи как бы в сконцентрированной форме отражает судьбы российского общества XX века, в частности сельской татарской интеллигенции. Эта семья добилась больших успехов в различных сферах жизни, оставив после себя богатое научное и творческое наследие, а главное — доброе имя.

Семья муллы Усмана была самой грамотной в селе Сульмаш, только она получала газеты на татарском и русском языках. Кроме основной работы, мулла выращивал хлеб, держал скот. Он был человеком крупного телосложения, сильным, на сабантуях неоднократно признавался батыром. У него было семеро детей. О двух из них, Габдуллахане и Хатипе, наш рассказ.

Габдуллахан Усманович Усманов родился в 1895 году в с. Сульмаш. Он был старшим сыном муллы Усмана. В 1918 году

Габдуллахан Усманов поступает на 6-месячные курсы учителей татарских школ в городе Осе. На курсах он познакомился с Галимой Магафуровой, которая стала его женой. После окончания курсов Габдуллахан со своей женой возвращается в родное село. И в 1919 году Усмановы начали обучать детей грамоте. В то время официальной школы не было, занимались в разных домах, в здании мечети. Многие родители не хотели учить своих детей, боясь, что они будут учиться не по Корану. Особенно не хотели обучать девочек. Благодаря большой разъяснительной работе Усмановых через два-три года все дети школьного возраста, в том числе и девушки, были вовлечены в учебу. Многие из них, которые получили начальное образование в Сульмаше, продолжали обучение в селе Рябки. Г. Усманов сумел охватить учебой почти всех взрослых, не умевших читать и писать. Даже дети, которые научились читать и писать, обучали взрослых грамоте. Габдуллахан Усманов в 1930 году добился строительства семилетней школы. Поэтому официальной датой образования школы в селе Сульмаш считается 1930 год.

В 1938 году Г. Усманова арестовали как «врага народа». В доме был проведен тщательный обыск, но ничего не нашли. У его больной жены осталось на руках шестеро детей в возрасте от двух до 15 лет. Многие сочувствовали Галиме Усмановой, помогали чем могли. Немало было и тех, кто презирал эту семью. Дети не верили, что их отец мог быть «врагом народа». Старший сын Мидихат в первые дни войны ушел на фронт и героически погиб в бою. После смерти Мидихата за старшего остался второй сын, Шамиль. Он помогал матери воспитывать остальных детей, работал почтальоном. Дочери Наиля, Фируза, сыновья Шаукат и Равиль пошли по стопам отца, стали учителями. Наиля Усманова более 15 лет была директором Сульмашинской семилетней школы. С 2003 года в Сульмашинской школе работает учителем математики внучка Габдуллахана Усманова, Венера Шамильевна Усманова. Тем самым она продолжает любимое дело своей династии.

Хатип Усманович Усманов (Хатип Госман) родился 21 мая 1908 года, вначале учился у себя в деревне в религиозной татарской школе, затем — в средней Рябковской русской школе. В 1926 году он приезжает в Казань и поступает на Татарский рабфак, однако через год, из-за социального происхождения, его исключили. «Сын муллы» — этот ярлык и в дальнейшем

неоднократно приносил будущему профессору неприятности: преграды при поступлении в вуз, исключение из комсомола (правда, впоследствии он был восстановлен). После отчисления с рабфака Х. Усманов работает ликвидатором неграмотности на Казанской бирже труда, учителем начальной школы в родной деревне. С сентября 1929 года заведует библиотекой Свердловского татарского педучилища. Далее начинается его журналистская деятельность. Он работает в редакциях газет: «Социализм юлы» («Путь социализма», Свердловск), «Сталинчы» («Сталинец», Астрахань), «Коммунист» (Москва), «Яшь Сталинчы» («Молодой Сталинец», Казань) и др. В 1935–1939 годах Х. Усманов — студент отделения татарской филологии Казанского государственного пединститута. Он был одним из прилежных и активных студентов, учебу сочетал с литературной и журналистской деятельностью. Получив диплом с отличием, Х. Усманов в течение года был старшим преподавателем Елабужского учительского института, затем читал лекции по западноевропейским литературам в Казанском пединституте, параллельно работал в музее М. Горького в качестве научного сотрудника.

С 13 июля 1941-го по 6 мая 1946 года Х. Усманов находился в рядах Красной Армии: в начале войны был рядовым, затем — политработником, сотрудником фронтовых газет Северо-Западного, 2-го Белорусского фронтов, служил в инженерно-саперной штурмовой гвардейской бригаде. За боевые заслуги капитан Х. Усманов награжден орденом Красной Звезды и медалями.

После демобилизации, в 1946–1951 годах, Х. Усманов работает старшим преподавателем на кафедре зарубежной литературы Казанского пединститута. В 1962 году он защитил докторскую диссертацию «Социалистическая революция и татарская поэзия». 24 сентября 1964 года ему было присвоено звание профессора. С 1975-го по 1989 год Х. Усманов известен общественности прежде всего как крупный литературовед, уважаемый педагог-наставник. Основной объект его научных исследований — татарская поэзия 1910–1920 годов, творчество Г. Тукая, М. Гафури, Ш. Бабича, Х. Туфана и других классиков татарской поэзии. Первый серьезный научный труд Х. Усмано-ва посвящен исследованию жизни и творчества Х. Такташа. Автор лично знал этого замечательного поэта, любил его поэзию и считал, что Х. Такташ поднял татарское словесное искусство

на новую ступень. Монография Х. Усманова «Поэзия Такташа», вышедшая в 1953 году в Казани, принята в науке как новое слово в поэзии.

Наряду с анализом творчества известных поэтов он вводит в научный оборот много доселе неизвестных или забытых имен, не оставляя без внимания и переводы на татарский язык, в частности произведения Ф. Шиллера, У. Уитмена, Р. Тагора, Д. Бедного и др. В 1958 году Х. Усманов выпустил небольшую, но очень содержательную, емкую книгу под названием «О современной татарской литературе (к 1-му съезду писателей РСФСР)» (Казань. — 24 с., на русском языке). Х. Усманов внес большой вклад в исследование тюрко-татарского стихосложения. Хатип Усманович был научным редактором ряда изданий: знаменитого романа золотоордынского поэта Кутба «Хосров и Ширин» (1342) в арабской графике, произведения Хасама Кятиба «Джумджума султан» (1369).

Вот такие замечательные люди, вышедшие из крестьянской России, погибшие за нее или достигшие высот в современном мире во славу ее, были и есть на пермской земле, в селе Сульмаш, в роду Усмановых.

(Печатается в сокращении)

Алексей Заварзин

В начале жизни школу помню я... (Из истории народного образования в селе Шерья)

Школа... В жизни каждого человека, в истории каждого населенного пункта школа играет очень важную роль. Это место, где острее чувствуется связь между прошлым и будущим, связь между поколениями.

В селе Шерья, где я живу с рождения, тоже есть школа, и я — ее ученик. Когда возникла наша школа? Какова ее история? В основном мы знаем о жизни школы в годы Великой Отечественной войны и в 70–80-е годы XX века, а более ранняя история неизвестна, о развитии образования в Шерье до революции 1917 года сведений нет. Так родилась идея данной работы: изучить историю школы с возникновения и до наших дней и составить хроно-

логию важнейших событий из истории школы, основываясь на документах областных и районного архивов, на воспоминаниях бывших учеников и учителей.

Мне удалось установить следующее. До 1917 года Шерья была крупным волостным центром Оханского уезда. На территории Шерьинской волости существовало 27 населенных пунктов. Первое учебное заведение в селе Шерья открывается между 1850–1870 годами — это было Шерьинское смешанное училище. На содержание училища отпускается земством 791 рубль 19 копеек, а обществом оплачивалось отопление и сторож. Учащихся: 97 мальчиков и 16 девочек, все русские. Преподавали в училище законоучитель Михаил Пономарев, учительница Лидия Ивановна Медякова и помощница Марья Сергеевна Ляхина. В марте 1871 года был назначен на должность учителя местный псаломщик Коровин. Шерьинское училище содержалось за счет казны, а в 1870 году училище было переведенно на полное содержание Оханского земства.

Преподавание в училище велось по программе, выработанной на съезде учителей Мешерского уезда Калужской губернии. Классные занятия начинались в 8 часов 30 минут утра и оканчивались в 2 часа дня. Урок продолжался 1 час 30 минут, на отдых после каждого урока отводилось по 15 минут. Курс обучения до 1910 года составлял 3 года, а с 1910-го — 4 года. Количество учеников на один класс составляло 40 чел. В 1–2-х классах велось обучение грамоте, чтению, письму, арифметике. В 3–4-х классах давались сведения из отечественной истории и географии, обязательно два раза в неделю — Закон Божий. Ученикам, окончившим школу, для утверждения религиозных и нравственных понятий выдавались книги религиозного содержания: Псалтырь, Священная история, Евангелие на сумму 50 копеек на каждого. Преподавание велось по учебникам: «Родное слово» Ушинского, «Азбука» Добровольского. Учебники, мебель, методические пособия приобретались земской управой. С 1874/75 учебного года начали проводиться учебные испытания, т. е. экзамены. По итогам 1883 учебного года из 174 учащихся 69% сдали экзамены на «отлично» и «хорошо». За столь высокие показатели по решению земского собрания Оханского уезда учителям Шерьинского училища была выдана премия. Шерьинское смешанное училище с начала XX века начинает именоваться школой I ступе-

ни, т. е. это была начальная школа с 4 классами. Обучение было бесплатным. В период с 1900-го по 1917 год здесь работали педагоги: Зоя Григорьевна Романова, Валентина Ивановна Пьянкова и бабушка нашего священника отца Марка — Мария Захаровна Тюленева (в замужестве Лешова). Закон Божий вел законоучитель отец Сергей. Истопником и сторожем был отставной «николаевский» солдат. Ученики в школе были очень дисциплинированные. Учителя пользовались безграничным уважением и любовью у всего населения Шерьи. Светлая память о Марии Захаровне Тюленевой живет не только в семье отца Марка, но и в сердцах детей и внуков тех, кого учила эта скромная женщина.

В дореволюционный период у школы существовали свои сложности и проблемы, одна из них — это помещения учебных заведений, затем посещаемость учеников школы и нехватка квалифицированных педагогических кадров, особенно не хватало преподавателей-мужчин. Несмотря на существующие сложности, состояние народного образования в Шерье было вполне удовлетворительным.

После Октябрьской революции в Шерье продолжала функционировать школа I ступени. В 1919 году Шерья оказалась в гуще событий Гражданской войны. По воспоминаниям жительницы Шерьи М. П. Коротаевой (1909 — 1999), детям было не до учебы, родители запрещали им выходить на улицу, многие отсиживались в подвалах, погребах, голбах.

Регулярные занятия начались лишь в 1923 году. В 1928 году в Шерьинской школе I ступени обучалось 66 человек. В школе преподавали два учителя со средним образованием, заведовала школой Агриппина Степановна Вшивкова. В 1932 году в Шерье открылась семилетняя школа колхозной молодежи (ШКМ). Школа обслуживала 16 колхозов, которые поставляли продукты питания для детей. В ней обучалось 197 человек. Директором школы был Анатолий Александрович Цукманский. Всего в школе было 13 педагогов. При школе была пионерская организация в количестве 20 человек.

По воспоминаниям Ирины Михайловны Коробейниковой: «В 1932/33 учебном году успеваемость в школе была 91,2%, а посещаемость 90%. Коллектив школы активно участвовал в соцсоревновании, был проведен конкурс на чистую и грамотную тетрадь. Школа соревновалась с Черновской школой колхозной молодежи. В школе работают разные кружки: кружок

текущей политики, кружок физиков-техников, кружок кинемехаников, а также драмкружок, которым было поставлено 8 спектаклей. В школе имеется пришкольный участок, в ее хозяйстве две коровы и лошадь, общих посевов земли 8,53 га. Всего же было собрано 262 с половиной пуда ржи. Из этого урожая 34 пуда нужно было отдать колхозам по договору. При школе было 4 общежития на 95 человек. Школа выполняла учебную программу и даже собрала средства на эскадрилью Бубнова в сумме 170 рублей.

Наступил 1941 год. Ушли на фронт учителя школы: Валерьян Аверьянович Хлебников, Николай Михайлович Заякин, Иван Макарович Пентюхов. Ушли и выпускники: Василий Афанасьевич Деменев, Василий Прохорович Лыков, Петр Георгиевич Романов, Александра Петровна Мартемьянова и многие другие.

А школа продолжала работать. Дети учились и, чем могли, помогали фронту. Шерьинские школьники в свободное от учебы время работали в колхозе, в среднем почти каждый школьник 5–7-го классов вырабатывал по 70–80 трудодней, а малыши 1–4-го классов занимались сбором колосков, оставшихся на поле после уборки урожая. Они собирали золу, птичий помет, ухаживали за колхозными лошадьми, оказывали помощь колхозам в сортировке, протравливании, просушке и охране семян. Газета «Сталинский путь» за февраль 1943 года писала: «Учащиеся Шерьинской школы внесли 2100 рублей на строительство самолетов и решили собрать дополнительно еще 3000 рублей». А вскоре из Москвы пришла телеграмма следующего содержания: «Нытвенский район, Шерья, школа. Мане Черемных, Вале Долгих, Але Гилевой и так далее (всего в телеграмме было 16 фамилий. — Авт.). Благодарю вас, юные товарищи, за вашу заботу о Красной Армии. Желаю здоровья, успехов в учебе и общественной работе. И. Сталин».

В 1942 году в Шерью были эвакуированы 96 детей из осажденного Ленинграда, здесь они жили и учились до снятия блокады и вернулись на родину в конце 1944 — начале 1945 года. Шерьинцы проявляли заботу о них. Помогали им как могли жители всего Нытвенского района. В 1944 году после тяжелого ранения вернулся в Шерью Николай Петрович Дедов. Он был назначен директором Шерьинской школы и учителем истории. Уезжая в родной город, ленинградцы оставили на память Николаю Петро-

вичу стихотворение собственного сочинения, которое заканчивается так:

Когда уедем мы отсюда,
Туда, где бьется невяская волна,
Не забывайте Вы о ленинградцах,
Вас ленинградцы не забудут никогда.

Его автором была Ида Рогова. После отъезда эвакуированных в Шерьинской школе осталось 105 учеников. Учительский коллектив состоял из 10 человек, до 1949 года его возглавлял директор Н. П. Дедов.

Во 2-й половине XX века продолжала школа работать и оставалась важным центром образования и культуры Шерьинского сельского совета. За это время сменилось несколько директоров:

Дедов Николай Петрович (1944–1949), (1962–1966); Мосина Зоя Николаевна (1950–1960); Дружинин (1960–1961); Шибалкина (1961–1962); Султанбеков Дамир Якубович (1966–1971); Фирулев Константин Николаевич (1971–1973); Мансурова Полина Дмитриевна (1974–1987); Белобородова Тамара Федоровна (1987–2005). С 2005 года директором школы является Л. И. Афонина.

В 1958 году школа из 7-летней была преобразована в 8-летнюю. С 1971 года школа размещалась в новом здании на 320 учебных мест, в 1988 году школьное здание реорганизовано — пристроены столовая и спортзал.

Все это время школа жила интересной, насыщенной жизнью. В этом большую роль играла пионерская организация. Пионеры проводили сборы на различные темы, еженедельные обзоры газеты «Пионерская правда», выпускали стенгазеты с критикой недостатков в школьной жизни. Но особо активным детям хотелось больше романтики и каких-то необычных дел. Так, в 1985 году ученицы 5-го класса создали свою тайную организацию «Комчедет» (Коммунистическая честная детвора). Из тетрадных листочков они изготавливали членские билеты, где ставили отметки об уплате ежемесячных взносов. Взносы шли на покупку книг. Девочки помогали пенсионерам и делали это тайком, подражая герою книги А. П. Гайдара «Тимур и его команда». Руководили Комчедетом Полина Катаева (Мансурова П. Д.) и Неля Азанова (Акселерод Н. А.). В 1950–1960-е годы шерьинская школа славилась на весь район своим пришкольным участком, садом и под-

собным хозяйством. Руководителем был учитель биологии Федор Иванович Мосин. За успехи в этой работе в 1955 году ученики Шерьинской школы были удостоены награды в виде поездки на ВДНХ СССР в Москву в составе делегации Пермской области. Почетное право было предоставлено ученице 6-го класса, отличнице Неле Азановой. Памятным в истории школы был 1967 год. Во-первых, в 1967 году в школе отмечалось 50-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Во-вторых, летом 1967 года в Шерью приезжала съемочная группа Пермского телевидения для съемок художественного фильма по повести А. П. Гайдара «Дальние страны». В-третьих, сгорело двухэтажное здание школы, и Д. Я. Султанбекову пришлось срочно «пробивать» документы на строительство здания новой школы. В 1977 году Шерьинская школа была реорганизована из 8-летней в среднюю. Первый десятый класс в количестве 18 человек выпускала Анна Алексеевна Одинцова, работавшая в Шерье с 1977 года после окончания химико-биологического факультета ПГПИ. С этого времени школа провела 26 выпусков, это 381 человек.

В школе сложились свои культурные, спортивные традиции. Как и десятки лет назад, она известна в районе пришкольным участком, а сейчас еще и зимним садом, театральными встречами, спортивными достижениями, а главное — своими выпускниками, большинство из которых получили прочные, качественные знания и стали просто порядочными людьми, настоящими гражданами России.

Источники и литература:

Календарь Пермской губернии. — Пермь, 1912.

Календарь Оханского уезда. — Пермь, 1915.

Памятная книжка Пермской дирекции народных училищ на 1890/92 учебный год. — Пермь, 1892.

ГОПАПО. Ф. 91, оп. 1, д. 349.

ГАПО. Ф. 111, оп. 1, д. 349, 355.

ГАПО. Ф. Р. 881, оп. 1, д. 1.

ГАПО. Ф. 1207.

ГАПО. Ф. Р 1246, д. 6.

ГАПО. Ф. Р 1245, оп. 1, д. 51.

ГАПО. Ф. Р 1246, оп. 1, д. 57.

ГАПО. Ф. 2991.

Отдел по делам архивов администрации Нытвенского района (далее ОДА). Ф. 12, оп. 1, д. 23.

ОДА. Ф. 102, оп. 1, д. 44, 60, 62, 92.

ОДА. Ф. 211, д. 15.

ОДА. Историческая справка к описи фонда 33.

Сталинский путь. 1942, 20 февраля.

Сталинский путь. 1943, 17 января.

Данилов А. А., Косулина Л. Г. История России. XX век. — М.: Просвещение, 1998.

Прикамье. Век XX. — Пермь, 1999.

Этнокраеведческая секция
«История человека проходит
через его дом, род, край»

Юлия Паршакова

Династия Томасовых

Мы хотим рассказать о династии Томасовых. В нашей Таушинской школе эта семья проработала в общей сложности 105 лет. Общий педагогический стаж этой семьи составляет 300 лет.

В 1932 году в Таушинскую неполную среднюю школу приехали работать супруги Томасовы. Степан Тимофеевич возглавил школу. Это был высокий, стройный мужчина, со вкусом одетый, вежливый, тактичный. Среди преподавателей он выделялся не только внешностью, но и общей культурой, эрудицией, выдержкой, организаторскими способностями, педагогическим мастерством. Все эти качества Степан Тимофеевич подтверждал на уроках математики, географии и черчения, которые проводил с каким-то особым искусством, увлеченно, доходчиво, превращая эти, казалось бы, скучные предметы в интересные занятия.

Рядом со Степаном Тимофеевичем была его жена — Валентина Григорьевна. Она вела русский язык и литературу, географию. Из воспоминаний выпускника Таушинской школы 1935 года, заслуженного зоотехника РСФСР, кандидата сельскохозяйственных наук Петра Александровича Расторгуева: «Особенно мы полюбили Валентину Григорьевну за ее энергичный, веселый характер, умение заинтересовать, увлечь учеников изучаемым материалом. Никогда не забыть, с каким мастерством, артистизмом читала она нам «Дубровского» А. С. Пушкина, произведения М. Ю. Лермонтова. Ее чтение буквально завораживало, захватывало и потрясало наше сознание, вызывало горячее желание слушать дальше, невзирая на звонок. Равнодушных на ее уроках не было. Все послевоенные годы я поддерживал постоянную связь с любимой учительницей, хранил ее интересные и теплые письма».

Много сил и времени отдавали учителя, особенно Валентина Григорьевна, развитию в школе и на селе художественной самодеятельности. Три раза в году — на 1 Мая, 7 ноября и Новый год — устраивали школьные вечера. Готовились к ним долго и старательно: разучивали стихи, песни, репетировали пьесы, писали лозунги, плакаты, стенгазеты, изготавливали костюмы. После представления начинались игры и танцы под гармошку. Особенно нравилась всем мазурка в исполнении супругов Томасовых. Кавалер

выступал чинно и важно, как гусар, то лихо пошелкивал каблук-ами, то замирал на миг, а дама, словно мотылек, порхала вокруг него, красиво пританцовывая на одной ножке и ударяя по ней каблучком второй. Зрители подолгу не отпускали танцоров из круга.

Из воспоминаний сына, Владимира Степановича: «Отец был очень строг, защищал достоинство ученика и учителя. Он старался побороть всякого рода зло. Ходил с активистами в ночные рейды по выявлению картежников. Мама отговаривала его, говорила, что не следует лезть не в свое дело».

15 февраля 1938 года Степана Тимофеевича арестовали. На следующий день после ареста мужа Валентина Григорьевна отправилась в райцентр, надеясь на помощь начальника милиции. Однако к мужу ее не пустили, передачу не взяли. И сам начальник милиции не принял убитую горем женщину, даже не вышел к ней из кабинета. В справке о реабилитации, выданной Военным трибуналом Уральского военного округа в 1956 году, указан год смерти Степана Тимофеевича — 1944-й.

В годы войны Валентина Григорьевна работала директором школы. Нелегко было в то время сельским учителям: тяжелые материальные условия, отсутствие в школе топлива. Стало еще труднее, когда в Таушинскую школу был эвакуирован ленинградский детский дом. Но трудности не сломили сильную духом женщину. Сироты нашли тепло и ласку в школе. Нет в Тауше ни одного дома, в котором не знали бы Валентину Григорьевну, проработавшую в школе 28 лет.

В декабре 1943 года Валентина Григорьевна отмечала 25-летний юбилей работы в школе. Тогда она была награждена Почетной грамотой РК ВКП(б) и райисполкома. Был нарисован ее портрет знаменитым художником Михайловым, который был в эвакуации в нашем районе. Портрет до сих пор хранится в доме Томасовых.

Валентина Григорьевна была не только хорошей учительницей, завучем и директором, но и чуткой, заботливой мамой, бабушкой и прабабушкой. Она вырастила и воспитала четверых детей. Дети Степана Тимофеевича и Валентины Григорьевны достойно прожили жизнь. Дочь Тамара Степановна учительствовала в Тауше и Оренбурге. Муза Степановна тоже несла свет знаний людям. Владимир Степанович работал учителем в школе, затем председателем сельского Совета.

За безупречный труд Валентина Григорьевна была награждена орденом Ленина, медалями «За трудовое отличие», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», значком «Отличник народного просвещения». Она скончалась в Оренбурге на 85-м году жизни.

Сорок лет проработала в нашей школе учителем начальных классов сноха Томасовых — Татьяна Дмитриевна. Из воспоминаний Татьяны Дмитриевны: «Мне хочется вспомнить о своей родной школе, которая была моим вторым домом начиная с 1933 года, когда я пришла в первый класс. Первым моим учителем, который запомнился больше других, был Иван Яковлевич Поздеев. Мы никогда не видели, чтобы он сидел на уроке. Как сейчас вижу его в белой косоворотке, подпоясанной витым шелковым поясом с кисточками. Он отличался требовательностью, учил настойчиво работать. Позднее мы особенно ценили его за то, что строго спрашивал.

В 1943 году я пришла в школу работать пионервожатой. Эвакуированные из Ленинграда дети привезли нам культуру. Уровень их воспитанности был выше. Мы с ребятами с восхищением смотрели, как они пляшут и поют. Наши дети быстро с ними сошлись, и все мероприятия проводились вместе. В то время активно работали тимуровские команды. Наши учащиеся во главе с учителями пилили и кололи дрова семьям фронтовиков и престарелым колхозникам, мыли полы в их квартирах, собирали металлолом, колосья с полей. Летом работали в колхозе: убирали хлеба, молотили, скирдовали сено, убирали и колотили лен, пололи.

В 1945 году я окончила учительские курсы и стала работать учительницей в родной школе. С первых дней я почувствовала доброжелательную атмосферу, чуткое отношение товарищей. В школе был один на всех фанерный шкаф, куда ставили ящики с чернильницами, наполненными настоем ягод крушины, и стопки тетрадей. Их хранили весь год, потому что при инспектировании их обязательно требовали. Проверяли школу два раза в год. На четверть получали пять развернутых листов бумаги и сшивали их в тетрадь. На класс был один букварь. Тексты для урока писали на доске. Книгу по очереди брали домой на один день. Зарплата у нас была 450 рублей, хлебная карточка да карточка на соль.

С годами мы стали богаче. На родительских собраниях ставили вопрос о школьной форме, о строительстве новой школы. С каждым годом хотелось работать лучше, узнавать новые приемы и

методы, чтобы ребятам было легче учиться. Активное участие принимали в работе предметных секций, а по четвергам проводили политечебу. Всем коллективом готовили концерты, а потом ездили по всем деревням нашего куста на родительские собрания. Помню, как вместе с нашим хором на районном празднике песни вся площадь пела задорную песню «Вдоль да по речке...».

В настоящее время в школе № 2 работает внучка Томасовых — Нина Владимировна. Ее педагогический стаж — 40 лет. У Нины Владимировны есть дочь Лариса Александровна, тоже педагог. Ее стаж — 12 лет. Династия Томасовых продолжается...

Елена Шудегова

В полях России русский голос слышится (Классификация и этимология названий полей АКХ «Шерья»)

«На районной карте появилось еще одно голубое пятнышко, с ноготь величиной, под словами: «Васюткино оз.». На краевой карте это пятнышко всего с булавочную головку, уже без названия, на карте нашей страны озеро это сумеет найти разве сам Васютка». Об истории появления на карте Васюткина озера мы узнаем из одноименного рассказа В. П. Астафьева.

А как же появляются географические названия, что скрывается в наименовании деревни, реки, озера, поля? Возникают ли географические названия случайно, или образование топонимов подчинено каким-то закономерностям? Наука о языке, в недрах которой зародилась топонимика, учит, что любой предмет, в том числе и географический объект, получает название по тому или иному признаку. Я решила обратиться к истории названий полей, встречающихся на территории АКХ (ассоциации крестьянских хозяйств) «Шерья» Нытвенского района и изучить, с точки зрения этимологии, фонетики, причин появления, строения, названия полей АКХ «Шерья»; выяснить, можно ли, исходя из названия, сделать выводы о том, какие народности заселяли наш край, связаны ли названия полей с историей нашего села; по названию поля определить этимологию деревень, названия которых встречаются в названии поля; составить этимологический словарь названий полей АКХ «Шерья».

Микротопонимия — наука, занимающаяся изучением малых объектов: ручьев, рош, бугров, лугов, полей, то есть микротопонимов. Особенности микротопонимии — это тесная связь с характером обозначаемого предмета, описательность, непродолжительность жизни, способность служить ориентиром на местности.

На территории любого колхоза или совхоза сотни микрообъектов. Значит, в речи жителей — сотни микротопонимов. Далеко не все они зафиксированы в документах. Названия малых объектов обычно выявляют при общении с местными жителями.

Микротопонимы мы разделили на две группы:

1) Названия оврагов, лесов, лугов, гор и полян. Микротопонимы, связанные с названиями этих географических объектов, встречаются реже, т. к. они менее важны в деятельности человека, чем, например, поля и пашни. Получают названия те, которые могут служить ориентиром для жителей села.

2) Географические объекты, преобразованные человеком (поля и пашни).

В АКХ «Шерья» насчитывается 135 названий полей, из них 99 составных (73%) и 36 простых, однословных (27%).

Мы выделили такие подходы к изучению названий полей.

I. По строению (по составу названия):

1. Составные названия полей, в состав которых входят предложные конструкции с производными и непроизводными предложениями (47%), представляющими образования в форме косвенного падежа существительного с предлогом.

Итак, названия с непроизводными предлогами:

— с предлогом «у» (У церкви, У ПТО, У воинской, У загона, У силосной ямы, У садов, У школы, У складов, У карьера, У горы, У сада) — это поля, находящиеся возле какого-то объекта;

— с предлогом «под» (Под Вышкой, Под мысом, Под Каравашком);

— с предлогом «за» (За школой, За дорогой, За Терешатами);

— с предлогом «к» (К релкам, К Оханцам, К Лягушино).

Названия полей, в составе которых есть производный предлог:

— с предлогом «ниже» (Ниже Ванькиной релки, Ниже кладбища);

— с предлогом «выше» (Выше школы, Выше Мосягина, Выше Кирова);

— с предлогом «между» (Между фермами, Между логами).

Особенностью этих названий является то, что они представляют собой усеченную форму предложения. Вместо предложения «Поле, которое находится у церкви» звучит форма «У церкви». Она проще и поэтому удобней в разговорной речи.

2. Составные названия, частью которых является слово «релка» либо форма «релки» (Кошкины релки, Барабановская релка, Ванькина релка).

При выявлении значения слова у жителей села были записаны такие объяснения: «Релка» — это маленькое поле в лесу. «Релка» — это поле овальной формы, находящееся между лесами. Для уточнения значения слова мы обратились к словарям. В словаре современного русского литературного языка мы нашли одно значение этого слова: «Релка» — возвышенное сухое место на болоте или в сыром лесу. По такому определению трудно объяснить смысл названия поля. Тогда мы обратились к словарю географических терминов Пермской области. Оказалось, значений слово имеет несколько:

- возвышенность между двумя параллельно идущими логами;
- узкая полоса леса в поле;
- поляна в лесу или между лесом и полем;
- отмель или островок на реке.

Из представленных значений наиболее точно отражают смысл названий первое и третье значения. Таким образом, компонент «релка» в названии указывает на расположение поля относительно леса, оврагов, и нетрудно представить его форму.

3. Группа названий представлена словосочетанием «прилагательное + существительное», где главным словом выступает слово «поле». Это Цыганово поле, Большое поле, Футбольное поле. Значение слова берем из словаря географических терминов Пермской области: «Поле — обширное ровное угодье, поросшее травами, засеянный или предназначенный для посева участок земли». Это слово не может служить отличительным признаком объекта и поэтому требует рядом с собой зависимого слова, которое должно явиться смыслоразличительной частью в словосочетании.

4. Следующая группа названий — также словосочетание, только главное слово — горка, гора, мысы. Слово «мыс» здесь имеет то же значение, что и слово «гора»: 1) Мыс — гора с крутыми склонами на ровной поверхности, бугор. 2) Лес на возвышенности. Поля с такими названиями — Сорокинская гора, Пшеничные мысы, Мышья горка. Сходство в расположении этих полей очевидно.

5. Группа названий однословных: а) Патраки, Пушкарки, Власья, Климьята и т.д. (по названию деревни); б) Прифермерское (префиксальный способ образования).

II. Дальнейший шаг в этой теме — изучение этимологии названий полей.

Здесь мы также выделили несколько групп.

1. Поле получило название по деревне, которая находилась рядом (У Савинцев, Кагунино, Усть-Шерья, За Федором). Мы выяснили, что эти деревни существовали раньше, а деревня Усть-Шерья есть и сейчас. Названий полей, образованных от названия деревни, в этой группе больше всего. Этот факт дает основания полагать, что эти поля появились раньше других, т. к. многих деревень уже нет. К тому же память о них звучит в названии поля.

2. Поле названо по месту или тому объекту, который раньше находился на этом месте: Футбольное поле, Аэродром, У трансформатора.

3. По форме — Почка, Каравашек, Сорокинская горка. Появление названия поля по форме — внешнее. Мы выяснили более глубокое значение названия. Почка — это место, расчищенное в прошлом от деревьев под пашню или покос. Каравашек — небольшая гора, круглая в плане. Каравашком называли также участок леса округлой формы. Географические объекты именуют так в результате сходства по форме с хлебным караваем.

4. По названию объекта, находящегося рядом: Прифермерское, У карьера, У складов. Из составных названий этих больше всего. Причину я вижу в том, что легче запомнить объект, который находится рядом, и по нему ориентироваться.

5. В названии есть имена, фамилии, отчества людей (Выше Кирова, Выше Мосягина, За Максимом Григорьевичем, Ванькина релка). Было выяснено, что в селе проживают люди, по фамилии которых названы некоторые поля. Александр Павлович Мосягин, 1919 года рождения, всю жизнь проработал в колхозе. Анатолий Васильевич Киров, 1928 года рождения, также всю жизнь отдал колхозу. Поля находились выше их домов, почти рядом.

6. По виду растений, населяющих это место (Осинники, Березняк, У Березняка, Релка с сосной, За Елушником). В этих названиях имена собственные бытуют наряду с нарицательными.

7. Наличие цвета в названиях полей (Белая глина, Красная горка, Черная земля). Причем цвет является характеристикой земли, преобладающей на этом поле.

В ходе работы была выделена группа названий полей, этимология которых нас особенно заинтересовала.

«За Ариной»... Сначала мы думали, что это женское имя, но информации о таком человеке не нашли, да и поле находится средь леса, где не было никакой деревни. В ходе исследования было выяснено, что первоначально название звучало как «За араиной», но в результате фонетических изменений «а» выпала. Арай, или араина, — это низкое, топкое место. Месторасположение поля подтверждает эту версию.

«Пальниковский полдень». Словосочетание, лежащее в названии, образовано от слова «пальник», имеющего коми-пермяцкие корни и обозначающего «выжженное место в лесу для пашни, иногда место лесного пожара». Слово «полдень» не случайно в названии: в это время солнце полностью освещает поле.

«Над зарями и месяцами». Это самое поэтическое название поля из всех, какие мы встречали. По одной из версий, это названия деревень, но нам понравилась другая, более точно отражающая эту фразу. Строчка взята из песни, что уже поэтично, к тому же красота названия созвучна с красотой места, на котором оно находится.

Интересным стал тот факт, что наряду с официальными названиями, которые закреплены в документах администрации АКХ «Шерья», есть разговорные варианты названий, которые бытуют среди механизаторов и жителей села. Поле «Кошкины релки». При выяснении этимологии названия мы услышали следующее: «Этих полей много, и все одинаковые, как котята у кошки». В народе это название звучит как «Кошки-мышки», так как форма нескольких полей, находящихся рядом, одинакова и они похожи нахождением рядом с ними леса и можно легко заблудиться.

Поле «Барабановская релка». Поле получило название от деревни Барабановщина, которая была расположена по правую сторону ручья, притока реки Шерья, здесь жил Валька Барабан. В кругу механизаторов это поле имеет название «Вороний зад». Поле называли так механизаторы по той причине, что к полю плохой подъезд и оно является не совсем удачным для уборки. Рабочими АКХ «Шерья» замечено, что во время уборки этого поля бывает всегда плохая погода. Поле получило народное название потому, что несколько лет подряд его не удавалось убрать с первого раза.

Причина появления народных вариантов названий связана с тем, что одно название короче и легче произносится, а на происхождение другого названия повлияли личные наблюдения механизаторов.

Изучение топонимов и микротопонимов — это изучение элементов живой русской речи жителей нашего края. Данная работа дает важные результаты не только для лингвистики, но и для других наук. Анализ географических названий позволяет получить сведения, проливающие свет на некоторые вопросы истории. Они являются древними источниками и могут достоверно свидетельствовать об истории данной местности, о древнем расселении народов. Например, по названиям таких полей, как Шутемы, Галя, Пальниковский полдень и др., мы можем сделать вывод, что на шерьинской земле первыми поселенцами были коми-пермяки, а такое слово, как «араина», дает право утверждать, что на нашей земле жили и финно-угорские племена.

Такие слова, как «поле», «мыс», «шутем», «почека», встречались в памятниках письменности XVII века, а первое упоминание о Шерье также встречается в писцовой книге 1647 года. Это говорит о том, что поля, в названия которых входят эти слова, являются древнейшими по происхождению. Появление таких названий нельзя назвать случайностью. На их образование влияют следующие причины:

- населенный пункт, находящийся рядом;
- объект, который может служить ориентиром;
- географическое расположение поля относительно леса, оврагов, гор, других полей, близлежащего населенного пункта;
- фамилии и имена людей, живущих поблизости;
- форма поля, состав и характеристика почвы;
- наличие растительности, преобладающей поблизости или на этом месте.

Микротопонимы в первую очередь имеют практическую ценность, так как служат ориентиром на местности для жителей села. Кроме того, каждое слово — название поля — имеет богатую историю, с которой связано и прошлое, и настоящее моего села. Это земля, на которой я родилась, где мои корни, где моя родина.

Светлана Катаева

Духовный основатель Пермского края

В сентябре 2005 года я побывала в Белогорском монастыре, который произвел на меня большое впечатление. Так получилось, что время нашего приезда совпало с днем поминовения отца Стефана Пермского. Мне захотелось больше узнать о нем, и мне предложили прочитать книгу А. Ф. Чебыкина «Стефан Пермский». Я читала книгу с интересом еще и потому, что ее написал историк, краевед, наш земляк.

Когда-то коренным населением Прикамья были коми-пермяки, а на севере проживали коми-зыряне. Об этом нам сейчас напоминают названия рек — Сюзьва, Нытва, Урва и т.д. Главной средой обитания жителей Пармы был лес. Народ молился идолам, поклонялся огню, воде, камню, деревьям. Стефан Пермский все эти народы обратил в христианскую веру.

К миссионерской деятельности ростовский монах Стефан приступил в 1379 году, по благословению Сергия Радонежского, который говорил ему, что, кроме готовности души и тела к тем трудностям, которые ожидают его в суровых северных землях, нужно закалиться чтением божественных и иных книг.

Стефан к подвижничеству готовился очень основательно: подобрал послушников, собирал книги и церковную утварь. Начал он свой путь по реке Вычегде и за неделю добрался до реки Усть-Вымь. Здесь расположилось небольшое поселение зырян. Зыряне жили по старым языческим верованиям, по звериным законам. Стефан собирал людей, читал им проповеди о вере и едином Боге. Выучив язык зырян, Стефан Пермский перевел ряд священных книг на зырянский язык, создал зырянскую азбуку. Он основал первые храмы на земле коми и школы при них. Кроме этого, Стефан учил народы коми правилам гигиены, ухода за детьми, рубить дома, лечению болезней, изготовлению настоев из лечебных трав. После строительства первой церкви Пресвятой Богородицы на реке Усть-Вымь он проводил крещение зырян. А в 1383 году он уже стал первым епископом Стефаном Пермским вновь учрежденной епархии с центром в городке Усть-Выме, построенном на месте разрушенного языческого святилища.

В 1387 году Стефан дошел до селения Бондюг — северной, верхней точки Камы. Народ, живший в этой местности, был при-

ветлив, почитал «Воителя» — хранителя очага, «Золотую Бабу» — богиню с двумя младенцами. Стефан помог здесь построить храм-крепость, т. к. отряды татар нападали каждую весну. При последнем набеге татарам не удалось взять крепость, и они ушли навсегда. Народ поверил в Бога и проповеди Стефана. Продвигаясь по Каме, Стефан проповедовал христианское учение, рассказывал о рае и аде, о том, как учил жить Христос. На Каме жили также новгородцы, которые поклонялись Перуну, Ладе, Коляде и Купале. В селениях у них было все свое: кузни, плавильные печи и мельницы, свои портные, бондари и гончары. Охотились они на зверя луками, копьями, силками. Стефан обосновался тут надолго, чтобы проповедовать и здесь православную веру. Начинаясь долгими зимними вечерами, беседы заходили за полночь.

Продвигаясь по верховьям Камы, в 1387 году Стефан организовывал строительство храмов, местных жителей обучал служению в них. Книги и утварь переправлял из Великого Устюга по рекам и на лошадях. Он учил иконописи на липовых досках одаренных детей. Одна из икон, написанная лично Стефаном, сохранилась и находится в музее Вожмской церкви.

Весной 1389 года Стефан Пермский отправился вниз по Каме до устья Вишеры и поднялся вверх до реки Колвы и городка Чердынь. Люди здесь жили скудно, хотя места были богаты пушниной, драгоценными камнями. Причиной были частые набеги вогулов, татар. Стефан собрал людей для строительства храма-часовни, восстановил службы, на которые стали приходить люди помолиться за себя и своих близких.

В Москве о подвижничестве Стефана ходили легенды. Митрополит и князь Московский принимали Стефана как князя и как владыку Перми Великой. Московский Князь Василий Дмитриевич пригласил Стефана к себе. Он устроил пышный прием, представляя его боярам, купцам, послам, сказал, что миссия Стефана была не только проповедническая, но и политическая: присоединение северного края к земле Московской. На Рождество 1391 года Стефан навестил Сергия Радонежского. Преподобный Сергей радовался деяниям своего ученика, его устремлениям и помыслам.

Вдоль по Каме продолжались набеги булгар, вогул, которые рушили и поджигали церкви. Зыряне снова начинали поклоняться своим идолам. Стефан организовывал защиту православных, восстанавливал храмы, устраивал приюты для престаре-

лых зырян, мастерские по производству церковной утвари, делом и словом утверждая православную веру.

Передвигаясь по Пермскому краю и земле коми, Стефан Пермский видел, что его труды не пропали напрасно, его ученики развернули кипучую деятельность, в том числе и многие из зырян стали проповедниками учения Христова. Дело, начатое Стефаном Пермским, дало благодатные всходы на радость и служение народам Прикамья и Коми, которые постепенно обретали культуру великой Руси.

В этом году произошло важное событие — объединение Пермской области и Коми-Пермяцкого округа, и мы стали жителями Пермского края, начало которому, на мой взгляд, положил Стефан Пермский, и потому его по праву можно считать духовным основателем Пермского края.

Ольга Гордеева

Социальные отношения в крестьянской общине в России в конце XIX — начале XX века

Крестьянская община являлась гибким, живым и развивающимся организмом, отличавшимся существенными особенностями по отдельным категориям крестьян и по регионам. Общины делились на три группы — в зависимости от соотношения границ общины и селения: простые, составные или раздельные. Простые — когда совпадали границы общины и одного селения. Составные — когда община объединяла две или более небольшие деревни, а раздельные, когда в составе одного большого села имелись две или более общины.

Целью работы является освещение социальных отношений внутри крестьянской общины. При написании работы привлекались свидетельства местных старожилов об отношениях в крестьянской общине, собранные Кочевской экспедицией Коми-Пермяцкого музея 1959 года (хранятся в Пермском областном краеведческом музее).

Каждая община являлась самодостаточным социальным организмом. Она включала в себя две структуры — официальную и неофициальную. Обе структуры не могли быть разграничены

полностью, соответственно и строгого разделения функций между ними не могло быть. Несмотря на это, крестьяне, государство и помещики отчетливо отделяли их друг от друга, основываясь на простом критерии: что существует по закону или распоряжению властей и удовлетворяет их интересы — то казенное и помещичье, что существует по обычаю и традиции и удовлетворяет потребности крестьян — то мирское.

В общине существовало разграничение властных полномочий — иерархия должностей: староста, сборщик податей, писарь, десятские, сотские и т.п. Эти полномочия были одним из ярких проявлений социальных отношений. «Плохо жили потому, что землю отдадут богатым, работают на богатых, третью часть урожая берет себе, т. к. и семена у богатого, и лошади. В сев ни своих семян, ни лошадей, ни инвентаря. Общиной руководил староста. Наше волостное управление было в с. Юкseeво. Там были старшина, писарь. Приедут, соберут сходку, вот (налог) собирают. Если кто не может платить, описывают имущество. Один у нас бедно жил, на бочара учился, описали и вынесли даже инструмент. В этих собраниях участвовали только взрослые мужчины» (информатор Андров А. И., 1896 г. р., д. Отопково Кочевского района Пермской области, коми-пермяки).

Коронная администрация в государственной деревне и помещики в своих вотчинах не решались назначать на общественные должности своих, независимых от общины лиц. Они использовали руководителей, выдвигаемых самими крестьянами, но при этом контролировали их выбор. За плохое выполнение официальных обязанностей выборных ожидало наказание со стороны коронной администрации и помещика, а за «нерадение» об общественных интересах — осуждение и санкция со стороны крестьян. Выборные регулярно переизбирались, не имели никаких существенных привилегий (не освобождались даже от уплаты налогов и повинностей), продолжали заниматься крестьянским трудом, находились под контролем общественного мнения, а в случае злоупотребления властью им грозил крестьянский самосуд. Работа «выборным» была почитаема среди крестьян как престижная, так и очень ответственная и тяжелая.

С точки зрения коронной администрации, выборные должны были в первую очередь выполнять их волю, а уже потом дела общины. Община же думала по-другому: выборный должен во всем и всегда служить общине и выполнять волю общего схода, а сход

— это и есть само олицетворение общины. «Наша деревня и выселки Краснояра и ... составляли общину. Взрослые мужчины собирались на сходку. Десятник obeжит всех — соберет людей к годовому отчету. Если нет в хозяйстве мужчины — женщины участвовали, подать имели» (информатор Балуев Е. А., 1882 г. р., д. Отопково Кочевского района Пермской области, коми-пермяки). Даже указания администрации и помещика должны были пройти огласку на сходе. Помещики понимали силу схода и стремились любыми методами добиться от него одобрения своих указов, особенно непопулярных у крестьян.

Важные выборные должности занимали «мужики зажиточные, порядочные и добрые», «честного поведения, предпочтительно грамотные, сметливые, рассудительные, во всех отношениях ловкие», обычно в возрасте 40 — 60 лет. При выборах на должность старосты сход принимал решение, или выбор, которое включало формулу доверия («мы ему верим; понеже он человек добрый и правдивый, истинное его дело будет») и обязательство крестьян быть ему послушными («а нам, мирским людям, быть ему послушными»). «В обществе были выборы, староста избирался на два года, в каждой деревне полицейский, который отвечал за порядок. В Кочеве был урядник» (информатор Жаков Н. К., 1900 г. р., д. Воробьево Кочевского района Пермской области, коми-пермяки). «Староста избирался на три года (из хозяйств, в которых не менее трех мужчин. Одного и того же могли выбирать несколько раз кряду, если он хорошо справлялся. Обязанности старосты: вести порядок, чтобы около дворов, полей все было в порядке, налог вовремя заплатили» (информатор Балуев Е. А., 1882 г. р., д. Отопково Кочевского района Пермской области, коми-пермяки).

Самой уважаемой группой были старики — мужчины в возрасте 60 лет или больше, трудоспособные, сохранившие ясный ум и управляющие хозяйством. «Казна собирала хлеб через земство. Увозили обозами. Скот держали. Богатые, например, Сильковичи — 12 саней-розвальней имели. Много было и безлошадных, бескоровных, хотя и можно было держать. Это — лодыри. Кормились среди народа: наймется в батраки — за 20 пудов хлеба в год. Мало — 50 коп. за пуд муки, 40 коп. — за пуд зерна. Некоторые нанимались в пастухи: 20 — 25 коп. с коровы. Держали от 32 до 10 коров. У Сельковских коров 10 было. Такие богатые были в Отопково Селько, а в Пелыме Амесов Кузьма. Кто три года им отбатра-

чит, от военной службы освободится. Они все могли. Это — сам господин и царь. У кого земля удобрена — отберет и засеет. Ничего не сделаешь, никто судить его не будет, ты же виноватым останешься. Судьи их слушали. Они богаты были, что хотели, то и творили» (информатор Балуев Е. А., 1882 г. р., д. Отопково Кочевского района Пермской области, коми-пермяки). Старики, в свое время служившие выборными, объединялись в «совет стариков» и составляли наиболее влиятельную группу лиц в общине. Любой вопрос сначала рассматривался ими, и при вынесении решения их мнение было решающим. Староста сам не принимал решения за всю общину, только с согласования со стариками.

Следует отметить, что община обладала значительной автономией от помещичьей и коронной власти, пользовалась самоуправлением и имела реальные средства отстаивать свои интересы.

По обычаю в сходах принимали участие только мужчины, имеющие двор. Они назывались главами семей, большаками или патриархами, хотя присутствие на сходе никому не запрещалось.

Для понимания характера власти и управления в общине большое значение имела процедура принятия решений. Согласно обычному праву единогласие патриархов на сходе являлось непременным условием для принятия любого решения. Если хотя бы один человек был не согласен, решение не могло считаться окончательным и быть реализованным. Принуждение в психологическом, а тем более в физическом смысле не применялось. Требование единогласия фактически давало каждому право вето, реализовать которое, однако, было нелегко. Право вето иногда использовали только самые смелые крестьяне, чтобы противостоять помещикам или коронной администрации, вынуждая последних либо уступить, либо принять крайние меры в отношении несогласных, на что власти всегда шли неохотно.

В общине сильна оставалась и взаимопомощь ее членов. «Раньше всегда строились помочами. Помочь — это взаимобразно: друг другу помогают, но никогда — даром. В помощь пиво, брагу сделают, но ничего не платят. Помочами строились, возили навоз. Сам богач не ходил на помочи, направлял работников своих» (информатор Пыстогов А. А., 1894 г. р., с. Кочевое Кочевского района Пермской области, коми-пермяки).

В общине конца XIX — начала XX века действительно существовали солидарность и ощущение единства между крестьянами, но вместе с тем она изгоняла из своей среды лиц, не соответ-

ствующих ее эталонным нормам поведения; в общине происходили столкновения групповых интересов, наблюдались противоречия между выборными и крестьянами.

Источники и литература:

Александров В. А. Русские. — М., 1999.

Миронов Б. Н. Социальная история России. — СПб., 2000.

Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. — Паломник, 2000.

Пермский областной краеведческий музей. НВ, 5665/91.

Александр Первусин

Эволюция семейных отношений русского крестьянства в XIX веке

Целью работы стало выявление эволюции семейных ценностей крестьянства в XIX веке. Исследование было проведено по следующим направлениям: состав семьи, семейные отношения, статус членов в семье, воспитание и другим.

Состав семьи во многом определял отношения ее членов. Крестьянская семья являлась совокупностью близких родственников, живших вместе и ведущих одно хозяйство под управлением одного человека, который назывался хозяином. Крестьянская семья сильно выделялась на фоне остальных сословий. Порой она достигала невероятных размеров. Так, например, в Ярославской губернии была семья, состоящая из 72 человек. Причем семья могла включать в себя и неродных членов. Обычно женщины рожали от 7 до 11 и даже более детей. Сыновья, как правило, всю жизнь жили в своей семье, кроме тех, кто уходил на службу (уходил каждый третий сын). Многочисленность семьи обеспечивала крестьянскому хозяйству устойчивость и являлась важным фактором крестьянского благосостояния.

Каждая крестьянская семья поддерживала тесные отношения со всеми родственниками, которые образовывали целые роды. Важные решения, например о свадьбе, принимались на общем совете родственников; кроме того, крестьянская семья жила в рамках и под опекой сельской общины, которая, по обычаю, имела право вмешиваться во внутрисемейные отношения и регулировать их.

Проблема статусных отношений в семье XIX века раскрывает нам и степень сохранения традиционных устоев в среде крестьянства.

Самыми бесправными, занимавшими нижнюю ступень в положении, являлись дети. Господствовало суровое отношение к детям, вплоть до физических наказаний. Телесные наказания применялись преимущественно к мальчикам. Во всех семьях телесные наказания считались главным воспитательным средством. Родители считали, что родительская любовь состоит в строгом отношении к детям, что наказание всегда идет на пользу ребенку, и поэтому не упускали возможности наказать его, искренне полагая при этом, что «они обходятся с детьми ласково и балуют их».

В крестьянских семьях мальчики до 7 лет воспитывались матерью, а после отцом. Отец передавал им трудовые навыки, которые должен был знать каждый крестьянин. Девочки оставались под надзором матери, она обучала их всему, что было необходимо знать крестьянке. Обучение трудовым навыкам стояло на первом месте. К 15 годам девочки и мальчики становились полноценными работниками, способными выполнять все крестьянские работы.

Дети были привязаны к месту жительства, семье, своему словию, сословной корпорации и фактически к профессии, поэтому они были вынуждены следовать дорогой, проложенной их родителями.

В России крестьянские семьи были патриархальными. Взрослые мужчины занимали главенствующее положение в семье. Главенствующее положение в семье занимал большак. Большак — самый опытный и старейший по возрасту мужчина, он осуществлял в своей семье патриархальное управление и традиционное господство, основанное на вере в законность и священность отцовской власти. Большак распоряжался трудом членов семьи, распределял работу, руководил ею и наблюдал за нею, разбирали внутрисемейные споры, наказывал провинившихся, следил за нравственностью, делал покупки, заключал сделки, платил налоги; являлся главой семейного культа и ответственным перед деревней и помещиком, администрацией за поведение членов семьи. Обычай, по которому жили крестьяне, не признавал за детьми права отделиться от отца и требовать раздела имущества. Лишь тогда, когда большак расточал имущество, пьянствовал, наносил явный ущерб интересам семьи, обычай допускал раздел помимо его воли.

Женщина в России находилась на второстепенном плане, она не имела права голоса и должна была беспрекословно слушаться своего мужа. В крестьянских семьях контроль за чистотой нравов начинался еще до замужества и продолжался всю жизнь. Лишь в конце XIX века женщины стали добиваться прав, присущих мужчинам. Этнограф Н. А. Иваницкий свидетельствовал: «Женщина не пользуется уважением в народе, как существо, глупое от природы. Она считается бездушной тварью. Душа у женщины не признается». Несмотря на это, дети вплоть до замужества были абсолютно им послушны под страхом наказания. Женщина имела гораздо меньший статус, чем мать мужчины в семье. Власть родителей над дочерью, во всех сословиях, заканчивалась с ее замужеством. В крестьянских семьях сыновей заставляли жениться, а дочерей продавали. На первом месте при заключении брака находились не чувства или даже интересы жениха и невесты, а интересы двух семей, поскольку брак являлся соглашением не двух людей — жениха и невесты, а двух семей, двух родов.

В семейных отношениях существенную роль играли нравственные ценности. Например, строго осуждались добрачные и внебрачные отношения. В крестьянских семьях, если добрачные половые связи становились известными в деревне, то молодежь устраивала пародийные злые свадьбы, во время которых голову девушки покрывали платком так, чтобы было видно, что она не замужняя женщина и не «дивится». Соблазнителья секли розгами. Если девушка рожала внебрачного ребенка, то чаще всего родители отрекались от дочери и внуков, а она вынуждена была переезжать в другое место.

На время свадьбы в крестьянских семьях существовали специальные обряды, которые позволяли проверить девственность невесты, и если оказывалось, что она потеряла целомудрие до брака, ее ждало суровое наказание: жених избивал ее до полусмерти и мог отказаться от брака. Особенно жестоко обращались с женщиной, уличенной в измене мужу: она подвергалась страшным побоям и унижениям.

Примером эволюции семейных отношений можно считать семью одного из крупных крестьян-предпринимателей Пермской губернии, бывшего крепостного, Павла Николаевича Кропачева. Он был уважаемым человеком, активно вел благотворительную деятельность: строил церкви, школы, внес огромный вклад в образование Чусовских городков. Семейные отношения в его семье были удивительными. П. Н. Кропачев обожал свою жену и

детей. Если он уезжал в командировку, то писал жене письма, где проявлял свою любовь, давал советы по воспитанию детей, немного командовал женой. «Любезный дружок, Танюшка... Друг мой, Татьяна Александровна», — пишет он жене. «Прошу их, — писал однажды Павел Николаевич о детях, — учиться добрым делам, а не баловать... Я для их образования ничего не жалею...»

П. Н. Кропачев сыграл серебряную и даже золотую свадьбу. Этим он очень удивил местное население, так как подобные празднования не были приняты в крестьянской среде. Будучи сам необразованным, П. Н. Кропачев стремился дать образование своим детям. Он считал, что образование имеет большое значение в жизни человека.

В целом семейные традиции играли существенную роль в развитии сословий в России в XIX веке. В конце XIX века происходит трансформация семейных отношений. Это проявилось в следующих моментах: жестокость главы семьи стала смягчаться; положение женщин начало изменяться, увеличиваются ее права, приущие мужчинам; такие конфликты, как измена, развод и другие, постепенно начинают решаться в суде. В XIX веке традиционное общество начинает разрушаться, и это повлекло за собой изменения и в семейных отношениях.

Источники и литература:

Павел Николаевич Кропачев // Биография и семейная хроника его. — Пермь, 1898.

Ольга Шалимова

Из истории одежды старообрядцев Прикамья

Из истории пермского старообрядчества. Старообрядцы — это «древлеправославные» христиане, противостоящие официальной церкви, носители, как они считают, истинного православия, утраченного в никонианской церкви. В настоящее время старообрядческие группы рассматриваются как локальные группы русского этноса, а само старообрядчество определяют как этноконфессиональную общность.

Появление первых старообрядцев в Прикамье относится к концу XVII — началу XVIII века, но их интенсивное расселение происходило позднее. В 1684 году появились первые староверы на Обве и в с. Ильинском. Сильное распространение раскола в Обвинском поречье происходило в 1775 — 1791 годах в имениях Строгановых и на заводах.

В 1908 — 1912 годах было выявлено 87 общин, возникших на территории Пермской губернии, и проанализировано их географическое расположение и характер согласий. Самая большая активность приходится на 1907 год, когда возникло 48 общин; в 1908-м — 22; 1909-м — 8; 1910-м — 5 и в 1911-м и 1912 годах — по две общины. Старообрядцы составляли значительную часть русского православного населения Пермского края.

Ныне в Прикамье проживают потомки старообрядцев трех основных направлений: поповцы, беглопоповцы и беспоповцы.

Одежда как пласт материальной и духовной культуры старообрядцев Прикамья практически еще не исследована. На формирование одежды представителей старообрядческих поселений Прикамья повлияли многие факторы. Климатические и природные особенности края: прохладное лето, холодное межсезонье и суровая зима послужили причиной большого разнообразия в одежде и используемых материалах.

Женский старообрядческий костюм. Традиционный женский костюм старообрядческого населения Прикамья состоит из сарафана и рубахи.

Слово «рубаха» — исконно русское, образованное при помощи суффикса «-ах» — от существительного «руб», которое встречается в памятниках XI — XIV веков в значениях «кусоч грубой ткани», «плохая одежда». Очевидна также его связь со словом «рвать» — древнейшим способом изготовления одежды. Еще в конце XIX — начале XX века у старообрядцев филипповского согласия Уржумского уезда Вятской губернии было принято детали похоронной и моленной одежды выкраивать не ножницами, а рвать руками.

В регионе известны несколько вариантов покроя рубахи. До XIX века повсеместно бытовала рубаха с прямыми поликами, которая уже с конца XIX века сменяется «бесполиковой».

Праздничные рубахи представительниц староверия отличались от будничных только материалом (использовали фабричные ткани светлых тонов) и лишь изредка кроем: иногда к вороту пришивался невысокий воротник стоечкой.

Основным комплексом одежды, характерной для старообрядческого населения края, является сарафанный комплекс. На территории Прикамья бытовало несколько вариантов женского костюма. Различия в вариантах видны прежде всего в типе покроя сарафана. Наиболее архаичным представляется вариант «рубаха — глухой сарафан». Второй вариант включал рубаху и косоклинный сарафан. Третий, более поздний, — рубаху и круглый сарафан. Переходным можно считать вариант «рубаха — круглый сарафан — кофта». Кофта в таком случае надевалась поверх сарафана. Последний с начала XX века в праздничной одежде начинает вытесняться вариантом «кофта — юбка», парочка — юбка с кофтой. Как считают исследователи, самым древним был глухой сарафан прямого покроя, то есть сшитый без лямок. Старообрядцы в той или иной степени сохраняют приверженность к традиционной одежде.

Локальной особенностью является и то, что сарафан в среде старообрядчества продолжает бытовать и как будничная, праздничная одежда и является атрибутом моленного и погребального комплекса. Разные типы сарафанов являются маркером старообрядческих согласий и толков.

Старообрядки среднего возраста сарафаны не носят, что характеризует процесс изменений в соблюдении этой традиции. Их костюмный комплекс — кофта, широкая длинная юбка темного цвета, платок. Исключение составляют староверки Лысьвенского района, где на моления приходят и старые, и совсем юные в традиционных сарафанных комплексах. В некоторых районах Прикамья глухой сарафан прямого покроя встречается в составе погребальной одежды.

Мужская старообрядческая одежда. Основу мужского костюма старообрядца составляли рубаха и порты. Мужская плечевая одежда на территории Прикамья была более однообразна по сравнению с женской. По этнографическим описаниям, мужские рубахи по покрою подразделяются на два типа: туникообразные и рубахи на кокетке.

Более архаичной была туникообразная рубаха из белого или цветного однотонного холста, а также из клетчатой пестряди. Рубаха была с прямыми или скошенными рукавами, с ластовицей под ними, с подоплекой, с разрезом и застежками на левой стороне груди, невысоким стоячим воротником. Такие рубахи назывались косоворотками.

Под воздействием культуры города и заводских центров, с распространением фабричных тканей изменяется и традиционный покрой. Появляются рубахи на кокетках из ситца и плиса с прямым разрезом на груди.

Традиционный покрой мужских штанов в регионе был следующим: два полотна составляли основу будущих штанин. Третье полотно разрезалось по диагонали — получалось два клина. В широкой части клина (со стороны разреза) отрезали угол — клинышек. Клинья пришивали средней стороной к штанине, затем перегибали и соединяли большую сторону и вторую часть штанины, вставив в верхней части соединения клинышек. Получившиеся штанины сшивали друг с другом: впереди по основному полотну (до клинышков), а сзади — по клинышкам и меньшей стороне клиньев.

Передник — обязательная деталь костюма. Передник в Пермском крае называют запонем. Слово запон, существующее в старообрядческих говорах, возникло из общеславянского «запинати»: закрывать, задерживать, затруднять. В Прикамье, по мнению этнографов, бытовали передники двух видов: запон или фартук из пестряди, а в праздничном костюме — из покупной ткани.

Более архаичными считаются глухие запоны прямого покроя с длинными рукавами, которые использовались на хозяйственных работах. Чаше всего его надевали поверх пальто.

Спереди холщовое полотнище опускалось до колен, а сзади — до талии. Благодаря боковым прямым вставкам и широким рукавам с ластовицами запоны не стесняли движения во время работы. Его шили из прямоугольного полотнища материала, собранного по поясу на ленту — завязку. Запон «с грудкой», отличающийся тем, что к переднику была пришита «грудка», — несколько меньший прямоугольный кусок той же ткани, иногда собранный в нижней и верхней части. Экспедиционные материалы показывают наличие в молебном костюме старообрядок южных районов Прикамья платка-запона.

Особенностью *верхней одежды* является то, что зимняя верхняя одежда не подразделялась на женскую и мужскую. Основной зимней одеждой были тулупы и шубы. В холодное время года носили шерстяные и полушерстяные понитки, азямы, зипуны, кафтаны, армяки из сукна, прямоспинные и отрезные по линии талии, со сборками или фалдами и невысоким стоячим воротником.

В качестве верхней одежды носили зимой и летом одnobортные кафтаны, которые назывались шабурами, понитками, сибирками, азямами, армяками.

В северных районах был распространен совик — верхняя одежда мехом наружу с капюшоном, прямого покроя, без застежек, надеваемая через голову, сшитая из шкур 2–4-месячного оленя. Слово «совик» означало одежду с капюшоном, напоминающую по форме птицу — сову.

Головные уборы, общие для мужчин и женщин. Самым популярным общим головным убором была шапка: мужские, женские, девичьи, ребячьи. С учетом сезонного назначения — студеные и теплые. Определения при слове «шапка» называют материал, из которого она изготовлялась: соболя, овчинная, суконная, тафтяная, крашенная, атласная. Можно встретить указания на использование в зависимости от семейного положения владельца (вдовья), на предназначенность для выполнения определенных функций (ходильная, ездовая, спальная), на особенности покроя (польская, круглая, низкая).

Мужские головные уборы. Мужчины носили войлочные и овчинные шапки, меховые треухи и малахаи. И по сей день староверы носят в межсезонье войлочные шапки, летом — соломенные шляпы, зимой — ушанки.

Женские головные уборы. Разнообразие женских головных уборов вызвано их дифференциацией в зависимости от возраста и семейного положения женщины, а также тем обстоятельством, что головные уборы женщин, помимо основной функции — защищать голову от внешних атмосферных воздействий, выполняли еще роль головного украшения и знака социального положения. Большой употребительностью отличается слово «плат».

Повседневные виды головных уборов: клинышек — женский треугольный головной платок, косынка; подшальник, подшалок — шерстяной, шелковый или хлопчатобумажный головной платок небольшого размера; причелок — платок, который носили замужние женщины сверху головного убора, складывая его узкой полосой; вешанка — черная косынка, надеваемая женщинами в церковь; рямжина — холщовый платок.

Обрядовые головные уборы. Закон — головной убор невесты; китка — головной убор замужней женщины; уваль — фата; тафта — фата невесты; файтонка, фальшонка — головной убор невесты.

Пояс — как обязательный элемент костюма старообрядца. Считалось большим грехом ходить без пояса. «Что вы сейчас живете? Без креста, без пояса — без стыда, без совести», — слышали мы в одной из экспедиций. В будничном костюме допускалось

отсутствие пояса, если был надет запон. В праздничном и молебном костюме присутствие пояса было строго обязательно. «Без креста и пояса как без стыда и совести».

Старообрядческое население способствовало сохранению в Прикамье некоторых архаичных элементов одежды. Например: глухой сарафан, туникообразная рубаша, дубас, комплект погребальной одежды. Характерной особенностью является и современное активное бытование и изготовление традиционной одежды.

(Печатается в сокращении)

Источники и литература:

Ерофеева В. И. Общинная жизнь пермского старообрядчества по материалам журнала «Церковь» (1908–1917) // Традиционная народная культура населения Урала: Материалы международной научно-практической конференции. — Пермь, 1997.

Лукина Г. Н. Предметно-бытовая лексика древне-русского языка. — М., 1990.

Черных А. В. Традиционный костюм старообрядческого населения Юго-Западного Прикамья в конце XIX — XX в. // Старообрядческий мир Волго-Камья. Проблемы комплексного изучения. — Пермь, 2001.

Юлия Сотонина

Социологическое исследование профессионального выбора выпускников Черновской средней школы

Современный мир изменяется во все убыстряющемся темпе, но за короткий период в России произошли еще более радикальные изменения, которые оказались очень глубокими и охватили различные стороны жизни людей. Урбанизация за несколько десятилетий сумела поглотить огромное количество сельского населения, которое еще сто лет назад составляло 80% всего населения страны.

Мы, сельские жители, имели возможность наблюдать, как на протяжении жизни одного поколения обезлюдела наша местность и исчезли десятки и сотни населенных пунктов. Куда ушли люди? Где нашли себе применение? Где живут? И какой профессиональный выбор они сделали?

На основе проведенного нами социологического исследования, целью которого явилось изучение профессионального выбора выпускников Черновской средней школы за последние 30 лет XX века, мы сумели сделать некоторые выводы относительно судеб сельских жителей в нашей местности.

С 1970-го до 2000 года произошло сокращение учащихся Черновской школы в 2,5 раза. Основная масса выпускников покидает свои родные места и, несмотря на выбранные ими профессии сельскохозяйственного направления или связанные с обслуживанием населения, оседает в населенных пунктах, отдаленных от села Черновское. Во время исследования был проведен анализ списков учащихся, окончивших школу, уровень качества их обучения и социальное положение родителей, был проведен опрос родственников, друзей, соседей и просто знакомых с целью получения сведений о месте работы и проживании выпускников школы, их образовании, семейном положении. По результатам опроса были составлены таблицы для фиксирования сведений об образовании, профессиях, отраслях хозяйства, где работают выпускники школы, населенных пунктах, где они проживают.

Сведения из полученных таблиц были сгруппированы по интересующим нас данным, после чего был проведен их тщательный анализ. В итоге мы получили следующие результаты исследования за каждое десятилетие:

1. В 1970-е годы количество выпускников оказалось в 1,5 раза больше, чем за каждое из последующих двух десятилетий. Это объясняется введением всеобщего среднего образования. Уменьшение количества выпускников в 1980–1990-е годы мы связываем с падением рождаемости, что является общей тенденцией по стране, как ни парадоксально, развивающейся на фоне повышения уровня жизни сельского населения в эти годы, когда в сельское хозяйство шли в большом количестве государственные инвестиции на строительство производственных и социально-культурных объектов, жилья, на приобретение техники и т.д.

2. В половой принадлежности состава выпускников преобладают представительницы женского пола. Причиной этого, на наш взгляд, является то, что до окончания школы происходит отсев учащихся, в основном представителей мужского пола и, как правило, из неблагополучных семей. К тому же местная система про-

фессионального образования предусматривала обучение профессиям, связанным с обслуживанием техники, что наиболее привлекательно для юношей и не требует наличия среднего образования.

3. Несмотря на то что количество выпускников в школе снижалось, количество получивших высшее образование повышалось. Это свидетельствует о росте престижа высшего образования учащихся.

4. Показательны данные о социальном положении родителей выпускников в разрезе десятилетий. Если в 1970-е годы среди окончивших школу преобладали дети рабочих, то в 1990-е годы их количество уменьшилось вдвое, но соответственно выросло количество выпускников из семей служащих. Это, видимо, явилось следствием того, что сельское хозяйство нашего района пришло в упадок и рабочие специальности оказались не востребованы. Люди из этой категории по возможности устроились на работу в сферу услуг, занялись коммерцией, домашним хозяйством и т.д.

5. В разрезе трех десятилетий заслуживает внимания профессиональный выбор выпускников школы. В 1970-е годы выпускники выбирали специальности, связанные с работой в сельском хозяйстве: специалисты, водители, механизаторы, счетные работники, а также педагоги, медицинские и торговые работники. В 1980-е годы эта тенденция в основном сохранялась, но увеличилось количество специалистов сельского хозяйства, водителей и медицинских работников. В 1990-е годы сельскохозяйственные специальности потеряли приоритет, упал престиж профессии учителя. Многие выпускники стали заниматься бизнесом, освоили юридические и финансовые специальности, работают в органах внутренних дел.

Эти показатели демонстрируют те социальные изменения, которые происходили в нашей стране и которые вызвали «обезлюдение» нашей местности. Данные нашего исследования подтверждают, что если в 1970-е годы большинство выпускников нашей школы оставалось на селе, то в 1990-е годы ситуация изменилась в обратную сторону.

На основе результатов проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

— Финансовая поддержка государством сельского хозяйства вызвала подъем сельскохозяйственного производства, улучшение

жизненного уровня населения, возможность получения сельскими жителями высшего образования, в том числе престижного, повлияло на морально-психологическое состояние местного населения, вызвав трудовую активность, стремление к творчеству и просто жизненный оптимизм.

— Значительные изменения в жизни всей страны в 1990-е годы негативно отразились на состоянии сельского хозяйства. Прекращение финансирования остановило развитие деревни, привело к опустошению сельской местности. Рискованное земледелие в условиях не всегда благоприятного климата требует поддержки государства, чтобы получать продукцию сельского хозяйства того биохимического состава, к которому веками адаптировался организм местного жителя. Это было залогом отменного здоровья и продолжительной жизни.

— Деревенский житель своей производительной деятельностью связан с природой, в которой процессы развития идут соразмерно, в определенные периоды обеспечивая качество продукции. Таким же обстоятельным формируется характер человека. Быстрая смена, ломка устоявшихся условий может негативно сказаться на психологическом состоянии жителей деревни, что и произошло в 1990-е годы. Люди оказались совершенно не подготовлены к ломке тех производственных отношений, которые были изменены. Люди потеряли душевное равновесие, без которого невозможно использование трудового и интеллектуального потенциала.

— Высокий темп урбанизации, приток сельского населения, и прежде всего молодежи, в город довольно часто дает примеры деградации личности сельского жителя, оказавшегося в городе. Социальные изменения последнего десятилетия, подталкиваемые государственными реформами, не всегда направлены на благо основного населения страны и вызвали такие негативные явления, как преступность, терроризм, локальные войны, наркомания, пьянство и т.д. Физическое и нравственное здоровье людей должно восполняться в общении с природой, что невозможно в условиях города.

— Очередной тур многочисленных государственных реформ бросил сельских жителей на произвол судьбы. Необходимость очередного выживания заставляет людей искать выход, и, наверное, постоянное общение с природой и привычка к труду дают возможность его найти. Это развитие домашнего хозяйства, сбор

и продажа дикорастущих плодов, рыболовство, охота, освоение забытых ремесел. А появление большого количества патронатных семей говорит о доброте и отзывчивости местных жителей, что является характерной чертой русских людей.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АВЕРТЬЕВА Анна Сергеевна, г. Пермь, ГОУ НПО «Профессиональный лицей № 77».

АЛЕШИН Александр Сергеевич, г. Краснокамск, МОУ «СОШ № 4».

АХМЕТОВА Эльвира, г. Чернушка, МОУ «СОШ № 5».

БАЗАРЬЕВА Лилия Петровна, Большесосновский р-н, МОУ «Черновская СОШ им. А. С. Пушкина».

БОЙЧЕНКО Людмила Ивановна, г. Горнозаводск, ГОУ НПО «ПУ № 35».

ВИКТОРОВ Василий Владимирович, г. Краснокамск, МОУ «СОШ № 4».

ВИЛКОВА Марина Владимировна, г. Кунгур, МОУ «СОШ № 1».

ВИЛЬДАНОВА Лилия Ильдусовна, г. Пермь, ПГТУ.

ВИТОХИН Евгений Юрьевич, г. Чусовой, МОУ «СОШ № 75».

ГРИГОРЯК Алена Игоревна, г. Губаха, МОУ «СОШ № 2».

ГОРДЕЕВА Мария Павловна, с. Кишерт, МОУ «Кишертская СОШ».

ГОРДЕЕВА Ольга Алесандровна, г. Пермь, ПГТУ.

ГУСЕВ Алексей Александрович, г. Пермь, ГОУ НПО «Профессиональное училище № 26».

ЕЛЫГИН Сергей Александрович, с. Кишерт, МОУ «Кишертская СОШ».

ЕРШОВА Марина Александровна, г. Горнозаводск, ГОУ НПО «ПУ № 35».

ЗАВАРЗИН Алексей Васильевич, Нытвенский р-н, МОУ «Шеринская СОШ».

ЗЯБЛИЦЕВА Екатерина Викторовна, г. Краснокамск, МОУ «СОШ № 1».

ИВАНОВА Анастасия Владимировна, Нытвенский р-н, МОУ «СОШ № 9» п. Уральский.

КАЗАКОВА Мария Алексеевна, г. Нытва, МОУ «Нытвенская городская гимназия».

КАСПЕРОВИЧ Елена Сергеевна, г. Кунгур, МОУ «СОШ № 1».

КАТАЕВА Светлана Александровна, Нытвенский р-н, МОУ «Григорьевская СОШ».

КОЖУХОВА Надежда Юрьевна, г. Губаха, МОУ «СОШ № 2».

КОЛДОМОВА Виктория Юрьевна, Большесосновский р-н, МОУ «Черновская СОШ им. А. С. Пушкина».

КОЛЕСНИК Яна Викторовна, г. Пермь, ГОУ НПО «Профессиональный лицей № 15».

КОЧЕТОВ Алексей Сергеевич, г. Пермь, ГОУ НПО «Профессиональное училище № 26».

КУЛИК Елизавета Викторовна, г. Пермь ГОУ НПО «Профессиональный лицей № 77».

ЛЕОНТЬЕВА Виктория Михайловна, г. Пермь, МОУ «Гимназия № 5».

ЛЫЖАК Анастасия Евгеньевна, Краснокамский р-н, «Майская СОШ».

ЛУЗИН Антон Евгеньевич, Частинский р-н, МОУ «Мельничная СОШ».

ЛЮБОМИРСКАЯ Татьяна Владимировна, г. Краснокамск, МОУ «СОШ № 8».

МАКАРОВА Мария Александровна, Ординский р-н, МОУ «Шляпниковская СОШ».

МАЛЫЦЕВА Софья Валерьевна, г. Пермь, МОУ «Гимназия № 17».

МУГАЛИМОВА Ляйсан, г. Чернушка, МОУ «СОШ № 5».

ОБМАЧКИНА Ульяна Валерьевна, г. Пермь, ГОУ НПО «Профессиональный лицей № 15».

ПАРФЕНОВА Мария Александровна, Частинский р-н, МОУ «Шабуровская СОШ».

ПАРШАКОВА Юлия Михайловна, Чернушинский р-н, МОУ «Таушинская СОШ».

ПЕРВУСИН Александр Сергеевич, г. Пермь, ПГТУ.

ПЛЕШКОВА Юлия Владимировна, Нытвенский р-н, Майская СОШ.

ПЛОТНИКОВА Юлия Игоревна, Нытвенский р-н, МОУ «СОШ № 9» п. Уральский.

ПОЗДЕЕВА Юлия Анусовна, г. Губаха, МОУ «СОШ № 2».

ПОПОВА Галина Олеговна, г. Пермь, МОУ «Гимназия № 5».

ПРОНИНА Ольга Ивановна, Нытвенский р-н, МОУ «СОШ № 9» п. Уральский.

ПУСТОВАЛОВ Павел Андреевич, г. Чусовой, МОУ «СОШ № 75».

РОЖКОВА Анна Владимировна, Бардымский р-н, МОУ «Печменская СОШ».

РЫЖОВА Анастасия Михайловна, г. Нытва, МОУ «Нытвенская городская гимназия».

САРКИСЯН Жанна Леонидовна, г. Чусовой, МОУ «СОШ № 75».

СИВОХИНА Анастасия Леонидовна, г. Чусовой, МОУ «СОШ № 75».

СОТОНИНА Юлия Владимировна, Большесосновский р-н, МОУ «Черновская СОШ им. А. С. Пушкина».

СПИРИНА Юлия Сергеевна, г. Губаха, МОУ «СОШ № 2».

ТИХОНОВА Ксения Анатольевна, г. Краснокамск, МОУ «СОШ № 4».

ТУЛЯКОВА Ирина Сергеевна, Нытвенский р-н, МОУ «Шерьинская СОШ».

ТУРКИНА Елена Владимировна, г. Кудымкар, МОУ «Школа-гимназия № 3».

ФУРСОВА Валерия Алексеевна, г. Пермь, ПГТУ.

ШАКИРОВА Татьяна Вилевна, Большесосновский р-н, МОУ «Левинская СОШ».

ШАЛИМОВА Ольга Леонидовна, Нытвенский р-н, МОУ «Григорьевская СОШ».

ШАХМАЕВА Ксения Игоревна, г. Краснокамск, МОУ «СОШ № 8».

ШЕМЕЛИНА Татьяна Алесандровна, с. Кишертъ, МОУ «Кишертская СОШ».

ШИТОВА Мария Константиновна, г. Краснокамск, МОУ «СОШ № 4».

ШУДЕГОВА Елена Сергеевна, Нытвенский р-н, МОУ «Шерьинская СОШ».

ЩЕРБАКОВА Галина Юрьевна, Чердынский р-н, МОУ «Ныробская СОШ».

Руководители секций:

СОКОЛОВА Татьяна Федоровна, прозаик, член Союза писателей России. (Литературная секция).

БОГОМОЛОВ Виталий Анатольевич, прозаик, член Союза писателей России. (Литературная секция).

ОБУХОВ Леонид Аркадьевич, кандидат исторических наук, Пермский государственный университет. (Общественно-историческая секция).

ПРОСВИРНИНА Ольга Николаевна, Пермская государственная сельскохозяйственная академия. (Этнокраеведческая секция).

В книге использованы работы народного художника СССР Евгения Николаевича Широкова: «Хохловка», «Времена года. Весна», «Портрет писателя В. Астафьева» (шмуцтитутлы).

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Виталий Богомолов. Астафьев — навсегда	3
---	----------

ЛИТЕРАТУРНАЯ СЕКЦИЯ

В. П. Астафьев и современная русская литература: читаем, размышляем, пишем	7
<i>Мария Парфенова. Дialeктная лексика в повести</i>	
<i>В. П. Астафьева «Последний поклон»</i>	<i>8</i>
<i>Евгений Витохин. «Чусовской рабочий» — больная любовь моя</i>	<i>10</i>
<i>Жанна Саркисян. Спутница жизни</i>	<i>15</i>
<i>Алена Григоряк. Проблемы экологии в произведениях Виктора Астафьева</i>	<i>20</i>
<i>Юлия Плотникова. Природа трагического в рассказе В. П. Астафьева «Пролетный гусь»</i>	<i>23</i>
<i>Анастасия Иванова. Бабушка Виктора Петровича Астафьева</i>	<i>27</i>
<i>Марина Ершова, Людмила Бойченко. Неизвестные страницы из жизни В. П. Астафьева (по материалам, записанным авторами в Теплой Горе)</i>	<i>30</i>
<i>Екатерина Зяблицева. Литературотерапия В. Астафьевым (по рассказу «Захарка»)</i>	<i>34</i>
<i>Алексей Коротин, Александр Гусев. Человек и природа (по творчеству В. П. Астафьева).</i>	<i>38</i>
<i>Александр Алешин. Виктор Петрович Астафьев: «Заметки памяти»</i>	<i>42</i>
<i>Ксения Тихонова, Мария Шитова, Василий Викторов. Дialeктный словарь повести В. П. Астафьева «Последний поклон»</i>	<i>46</i>
<i>Виктория Леонтьева. Жанровое своеобразие «Затесей» В. П. Астафьева</i>	<i>49</i>
<i>Галина Попова. «Связистка» В. П. Астафьева в современном прочтении</i>	<i>56</i>
<i>Юлия Спирина. Тема современной деревни (по произведениям В. Распутина «Прощание с Матерой» и В. Астафьева «Печальный детектив»)</i>	<i>61</i>
<i>Анастасия Лыжак, Юлия Плешкова. Роль школы и учителя в жизни села и деревенских ребятишек в произведениях В. П. Астафьева и Б. П. Екимова</i>	<i>64</i>

Мария Макарова. Да не порвется нить поколений. Раздумья о роли стариков в воспитании подрастающего поколения	68
Надежда Кожухова. «Власть зла» в повести	
В. Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана»	71
Юлия Поздеева. Проблемы экологии в произведениях	
Валентина Распутина	73
Ольга Пронина. Современная Россия глазами писателей	77
Елизавета Кулик. Судьба русской деревни в творчестве	
Федора Абрамова	81
Елена Касперович. Раздумья о дне сегодняшнем.	
Анализ произведений В. Белова	85
Марина Вилкова. То, что вечно, — человечно.	
Анализ рассказов Б. Екимова	89
Яна Колесник. Ульяна Обмачкина. Тема коллективизации	
в рассказе В. Ф. Тендрякова «Пара гнедых»	93
Мария Гордеева. Оптимизация... духовности	95
Сергей Елыгин. Современная сказка К. Булычева —	
реквием по XX веку, или сказка-предупреждение	99
Анастасия Сивохина. Тема войны в произведениях	
О. К. Селянкина	103
Ксения Шахмаева. Деревенское детство	
Валентины Телегиной	107
Елена Туркина. Отражение трагедии вымирающих деревень	
в творчестве коми-пермяцких поэтов	111
Павел Пустовалов. Гении Виктора Астафьева:	
Владимир Армишев	115
Антон Лузин. «А может быть, стоит поверить траве...»	
(О живописном и поэтическом наследии частинской земли) . . .	118
Татьяна Любомирская. Белые астры	124

ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

Крестьянская Россия: история и современность	129
Софья Мальцева. Начало Строгановского землевладения	
на Урале	130
Татьяна Шемелина. Петр Сосипатрович Ковин:	
фабрикант, меценат	135
Валерия Фурсова. Крестьянство в годы	
Первой мировой войны	139
Лилия Базарьева. Здесь остановили мятежников	143

Анна Авертьева. Проведение политики коллективизации сельского хозяйства в Пермском крае (1929–1937)	146
Лилия Вильданова. Проблемы развития советской деревни в конце 1920 — начале 1930-х годов (по материалам Прикамья)	151
Анна Рожкова. Судьба страны с судьбой людей неразделима . . .	154
Виктория Колдомова. История «Зари»	160
Татьяна Шакирова. Тойкинские трактора	163
Анастасия Рыжова, Мария Казакова. История проходит через дом человека, через его частную жизнь	169
Галина Шербакова. Трагическая история немцев-поволжцев в 1941 — 1943 годах	175
Эльвина Ахметова, Ляйсан Мугалимова. Именитая семья села Сульмаш	179
Алексей Заварзин. В начале жизни школу помню я... (Из истории народного образования в селе Шерья)	182

ЭТНОКРАЕВЕДЧЕСКАЯ СЕКЦИЯ

История человека проходит через его дом, род, край . . .	189
Юлия Паршакова. Династия Томасовых	190
Елена Шудегова. В полях России русский голос слышится (Классификация и этимология названий полей АКХ «Шерья») . . .	193
Светлана Катаева. Духовный основатель Пермского края	199
Ольга Гордеева. Социальные отношения в крестьянской общине в России в конце XIX — начале XX века	201
Александр Первусин. Эволюция семейных отношений русского крестьянства в XIX веке	205
Ольга Шалимова. Из истории одежды старообрядцев Прикамья	208
Юлия Сотонина. Социологическое исследование профессионального выбора выпускников Черновской средней школы	213
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	218

Научно-популярное издание

Астафьевские (малые) чтения

Выпуск первый (17–18 апреля 2006 г.)

СОВРЕМЕННЫЙ МИР И КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССИЯ: ЧИТАЕМ В. П. АСТАФЬЕВА

Редактор-составитель

Т. Соколова

Научный редактор

Л. Обухов

Фотоколлаж обложки

В. Маслянка

Подписано в печать 20.11.06. Формат 84x108¹/₃₂.

Усл. печ. л. 11,76. Тираж 300 экз.

Печать офсетная. Заказ № 1172.

Производство: ООО «Студия «ЗёБРА»

614990, г. Пермь, ул. Окулова, 80.

Тел. (342) 239-08-39.

Астафьевские (малые) чтения.

Выпуск первый (17–18 апреля 2006 г.). — Пермь: Студия

А 91 «ЗёБРА», 2006. — 224 с.

ISBN 5-88345-097-0

Сборник материалов Астафьевских (малых) чтений, посвященных теме «Современный мир и крестьянская Россия: читаем В. П. Астафьева», включает более 50 докладов, сообщений, эссе школьников и студентов Перми и Пермского края. Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся жизнью и творчеством великого русского писателя, а также историей и современным состоянием крестьянской России, отражением ее проблем в художественной литературе с точки зрения молодого поколения.

ISBN 5-88345-097-0

УДК 821.0

ББК 83.3(2Рос-Рус)6-8

**Мемориальный центр
истории политических репрессий
«Пермь-36»**

**выражает благодарность
Министерству образования Пермского края,
администрации города Перми,
Юношеской библиотеке города Перми,
Областному духовно-историческому центру
за помощь в издании этой книги.**